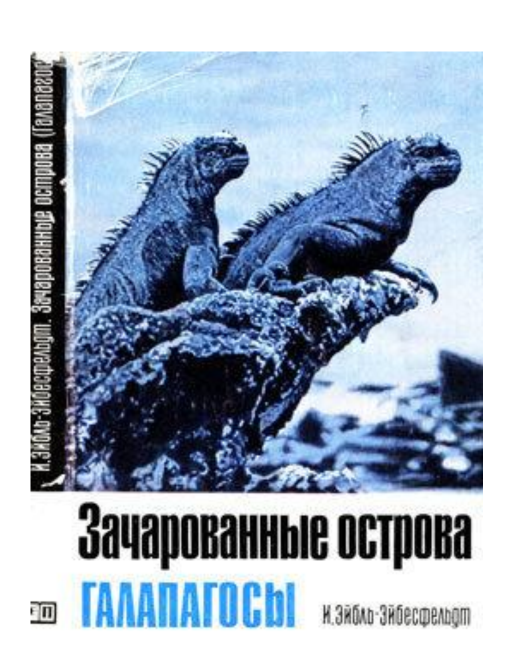
Ирениус фон Эйбл-Эйбесфельдт
Зачарованные острова Галапагосы

–

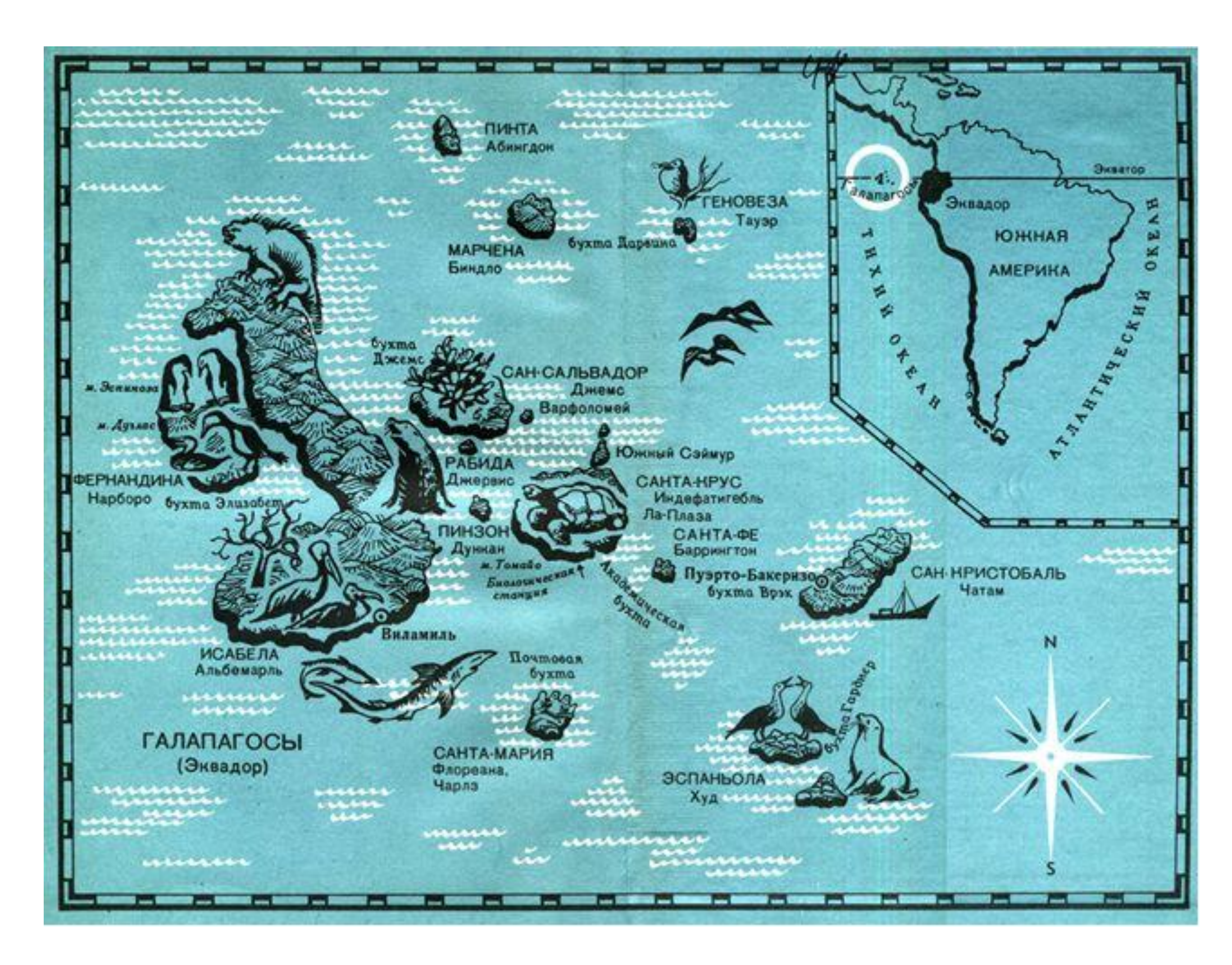

Аннотация

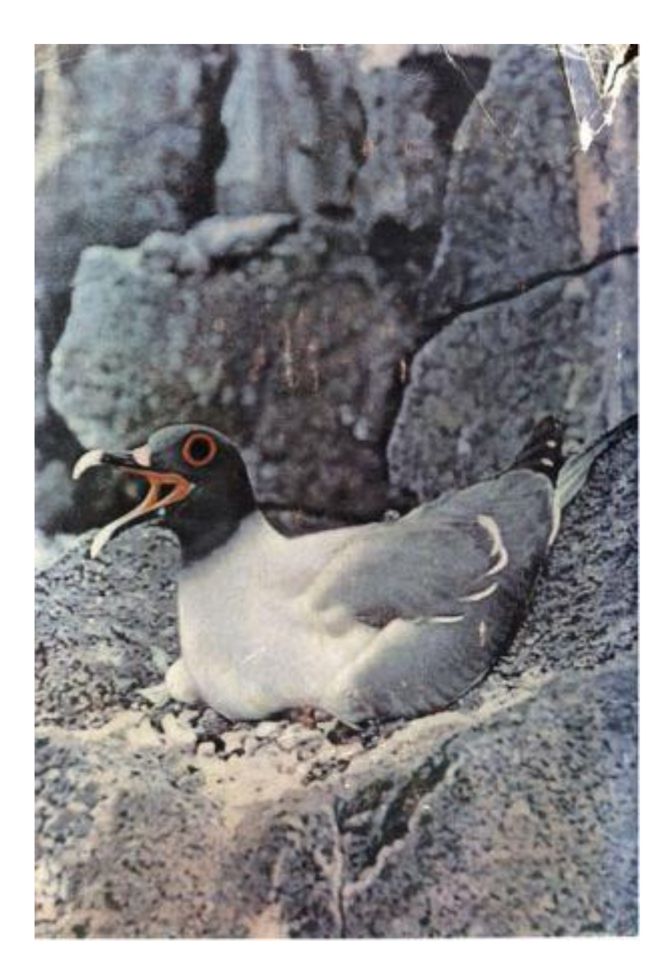
В Тихом океане, отделенные от ближайшего материка тысячей километров морских просторов, лежат удивительные вулканические острова. Своеобразна и экзотична природа Галапагосов. На черных лавовых скалах греются ящерицы игуаны, сохранившиеся здесь со времен «века рептилий», медлительно движутся гигантские черепахи. На островах тесно уживаются животные и растения тропиков и Заполярья: лианы и мхи, тропические птицы и чайки Антарктики, пингвины, морские львы и бакланы. Живо и увлекательно, на основе личных впечатлений рассказывает об уникальном животном мире «зачарованных островов» молодой зоолог Иренеус Эйбль-Эйбесфельдт. Книгу с интересом прочтут самые широкие круги читателей.

И. Эйбль-Эйбесфельдт

Зачарованные острова Галапагосы
Прогресс
Москва 1971
Редактор Л. Бабинцева
Художник В. Кузяков
Художественный редактор Л. Шканов
Технический редактор И. Володина
Корректоры Л. Полянская и Н. Пиковская

ПИНТА
Абингдон
ГЕНОВЕЗА
Тауэр
бухта Дарвина
МАРЧЕНА
Биндло
бухта
Джемс
САН-САЛЬВАДОР
Джемс
Варфоломей
Южный Сэймур
РАБИДА
Джервис
САНТА-КРУС
Индефатигебль
Ла-Плаза
ФЕРНАНДИНА
Нарборо
бухта Элизабет
ПИНЗОН
Дункан
САНТА-ФЕ
Баррингтон
Биологическая
станция
Академическая
бухта
Пуэрто-Бакеризо
бухта Врэк
САН-КРИСТОБАЛЬ
Чатам
ИСАБЕЛА
Альбемарль
Виламиль
Почтовая
бухта
ГАЛАПАГОСЫ
(Эквадор)
САНТА-МАРИЯ
Флореана,
Чарлз
ЭСПАНЬОЛА
Худ
N
S
Экватор
Галапагосы
Эквадор
ЮЖНАЯ
АМЕРИКА
ТИХИЙ ОКЕАН
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Галапагосы

Галапагосы
Редактор Л. Бабинцева
Художник В. Кузяков
Художественный редактор Л. Шканов
Технический редактор И. Володина
Корректоры Л. Полянская и Н. Пиковская
Сдано в производство 17/VIII 1970 г.
Подписано к печати 4/XII 1970 г.
Бумага 60x901/16- Бум. л. 5 1/2.
13 1/2 печ. л., в т/ч 1 п. л. цвет. + 1 1/2 п. л. ч/бел. вкл.
Уч.-изд. л. 11,77 Изд. № 11/10411
Цена 1 р. 27 к. Зак. № 1317
Издательство "Прогресс"
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфирома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

Об авторе

Ирениус фон Эйбл-Эйбесфельдт (или Айбль-Айбесфельдт в немецкой транскрипции, что, наверное, более правильно - Eibl-Eibesfeldt) ученик К.Лоренца. Работал в области эволюции поведения, разрабатывал новое направление этологии - этологию человека. Исследовал мимику и выражение эмоций, особенности восприятия и их проявления в

искусстве у представителей этнических групп. Важнейшими направлениями исследований этологии человека Эйбл-Эйбесфельдт считал наблюдения за развитием детей в обедненных и обогащенных условиях. Эти данные он планировал сопоставлять с аналогичными, полученными на животных.

Предисловие

Острова Галапагос, названные так по причине былого обилия населяющих этот архипелаг гигантских черепах (по-испански "galapago" означает "черепаха"), представляют собой уникальное явление природы. Расположенные под самым экватором, они тем не менее обладают не особенно жарким климатом. Средняя годовая температура на побережье около 23°. Причина этого, по-видимому, в том, что острова омываются холодным течением Гумбольдта. Галапагосы - острова вулканического происхождения, никогда в прошлом не имевшие сухопутной связи с материком. Более тысячи километров океанских просторов отделяет их от Южноамериканского континента. Именно оттого так беден числом видов животный мир Галапагосских островов. Только немногие виды наземных птиц смогли, преодолев огромное расстояние, достичь Галапагосов и укрепиться здесь. А укрепившись, они в большинстве случаев резко обособились и видоизменились.

В 1835 году, совершая кругосветное плавание на небольшом английском бриге "Бигль", Галапагосы посетил Чарлз Дарвин. Наблюдения над своеобразными и отчетливо выраженными особенностями флоры и фауны Галапагосов дали великому естествоиспытателю обильный материал сначала для размышлений, а потом и для обоснования теории эволюционного происхождения видов. Обитающая на этих островах небольшая группа видов птиц - дарвиновы вьюрки, дотоле не известные науке,- прежде других привлекла его внимание. Эти неприметные по внешнему виду птицы составляют особое подсемейство (Geospizidae) и принадлежат к широко распространенному семейству вьюрков, с которыми они очень близки по анатомическим признакам и по ряду черт биологии. Дарвиновы вьюрки - словно модель эволюции в миниатюре. Они связаны между собой тесным родством, но достаточно разнообразны, в первую очередь формой и размером клюва, хотя никогда не отличаются или почти не отличаются друг от друга цветом оперения. Вьюрки позволяют внимательному натуралисту проследить методом сравнения все стадии эволюции - от совсем небольших различий в пределах одного вида до видовых и далее до родовых расхождений, а также факторы, их вызывающие. Галапагосские наблюдения потрясли Дарвина и явились поворотным моментом в изменении воззрений ученого в вопросе о возникновении новых видов. В его сознании рушилась библейская легенда о сотворении и неизменности животных и растений. Рождалось новое эволюционное учение, ставшее основой наших научных представлений о развитии органического мира.

Экзотична и любопытна фауна Галапагосов. Бок о бок живут здесь гигантские черепахи, численность которых сильно уменьшилась в последние годы, древние морские и наземные игуаны, лавовые змеи и доверчивые морские львы.

На островах долгое время отсутствовали хищники, а человек появился здесь лишь 400 лет назад. Эти своеобразные условия привели к тому, что на островах могли жить птицы, утратившие способность летать, как, например, нелетающий галапагосский баклан. На Галапагосах гнездятся также пингвины - один вид, самый тепловодный представитель этой холодноводной приантарктической группы птиц.

Многие обитатели Галапагосских островов - создания эндемичные и встречаются только на этих островах и нигде больше. Эндемизм одних видов объясняется тем, что они возникли на Галапагосах и не смогли расселиться отсюда в другие места, как, например, дарвиновы выорки, из числа которых лишь один вид живет на острове Кокос. Другие виды имели ранее более широкое распространение, но в иных частях своего ареала вымерли или были истреблены, так что Галапагосы представляют сейчас их последнее убежище на Земле.

Это обстоятельство побуждает нас особенно бережно относиться к животному миру

Галапагосских островов, ибо уничтожение на его берегах того или иного вида в огромном большинстве случаев означает полное исчезновение этого вида с лица Земли. Тревожит и то, что обитатели Галапагосов не боятся людей, их доверчивость изумляет. Правда, на протяжении веков они подвергались преследованиям со стороны колонистов и пиратов, но они и сегодня "не знают", что человек не только друг, но и их враг, а туристы часто злоупотребляют этим. Животных на Галапагосах истребляют не только ради еды, но нередко ради забавы или из желания просто убить.

Большой вред местной фауне приносит завоз на острова чужеродных видов животных. Многие привезенные на Галапагосы домашние животные одичали там, размножились и теперь являются сильными конкурентами аборигенным видам, мало приспособленным к соперничеству с новоприбывшими. Законы об охране природы на территории Галапагосов оказываются мало действенными.

После Чарлза Дарвина Галапагосские острова посещали многие естествоиспытатели. Заслуживают упоминания две первые экспедиции, в которых участвовал (во второй экспедиции как руководитель) автор книги Иренеус Эйбль-Эйбесфельдт. Этот молодой- еще тогда зоолог впервые посетил Галапагосы в 1953-1954 годах. Одновременно с исследовательскими задачами он имел также поручение от ЮНЕСКО выявить, насколько реальной станет организация охраны животного мира на островах. При втором посещении островов в 1957 году он руководил экспедицией, направленной на Галапагосы ЮНЕСКО и Международным союзом охраны природы. Во время этой экспедиции на острове Чатам была организована научно-исследовательская биологическая станция.

Личное знакомство с островами Галапагос, и прежде всего подробнейшее изучение их фауны, дали Эйбль-Эйбесфельдту богатый материал, который и лег в основу предлагаемой вниманию советского читателя книги "Зачарованные острова". Ее автор как ученый-зоолог увлечен познанием поведения животных. Вот почему так красочны и многочисленны описания в книге облика и образа жизни обитателей Галапагосов: млекопитающих, птиц, рептилий, насекомых. Позднее, в 1967 году, Эйбль-Эйбесфельдтом была выпущена специальная монография под названием "Grundrifi der vergleichenden Verhaltens- forschung", посвященная сравнительному изучению повадок животных.

Книга "Зачарованные острова" выдержала уже два издания. Перевод сделай со второго, несколько более расширенного издания. Надо думать, что книга будет принята советским читателем с тем вниманием, которого она, несомненно, заслуживает. Следует, однако, сказать, что объяснение эволюционной дивергенции видов изложено автором слишком упрощенно. Интересны последние страницы книги, посвященные общим вопросам охраны природы, которые автором рассматриваются в несколько более суженном аспекте, чем это принято в настоящее время. Во всяком случае, на вопрос автора, поставленный в последней главе книги: "Охрана природы - роскошь или долг?"-современная теория охраны природы отвечает вполне определенно: не только долг, но и необходимость.

Н. Гладков, профессор, доктор биологических наук

Эдем в Тихом океане

На островах Галапагос решено создать биологическую станцию! Это радостное известие я получил весной 1957 года, когда готовился к экспедиции в Индо-Малайскую область. Международный союз охраны природы и ЮНЕСКО предложили мне отправиться на Галапагосский архипелаг, находящийся в Тихом океане в 1000 километрах к западу от Эквадора, изучить животный мир островов и подыскать подходящее место для биологической станции.

Несколько недель спустя я уже шагал по серым нагромождениям лавы и выжженной солнцем кактусовой пустыне, любуясь их дикой красотой. Я ставил палатку то в местности, поразившей меня своим лунным пейзажем, то под дождем в девственном лесу, то среди

прибрежных скал, в. окружении морских львов, морских игуан и пингвинов. Так за недели напряженных поисков я познакомился с многообразной природой архипелага. Наконец я нашел пригодное для станции место на юге острова Индефатигебль.

С высокой песчаной дюны на его восточном берегу открывается вид на всю бухту. На юге остров замыкается скалами, живописно поросшими древовидными кактусами. Скалы образуют естественный мол, принимающий па себя натиск моря. Внизу бурлит прибой, и белые языки пены взлетают вверх, словно стремясь достичь далекого неба. Сама бухта, сверкающая под лучами солнца, почти неподвижна. Нага рыболовный катер лишь слегка покачивается на воде. Яркозеленые мангровы простирают свои длинные коленчато изогнутые корни далеко в открытую воду, как бы желая отторгнуть от моря прибрежные участки. Кое-где в кустах гнездятся пеликаны, величественные птицы с каштановым оперением. Пользуясь громоздкими па вид клювами, они с удивительной ловкостью кормят своих беспомощных детенышей. Между глыбами лавы и корнями мангровых медленно ползают огромные морские игуаны. Защищенные темным панцирем, пресмыкающиеся пробуждают мысль о легендарных драконах.

На севере бухты сверкает несколько лагун, отделившихся от моря. Там в иле копаются розовато-красные фламинго. Мой взгляд скользит дальше, в глубь острова, поверх пустыни, поросшей кактусами, к зеленым холмам, вершины которых прячутся в серых облаках. Наверху сыро и прохладно, а внизу немилосердно печет солнце.

Какое обилие контрастов! Здесь иссохшая пустыня, там вдали вечнозеленый дождевой лес. Мы только что спустились к морю из верхней области лесов, где обитают последние на земле гигантские черепахи.

От созерцания пейзажа меня отвлекла какая-то возня возле ног. Ага, серая птичка величиной с дрозда хочет заполучить шнурки от моих ботинок для своего гнездышка! Она то и дело с вызовом поглядывает на меня, не выказывая ни малейших признаков страха или смущения, а затем с мелодичным "тют" снова принимается за работу. До чего же доверчив этот галапагосский пересмешник! Однако здесь он вовсе не является исключением: я неоднократно гладил морских львов, морские игуаны ползали по моим ногам, канюки садились так близко от меня, что я мог дотянуться до них рукой, и все же их поведение всякий раз поражало меня. Для нас непостижимо, что дикие животные могут быть столь бесстрашны. Но на Галапагосах животные действительно не проявляют ни малейшего страха перед человеком. Почему? Ответ на этот вопрос дает естественная история островов, в высшей степени своеобразная и интересная.

Там, где сейчас расположены Галапагосские острова, когда-то простирались воды Тихого океана. Однажды, миллионы лет назад, море здесь яростно вскипело. Кора земного шара лопнула, и обнажились раскаленные недра планеты. На морском дне громоздились все новые массы лавы и пепла, и наконец огнедышащие вулканы взметнули свои вершины из бурлящего океана. Так появились на свет острова Галапагос!

Прошли еще многие тысячелетия, прежде чем на склонах потухших вулканов возникла жизнь. Ветер и волны принесли сюда первые семена, и неприхотливые сорта пустили ростки на скудной скалистой земле. Нередко случалось, что горы вновь начинали извергать пламя, неся гибель нелегко образовавшейся почве. За примитивными растениями последовали более или менее высокоорганизованные, а за ними - насекомые, ящерицы, птицы... Их прибивало к берегу вместе с большими деревьями, снесенными с материка, или приносило бурей. Но далеко не всякое живое существо могло перенести тысячу километров пути по океану, от Южноамериканского континента до островов. Выдерживали только очень немногие, наиболее выносливые особи. Этим объясняются пробелы в животном и растительном мире Галапагосов. В Южной Америке, например, много земноводных, а на Галапагосах нет ни лягушек, ни саламандр. Наземные млекопитающие представлены только одним родом крыс, одним родом летучих мышей и совсем недавно обнаруженным грызуном типа хомяка. Из всей массы наземных птиц здесь водятся главным образом дарвиновы выорки (Geospizidae), а многие типичные для Южноамериканского материка группы птиц (например, попуган и

колибри) отсутствуют вовсе. Скудость животного мира Галапагосов еще больше бросается в глаза при сравнении с фауной других островов, имевших связь с континентом. Так, на островах Великобритании известно 20 007 видов расекомых, объединяющихся в 4717 родов и 425 семейств. На Галапагосах же насчитывается всего лишь 618 видов, которые принадлежат 395 родам и 129 семействам.

Животные, достигавшие этих отдаленных островов, со временем образовывали совершенно своеобразные формы, которые не известны нигде в других местах земного шара. Только здесь обитают морская игуана, питающаяся водорослями, друзоголов - пожиратель кактусов, гигантские черепахи, бакланы, утратившие способность к свободному полету. Преобладают эндемичные формы, ограниченные в своем распространении вулканическим архипелагом. Из 89 видов пернатых, гнездящихся на Галапагосах, 76 свойственны этим островам.

Попадавшие на Галапагосы животные оказывались в непривычных для них условиях. Они приспосабливались к ним или гибли. По сути дела здесь развертывался важный этап истории происхождения видов, впервые изученной Дарвином. К его наблюдениям мы еще вернемся. Они были обобщены в изданном в 1859 году труде о происхождении видов и по сей день служат основой наших научных воззрений на развитие органического мира.

Другая особенность Галапагосов - это тесное сосуществование представителей антарктической и тропической фауны. Разве не удивительно, что здесь, вблизи экватора, рядом с морской игуаной, обитающей всегда в жарком поясе, можно увидеть пингвина и редкого галапагосского котика! Этим своеобразием Галапагосы обязаны идущему с юга течению Гумбольдта.

Именно его холодные воды занесли пингвинов и морских львов из далекой Антарктики в зону экватора.

И все же более всего обитатели Галапагосов поражают отсутствием страха перед человеком. Еще мореплаватели, которым довелось первыми побывать на островах, сообщали о многочисленных "ручных" птицах, садившихся рядом с ними, о громадных ящерицах, неохотно уползавших с пути людей, о доверчивых морских львах. А маленький пересмешник, так упорно старавшийся выдернуть шнурки из моих ботинок, всем своим поведением свидетельствует, что и сегодня в этом отношении мало что изменилось. Быть может, причину бесстрашия всего живого следует искать в отсутствии на островах хищных млекопитающих. До последнего времени животным некого было бояться, и они как бы утратили эту способность. Поэтому Галапагосы по праву можно назвать Эдемом, вернее, можно было называть до того момента, когда на их пустынные берега ступил человек.

Первые люди, оказавшиеся на островах, попали туда по воле случая. 23 февраля 1535 года от берегов Панамы отчалило судно с епископом Томасом де Берланга на борту. Он направлялся в Перу. Семь дней мореходы шли на юг под прикрытием берега. Но счастье изменило им, ветер стих и сильное течение понесло беспомощный парусник в открытое море. Запасы пресной воды уже иссякли, когда наконец - это было 10 марта - вдали показался остров. Но моряков вскоре постигло жестокое разочарование: они увидели каменистую пустыню, покрытую лишь колючими кактусами. "Казалось, здесь с неба низвергаются не дожди, а камни",- сетовал впоследствии Берлаига. Однако кактусы спасли команду: теперь ей уже не угрожала смерть от жажды.

Берланге обязаны мы первыми сведениями о местной фауне - непуганых птицах, черепахах, ящерицах... Епископ не дал островам названия. Несколькими годами позднее капитан Диего де Ривандейра окрестил их "Las Encantadas" - "Зачарованные": ему казалось, что острова вот-вот снимутся с места и торжественно поплывут по морю.

Название "Галапагосские острова", что означает по-испански "Черепашьи", впервые употребил в 1574 году фламандский картограф Абрахам Ортелиус. Со временем Галапагосы привлекли пиратов. Здесь они нашли удобное убежище, где можно было без помех делить добычу, спокойно ремонтировать суда и не очень заботиться о пище - вкусное мясо черепах имелось в избытке.

С историей Галапагосов связаны имена людей, получивших широкую известность: среди них и Амброис Коули - он назвал отдельные острова архипелага в честь английских королей и пэров, и пират-писатель Уильям Демпир, и Вудс Роджерс... В 1709 году Роджерс привез сюда с необитаемого острова Александра Селкирка. Вудс Роджерс оставил описание встречи на одном из островов Хуан-Фернандес "с человеком в козлиной шкуре, который имел более дикий вид, чем ее первоначальный обладатель". Судьба этого матроса, поспорившего с капитаном, за что он и был высажен на необитаемый остров, где провел в полном одиночестве четыре года и четыре месяца и почти забыл родной язык, вдохновила Даниэля Дэфо на создание его знаменитого "Робинзона Крузо".

Следом за пиратами на Галапагосы устремились китоловы. Мясо гигантских черепах им также пришлось по вкусу. Еще в прошлом веке трюмы многих кораблей заполнялись черепахами. В результате их осталось так мало, что экспедиции за ними стали невыгодными. К тому же на некоторые острова завезли домашних животных - свиней, кошек, собак... Они пожирали в большом количестве яйца черепах и выводки, довершая таким образом дело рук человеческих. Жертвами людей становились и другие представители животного мира, нередко "ради развлечения". Вот, например, что рассказывает в "Путевом дневнике" о встрече с морскими игуанами капитан Портер: "В кустах мы, к нашему великому удивлению, обнаружили несметное множество огромных игуан отвратительного вида. Были места, где на пространстве площадью 20 аров они лежали так тесно друг к другу, что, казалось, еще одно животное не могло бы протиснуться между ними. Они не сводили с нас глаз, и сначала мы думали, что нам угрожает нападение. Вскоре мы, однако, поняли, что это самые безобидные в мире создания, и за несколько секунд перебили дубинами сотни их".

Человек действовал так вплоть до нашего времени. В конце прошлого века, когда колонисты начали осваивать острова, животных снова потеснили. Появились небольшие селения на Чатаме, Чарлзе (Флореана), Индефатигебле, Альбемарле. Лишь в 1934 году в Эквадоре, которому с 1832 года принадлежали острова, обеспокоились хищническим истреблением животных. Были приняты законы, ограждающие от гибели своеобразную фауну островов, настоящую сокровищницу страны.

В 1954 году, спустя 20 лет после вступления в силу этих законов, мне довелось побывать на Галапагосах в составе экспедиции доктора Ганса Гасса на яхте "Ксарифа". То, что мы увидели, глубоко потрясло нас. На берегу разлагались трупы морских львов с размозженными черепами. Вокруг валялись тела птиц с перебитыми крыльями и клювами и побелевшие на солнце панцири гигантских черепах. В селениях нам, нисколько не таясь, предлагали живыми или мертвыми животных, находящихся под защитой закона. Можно было приобрести пингвинов, черепах, черепашьи панцири, шкуры морских львов... Было очевидно, что законы не соблюдаются, никто не контролирует их выполнение.

Тотчас же по возвращении из экспедиции я обратился в Международный союз охраны природы в Брюсселе с предложением основать на Галапагосах биологическую станцию с постоянным наблюдателем. Это был, на мой взгляд, единственный способ обеспечить действенную защиту природных богатств островов. Предложение нашло горячий отклик в Европе и Америке. В 1957 году ЮНЕСКО отправила экспедицию на Галапагосские острова. Правительство Эквадора предложило мне возглавить ее. Так я во второй раз побывал на Галапагосах. Меня сопровождали американский зоолог Боумен, корреспонденты Рудольф Фрейнд и Альфред Айзеншгадт. Мы объездили почти весь архипелаг, состоящий из десяти больших и множества мелких островов общей площадью 7800 квадратных километров. Крупные острова исследованы еще недостаточно. Среди них - остров Альбемарль, имеющий длину 120 километров и наибольшую ширину 64 километра. Неприветливые вершины его исполинских вулканов возвышаются на 1600 метров над уровнем моря. Они покрыты потоками свежей лавы. На развороченных склонах дымятся вторичные кратеры: на западных островах по сей день продолжается вулканическая деятельность.

Тропические острова! Эти слова вызывают в воображении берега, покрытые пальмами, птиц с ярко окрашенным оперением, пышные леса с редкостными орхидеями, перевитые

лианами. Но ничего подобного не увидишь на Галапагосах. В их прибрежных водах отражаются не стройные кокосовые пальмы, а лишь кактусы да выжженный солнцем кустарник,- на побережье сухо, как в пустыне. Климат архипелага определяется холодным течением Гумбольдта, представляющим собой прямую противоположность Гольфстриму. Последний отдает окружению свое тепло, течение Гумбольдта, напротив, приносит холодный воздух. Он устремляется с моря к суше, нагревается и вбирает в себя влагу вместо того, чтобы отдавать ее. Поэтому земля здесь столь же суха, как и на берегах Чили и Перу, также омываемых течением Гумбольдта. Дожди выпадают лишь в период с декабря по март; в это время года с ветвью Гумбольдта встре чается теплое морское течение, идущее с северо-запада. Испанцы называют его "E1 nino" - "дитя": оно достигает Галапагосских островов в рождество. El nino приносит с собой осадки, и тогда берег на короткое время покрывается свежей зеленью.

И все же почти всем, кому доводилось жить на Галапагосах, они казались безрадостными, иссохшими клочками суши. Американский писатель Г. Мелвилл, автор "Моби Дика", писал: "Тот, кто хочет составить представление о Encantadas, Зачарованных островах, пусть вообразит себе территорию где-нибудь за чертой города, покрытую тут и там высокими кучами шлака, между которыми простерлось море... Эта картина верно отражает действительность: перед нами скорее группа потухших вулканов, нежели островов, и выглядят они так, как выглядел бы мир, который господь бог после страшного суда покарал огненным ливнем.

Вряд ли найдется на земле столь же безотрадный уголок. Конечно, заброшенные кладбища, покинутые города, где разрушается дом за домом, наводят глубокую грусть. Но как все, что имело отношение к жизни, они, вызывая печальные раздумья, в то же время пробуждают в нас душевное волнение...

Бескрайние леса Севера, далекие морские просторы, куда не рискуют заходить корабли, ледяные поля Гренландии пугают человека своей неизведанной пустынностью. И все же и там свершается чудо смены времен года: постоянное чередование зимы и лета смягчает внушаемый этими местами страх. Пусть не ступала еще по дремучим лесам нога человека, но ведь и их посещает добрый май...

Над Зачарованными же островами тяготеет особое проклятие, отчего они более безрадостны, чем Мертвое море и полюса Земли: они не знают смены сезонов. Из-за близости экватора - он проходит через острова - здесь не бывает ни весны, ни осени. Никакие силы уничтожения не властны более нанести ущерб островам - они и без того выжжены и превращены в гряду шлаковых холмов. Иссушающий зной, стекающий с раскаленного неба, испепелил землю, избороздил ее трещинами и расселинами, сделал подобной сирийскому сосуду из тыквы, сохнущему на солнце. Кажется, что дух Зачарованных островов жалобно взывает: "Сжалься надо мной и пошли Лазаря, чтобы он обмакнул копчики пальцев в воду и охладил мой язык, ибо я страдаю от пламени".

В этом поэтическом описании есть известное преувеличение, но что верно, то верно: в сухое время года низменные места на островах действительно превращаются в пустыни, возвышенные же, напротив, в течение многих месяцев в году окутаны туманами. Если подниматься из засушливой прибрежной полосы в горы, то в начале пути пересекаешь пояс зеленой растительности, затем вечнозеленые дождевые леса и в конце восхождения попадаешь в высокую область нагорья, лишенного деревьев,- лишь с зарослями папоротника, орхидей и пятнами лугов. Здесь на островах Чатам и Индефатигебль пасутся стада одичавшего скота.

Наряду с английскими наименованиями Галапагосские острова имеют испанские, поскольку принадлежат Эквадору. Нынешнее официальное название островов - "Архипелаг Колон", но оно не укоренилось. В литературе по сей день употребляются старые английские наименования, что дает нам право пользоваться ими в нашем описании.

Сравним эти названия:

Официальное эквадорское	Историческое
Архипелаг Колон	Острова Галапагос
Сан-Кристобаль	Чатам
Эспаньола	Худ
Флореана или Санта-Мария	Чарлз
Исабела	Альбемарль
Фернандина	Нарборо
Санта-Крус	Индефатигебль
Санта-Фе	Баррингтон
Сан-Сальвадор	Джемс
Рабипа	Джервис
Пинзон	Дункан
Марчена	Биндло
Пинта	Абингдон

Сравнительные названия Галапагос

На самом севере архипелага находятся крошечный островок Кулпеппер, или Дарвин (1°40' с. ш. и 92° з. д.), и небольшая группа островов Уэнман, или Вольф (1°20' с. ш. и 91°50' з. д.). Они лежат за пределами района, охватываемого нашей картой.

Обособленность Галапагосских островов делает их особенно интересными для зоолога: пустынные скалистые утесы служат приютом для ряда замечательных эндемичных видов; здесь обитают, например, голубь, вьюрки, морские игуаны...

Галапагосская станция стала явью! В 1960 году, когда я третий раз посетил Галапагосы - теперь в сопровождении Хайнца Сильмана,- мы имели возможность осмотреть первые ее строения. Со временем их стало больше, и в 1964 году состоялось торжественное открытие станции.

Мои друзья - морские львы

"Я стоял на берегу, когда из воды стремительно выскочило с открытой пастью разъяренное животное, напомнившее мне злую собаку, сорвавшуюся с цепи. Три раза бросалось оно на меня! Я каждый раз ударял его копьем в грудь, нанося ранение, так что чудовище было вынуждено со страшным ревом отпрянуть в воду и оттуда скалило свои огромные зубы. Земноводное это было не меньше взрослого медведя. Оно бы наверняка растерзало меня, не держи я в руках копье.

Всего лишь за сутки до происшедшего такое же животное чуть было не сожрало одного из моих людей".

Вудс Роджерс, 1709.

Около самой нашей лодки из воды вдруг показалась могучая голова морского льва. С блестящего темного меха крупными сверкающими жемчужинами стекала вода, в щетинистых усах застряли клочья пены. Огромные темные глаза, затененные высокими, зловеще нависшими надбровными дугами, внимательно смотрели на нас. Животное было настолько близко, что, когда оно заревело, мы могли заглянуть ему в пасть.

День 6 января 1954 года навсегда останется в моей памяти. В то утро я впервые ступил на девственную землю Галапагосов. С иссиня-голубого неба солнце лило на землю палящие лучи, и только темные тучи, тяжело поднимавшиеся на далеком горизонте, предвещали первые грозы сезона дождей. Яхта "Ксарифа" вошла в бухту Гарднер на Худе, и до нас сквозь шум волн, бьющихся о берег маленького островка Осборн, донесся рев морских

львов. Я попросил Ганса Гасса высадить меня поблизости от этих животных: мне, как истому исследователю, хотелось узнать возможно больше об их образе жизни.

И все же мне стало как-то не по себе, когда наш капитан Гейнрих Беккер, ставивший лодку на якорь, сунул мне в руку конец и сказал:

- Плывите к берегу и осторожно подтягивайте лодку. Но следите, чтобы она не ударилась о скалы. А я постепенно буду отпускать якорную цепь.

- А если один из этих приятелей захочет мною полакомиться?

- Пустяки, они ведь питаются исключительно рыбой, да и мы не спустим с вас глаз.

Все же я чувствовал себя далеко не спокойно, соскальзывая в холодную зеленоватую воду, и только когда прибой вынес меня невредимым к черным скалам, вздохнул с облегчением. Поспешно вскарабкался я на скользкий утес, но отступающие назад волны чуть было не сорвали меня. Я быстро подтянулся, и следующий грохочущий вал застал меня уже наверху. Только много дней спустя, увидев на Индефатигебле рыбака с искалеченной ногой, я понял, какой опасности подвергался.

Я осторожно подтянул лодку. Она прыгала и рвалась на цепи как одержимая, и нам не сразу удалось выгрузить фотоаппаратуру па берег.

Мы стояли на острове Осборн, имеющем в длину всего лишь 110 метров. Его мыс, черным пальцем выдававшийся в бурное море, показывал точно на юг, на остров Худ - выжженный клочок суши, покрытый, по-видимому, только редким кустарником. Справа налево на мыс накатывались длинные волны, с грохотом разбивавшиеся о камни. У острия мыса встречные ряды валов с яростью набрасывались друг на друга, так что высокие столбы пены вскидывались чуть ли не к облакам. Захватывающее зрелище это мгновенно заставило меня забыть о жгучей боли, какую я испытал, как только соленая вода коснулась многочисленных ссадин на моем теле.

Я хотел было двинуться в глубь острова, как в нескольких метрах от меня коричневая глыба, которую я принял за кусок лавы, вдруг зашевелилась.

На меня смотрел молодой морской лев. Лишь тут я заметил, что весь мыс усеян его собратьями. Повсюду между обломками лавы лежали самки и детеныши - всего 24 взрослых животных и примерно столько же малышей. Почти все спали. Одни лежали на спине, другие на боку, вытянувшись или свернувшись калачиком, третьи заснули сидя. Над всей колонией разносилось мирное посапывание. Время от времени одна из самок громко фыркала, мотая головой,- ей в нос забралась муха. Только самец, которого мы увидели из лодки, не покидал своего поста в воде. Явно встревоженный, он плыл за лодкой, которая удалялась от берега.

Я осторожно прыгал с камня на камень. Многие поколения морских львов, скользившие на пути к морю по скалам, отполировали их до блеска. Близ самой воды, на камнях, окатываемых солеными брызгами, сидели панцирные моллюски - плакофора и большие сифонарии. Движимый любопытством, я попытался поднять одну сифонарию, но, почувствовав прикосновение моих пальцев, она присосалась к камню так прочно, что я не смог оторвать ее, как ни старался.

Я вспугнул целую стайку крабов изумительного красного цвета с выпуклыми светло-голубыми глазами. Убегая, они не забывали грозить кому-то красными клешнями с опущенными концами, держа их как щит перед собой и с вызовом то подымая, то опуская их. Сделав несколько шагов, я оказался перед толстой морской львицей, развалившейся на большой четырехугольной глыбе, словно статуя на пьедестале! Она спала, спокойно сложив широкие передние ласты на груди. Светло-каштановый мех красиво выделялся на фоне черной мездры. Перед ней на земле сидел детеныш. Задрав голову кверху, он, причмокивая, усердно тянул молоко из материнского соска.

Я сделал неосторожное движение, и мать немедленно открыла глаза, да и малыш встревожился не на шутку. Две пары круглых глаз уставились на меня с выражением безграничного удивления. Мне казалось, что я отчетливо вижу, как напряженно работают маленькие мозги, пытаясь найти объяснение случившемуся. Но в то время как мать недоуменно терла себе нос ластом, малыш нашел выход из положения. Он поспешно перелез

на другую сторону камня и покусывал мать в спину до тех пор, пока та также не отвернулась от меня. Мир был восстановлен. Самка, больше не оглядываясь в мою сторону, спокойно задремала, а малыш, судя по донесшемуся до моего слуха довольному чавканью, продолжал трапезу. Только на отдаленных островах животные еще могут вести себя подобно страусу, прячущему голову под крыло.

Несколько большую осторожность проявила соседка моей новой знакомой. Она долго вопрошающе глядела на меня, потом, видимо, в ее голове зародилось сознание какой-то опасности, она поднялась, зевнула во всю ширь пасти и громким ревом позвала за собой отпрыска, очевидно совсем недавно появившегося на свет. Крошечный, беспомощный, он с трудом держал тяжелую голову. Переваливаясь с боку на бок, он последовал за матерью. Пройдя метра три, она вновь обрела душевный покой, еще раз широко зевнула и улеглась. Малыш же в полном изнеможении опустился на землю за несколько шагов до нее.

Ученые достаточно давно знают из сообщений путешественников о морских львах, обитающих на Галапагосах, но лишь с 1953 года стало известно, что открыт особый вид, распространенный только в этом уединенном уголке. До того времени в науке было принято ошибочное мнение, будто это морской лев вида Otaria jubata. А между тем морской лев с Галапагосов мало похож на своего южного собрата! И тем не менее ошибка долго кочевала из одной монографии в другую, пока ее не обнаружил норвежский исследователь Эрлинг Сивертсен при изучении черепов из хранящейся в Осло коллекции. Он назвал обитателей Галапагосов Zcilophus wollebaeki в честь норвежского зоолога Вольбека. Так было открыто новое млекопитающее. Довольно редкое событие для XX века! Вновь открытый вид имеет сходство с калифорнийскими морскими львами. Кроме него, на Галапагосах водятся еще котики Лrotocephalus galapagoensis. После длительных поисков мы обнаружили и это редкое животное. Но об этом немного позднее.

Морские львы и котики - удивительные животные. И первый, и второй принадлежат к ушатым тюленям, названным так из-за небольших остатков ушной раковины, сохранившихся с той поры, когда первоначальная форма тюленей обитала на суше. Это было, очевидно, в начале третичного периода, ибо уже в миоцене существовали ушатые тюлени и морские собаки. О морских львах известно крайне мало, поэтому я решил воспользоваться пребыванием на Галапагосах для наблюдений за ними.

Вскоре я достиг середины мыса. В приливной полосе пышно раскинулись зеленые кусты криптокарпуса. В их тени прятались крошечные детеныши морских львов. Мне тут же захотелось погладить симпатичные мохнатые создания. Увы, от них невыносимо несло тухлой рыбой, и это зловоние преследовало меня весь остаток дня.

Я осмотрелся. Теперь мне была видна и противоположная, ранее скрытая от меня сторона мыса. Здесь также отдыхало стадо морских львов. На воде, в том месте, где набрасывались друг на друга встречные валы, несколько самок развлекалось, катаясь на волнах. С разбега они скользили на гребень высокой волны, и волна выносила их вперед. Прежде чем она разбивалась о встречную, морские львицы ловко подныривали под идущую следом, и игра начиналась сызнова.

До самой высокой точки острова было не больше пяти минут хода. Шагать пришлось по осыпи, состоявшей из выветрившихся и превратившихся в гальку кусков лавы. На камнях лежали, нежась под лучами солнца, килехвосты. На пятнах красного пепла, рассыпанных между скалами, стояли низкие кусты кротона; там и сям тянула к небу свои призрачные голые ветви бульнезия. Маленькие деревца выглядели мертвыми. Но стоило лишь обломать веточку, как из нее начинал течь удивительно ароматный свежий сок. Под блестящей белой корой теплилась жизнь, она ждала начала сезона дождей, когда с февраля по апрель выжженные низменности островов превращаются в зеленеющие сады.

Между бульнезий росли древовидные кактусы и опунции. У последних прямой ствол выше человеческого роста венчала крона из мясистых листьев, ярко выделявшаяся на фоне синего неба. В ветвях возились маленькие черные вьюрки. Я содрал с кактуса кусок коричневато-красной коры и аут же в испуге отдернул руку: потревоженная, из своего

убежища выскочила коричневато-красная, длиной никак не меньше 15 сантиметров, стоножка (в народе ее нередко называют тысяченожкой).1 Ослепленная светом, она заметалась по стволу. Я поспешно сломал две веточки и попытался зажать ими стоножку, чтобы препроводить в банку. Не без труда мне наконец удалось захватить ее в деревянные тиски. Но не тут-то было! Я и не представлял себе, что в этом маленьком тельце столько силы. Сначала стоножка впилась своими клещами в дерево, так что только треск раздался, затем подняла свободную переднюю часть туловища, оперлась шестью ногами о веточки, как о трамплин, сделала рывок и с палочки перебежала на мою руку. Редко испытывал я такое неприятное чувство, какое ощутил от прикосновения множества цепких ножек! Я немедленно стряхнул стоножку, но в конце концов все же перехитрил ее и присоединил к своей коллекции.

1 (*На самом деле это животное имеет не сто и не тысячу ног, а всего- навсего 20 пар конечностей.*)

Обливаясь потом, я преодолел последние несколько метров, отделявшие меня от вершины острова.

Крутой склон завершался неожиданно вертикальной стеной, сложенной из лавы и пепла. Казалось, что неведомый исполин разорвал сушу посередине. Очевидно, остров был некогда разломан сильным землетрясением. Красновато-коричневые пласты пепла чередовались с черными слоями лавы. Здесь свили себе гнезда синеногие олуши и ласточкохвостые чайки, и близ них коричневые ленты казались белыми от покрывавшего их гуано. В слоях пепла застряли застывшие на лету куски лавы. Одни были словно окаменевшие слезы, другие походили на винт или изогнутый корень. Внизу, в 20 метрах от моих ног, море непрестанно набегало на скалу, напоминавшую шлак, только что вынутый из печи. Перед ней часовыми в темных мундирах выстроились в море утесы причудливых очертаний. На одном, дальше других шагнувшем в море, обсыхал вернувшийся с рыбной ловли пеликан. Он широко расправил крылья и подставил их жгучему солнцу. В темно-синей воде поблескивали спинные плавники больших рыб.

С банкой в руке я принялся лазить по скалам. Повсюду сидели красные крабы, усердно подбиравшие клешнями что-то с земли. На одиночной скале совершенно неподвижно стояла кваква и вглядывалась в расселину. Острый глаз ее был нацелен на то, что, должно быть, пряталось в глубине. И вдруг птица рванулась вперед! В следующее мгновение она уже держала в клюве краба, ухватившись за его клешню. Его сородичи в мгновение ока разбежались в разные стороны. Так вот отчего они проявляли такую робость! Мне не совсем было понятно, почему природа отказала беднягам в маскировочной окраске.

Первые часы на незнакомой земле всегда таят в себе много волнующего для зоолога. Каждое насекомое, каждая птичка, каждое растение поражают его своеобразием. На Галапагосах он испытывает это чувство особенно остро: здесь он встречает почти одних эндемиков, то есть формы, присущие лишь этим островам. Только что я заполучил в свою банку поистине фантастическое существо: ящерицу чуть ли не в метр длиной. Ее спинной гребень, середина спины, верхняя часть головы и внешняя сторона суставов конечностей были малахитово-зеленого цвета, на ярко-красных боках резко выделялись черные крапинки и пятнышки, все остальное туловище отливало черным глянцем. Я ни на минуту не сомневался, что вижу морскую игуану - об этом говорил характерный тупой срез головы, защитные, напоминавшие рога, щитки около нее, сильные ноги, вооруженные когтями, хвост, выполнявший функции руля. Но до сего времени я читал только о черных или темных морских игуанах. Лишь спустя много времени я узнал, что открыл в южной части архипелага новую расу. Ни на одном из островов я не встречал больше таких ярко окрашенных пресмыкающихся. Морская игуана неподвижно лежала на солнце. Земляной вьюрок (Geospiza fu- liginosa) прыгнул ей на спину и принялся что-то выклевывать из ее шкуры. Игуане это явно пришлось но вкусу. По-видимому, птичка освобождала ее от докучливых насекомых. Вдруг надо мной раздался шум крыльев. Я настороженно поднял голову и, к моему удивлению, увидел большого канюка, который, паря, медленно снижался. Он сел на

большой камень поблизости - я вполне мог бы дотянуться до него рукой - и стал с любопытством меня разглядывать. Он никогда еще не видел человека и, может быть, принял меня за похудевшего морского льва, любителя дальних прогулок. У него не было врагов, и оттого он был так бесстрашен. Только прикосновением палочки мне удалось вывести канюка из состояния покоя. Он клюнул ее раз, другой, и в конце концов овладел ею. Какое-то время мы отнимали ее друг у друга, пока далекое перестукивание под веского мотора не заставило меня уйти прочь. Палочку я оставил канюку: быть может, пригодится ему для гнезда...

Вечером я долго сидел в нашей рабочей комнате, обдумывая план действий на ближайшие дни. Мне хотелось знать все о морских львах и особенно об их поведении в стаде: упорядочено ли оно каким-то образом или представляет собой более или менее случайное скопление животных, подчиняющихся ревнивому вожаку? Насколько хорошо знают друг друга животные, составляющие стадо? Заботятся ли самки только о собственных детенышах или кормят любых? Являются ли самцы лишь ревнивыми обладателями своих избранниц или несут еще какие-нибудь обязанности? Я так был взволнован предстоящей работой, что долго не мог уснуть.

На следующий день рано утром я переправился на острова и устроился на высокой глыбе лавы со всеми удобствами: расстелил надувной матрац, в изголовье положил термос, плавательные принадлежности, еду, киноаппарат, блокнот с ручкой и растянулся во весь рост. У моих ног волны жадными языками лизали черные скалы. Красные крабы озабоченно сновали взад и вперед, а в мелких лужицах, образованных прибоем, мелькали спасавшиеся от преследования врагов пестрые рыбки. С моей удобной позиции я мог обозревать весь мыс. Морской лев, встретивший нас накануне, сегодня тоже был в море. Его внимание целиком привлекала наша лодка. Последовав за ней, он даже не заметил, как я высадился на берег. Не заметил он и того, что сосед воспользовался случаем, чтобы попытаться отбить одну из его самок. Он дерзко приполз с другого берега мыса, вежливо приветствовал пленившую его красотку, потерся о нее шеей и, продолжая ухаживания, попытался оттеснить ее на свою территорию. В самый последний миг мой знакомый заметил козни соперника, стремительно кинулся к берегу и набросился на пришельца, который тотчас же отступил и задал такого стрекача, что из-под его ластов во все стороны полетела галька.

Победитель торжествующе заревел ему вслед. Затем он снова возвратился в воду и продолжал нести сторожевую службу перед своей территорией. Издаваемые им хриплые звуки "у-у-у!" разносились далеко вокруг, заглушая прибой и все иные шумы. На мелководье морской лев выпрямлялся и ревел, внимательно оглядываясь по сторонам. Соседи время от времени встречались у конца мыса. К моему удивлению, хозяин территории и непрошеный гость, минуту назад чуть было не подравшиеся, сталкиваясь нос к носу в сопредельных водах, держали себя с чопорной корректностью. Выпрямившись во весь рост и издав рык, они еще какое-то время продолжали настороженно стоять в угрожающей позе друг против друга, но военные действия не начинали. Каждый уважал владения соседа, по крайней мере в его присутствии. Продемонстрировав свою силу и выразив громогласно права собственности, они удовлетворенно поворачивались и продолжали патрулировать вдоль берегов.

Тюлени остальных видов, живущих стадами, ведут себя совершенно одинаково. По мере возможности они избегают вступать с соседями в конфликты. Границы владений устанавливаются посредством определенной церемонии. Самцы котика (Callorhinus ursinus), например, кидаются к рубежам своих владений с такой яростью, словно собираются немедленно начать бой. Но, не доходя друг до друга, они ложатся на брюхо и последние несколько метров проползают, пока не сталкиваются носами. Вот тут-то и будет отныне проходить граница их территории! Каждый теперь знает, что дальше ему двигаться не следует. Драки происходят лишь в том случае, если берег заселен настолько густо, что пришельцу негде осесть.

В чем биологический смысл подобного соперничества и "застолбления" участков? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы сообщим небезынтересные сведения о

соответствующем поведении некоторых позвоночных. Практически все птицы и млекопитающие выделяют себе гнездовые территории. Не составляют исключения и рыбы. До того момента, когда самка цихлиды вида Hemichromis bimaculatus начинает метать икру, супруг готовит ямку и прогоняет остальных цихлид и других рыб, находящихся поблизости. Позднее родители совместными усилиями охраняют свою территорию, пока их мальки не обретут самостоятельности. Причина такого поведения ясна: в свободном от недругов пространстве потомство может развиваться беспрепятственно. Без защиты родителей оно немедленно погибло бы. Когда малиновка сидит на яйцах, другие представители ее вида не смеют появляться поблизости от гнезда. Гнездовая территория у малиновки довольно большая: самец оберегает даже отдаленные подступы к своему дому. Благодаря этому он не страдает от конкуренции при поисках пищи, а следовательно, выращивание птенцов протекает беспрепятственно. Но отстаивай самец малиновки границ своей вотчины, последняя очень скоро была бы заполнена его сородичами. Встретив же сопротивление, те. кто еще не имеет пристанища, вынуждены искать себе новое "жизненное пространство". То же самое происходит и у млекопитающих.

Способы заявления своих прав на участок чрезвычайно разнообразны. Трель певчей птицы не что иное, как все время повторяющийся клич: "Я здесь, эта территория занята, другим здесь нечего искать!" Существуют и визуальные средства: самцы многих рыб, сияя ослепительными красками, держатся в центре своего участка. Их роскошный наряд дает знать сородичам, что место не свободно. Броская расцветка жирафа издалека извещает о праве владения им той или иной территорией. Таким образом, отношения между представителями одного вида животных регулируются мирным путем. Самец видит, что участком владеет другой, и следует дальше.

Наделенные тонким обонянием, млекопитающие в большинстве своем метят облюбованный участок сильно пахнущими метками. Куница и барсук, например, в узловых точках гнездовой территории оставляют "ароматные" выделения анальной железы. Пахучие знаки непрестанно обновляются. Много лет назад, когда я работал на биологической станции Вильхельминенберг около Вены, у меня был ручной барсук. Он жил под моим бараком, но каждый вечер непременно являлся ко мне. Прежде чем переступить порог комнаты, он всякий раз оставлял у двери пахучую метку. Затем он подходил ко мне, обнюхивал носки моих ботинок и ставил свое клеймо и па них. Мяч и другие его игрушки также не оставались забытыми. Собаки уже издалека чуяли, что я "принадлежу" барсуку. Многие млекопитающие, не обладая специальными пахучими выделениями, пользуются вместо них мочой и калом. Все мы не раз наблюдали, как таким образом ставят свою метку собаки. На придорожных тумбах разыгрываются настоящие дуэли запахов. Каждый пес старается на метку предшественника поставить собственную. Только если расписка принадлежит особенно большой собаке, маленькой не остается ничего другого, как поспешно удалиться, трусливо зажав хвост между лапами.

Некоторые животные ставят ароматные метки чрезвычайно оригинальным способом. Самец бегемота, например, направляет струю мочи назад к короткому хвосту, которым он в этот момент быстро вертит из стороны в сторону. Одновременно животное испражняется и крутящими движениями хвоста распыляет смесь мочи и кала на окружающие деревья и кусты. Таким образом бегемот создает себе "домашнюю атмосферу".

Многие полуобезьяны - галаго и лори, например,- мочатся в ладонь, а затем втирают мочу в подошвы ног. Каждым своим шагом по веткам деревьев они отмечают пределы избранной территории. В основе их действий лежит стремление оградить занятый участок: "Здесь господин я, другим тут делать нечего".

Морские львы выделяют себе территорию не только по той причине, что стремятся иметь вдоволь еды и достаточно простора. И в том и в другом, очевидно, нет недостатка. Это видно хотя бы из того, что вожаки, отказывая в гостеприимстве самцам, охотно принимают самок. Почему же тогда самцы так ревниво охраняют границы своих владений?

Размышляя над нелегким вопросом, я следил глазами за развлекавшимся выводком

морского льва. Небольшая группа детенышей весело возилась в мелкой воде. Животные гонялись друг за другом и боролись, как котята. Со стороны игра казалась рискованной: с широко разинутой пастью малыши кидались в бой, скаля острые зубы. Но это были всего лишь "потешные" поединки. Мне бросилось в глаза, что малыши явно стараются сильно не кусаться. Впрочем, я бы все равно не отважился играть с ними: их укусы нечувствительны только для шкуры морских львов. Прими участие в их забавах, я бы оказался в положении человека, который без кольчуги явился на средневековый турнир, где рыцари самым дружеским образом ударяют друг друга мечами. Очень хорошо помню, что мой совершенно ручной барсук награждал меня во время игр многочисленными синяками. Он тоже старался не кусаться всерьез, но даже слабый нажим его зубов могла выдержать только шкура барсука!

Детеныши долго возились, а потом принялись играть в догонялки. В азарте погони двое малышей заплыли дальше остальных. Прошли какие-то считанные секунды, и старый самец, едва заметив непорядок, поспешил к малышам, преградил им путь к открытой воде и решительно оттеснил их к берегу. Он мне напомнил овчарку, сгоняющую стадо в кучу. Что вызвало у него такое беспокойство? Я вгляделся в море. Недалеко от берега воду бороздили острые плавники двух акул. Мне стало ясно, отчего вожаки держат свое стадо на строго ограниченной небольшой территории: только так они могут следить за своей паствой. Распылись стадо на большую площадь - и даже самый бдительный вожак не сможет заметить, как ускользнет из-под его опеки и станет жертвой акулы тот или другой детеныш. Одновременно я понял и смысл соперничества между самцами: вожаком становится тот, кто сильнее и кто способен защитить стадо.

Такого рода забота самца о своем потомстве, какую мне только что довелось наблюдать, до настоящего времени не была известна. Напротив, выказываемое ими на суше полное равнодушие к своему выводку давало основание считать, что они совершенно о нем не пекутся. Во всяком случае, к галапагосским морским львам это, безусловно, не относится.

Едва самец пригнал малышей к берегу, как ему пришлось спешно наводить порядок в гареме, где повздорили две самки. С хриплым ревом они яростно вцепились друг в друга. Вожак подоспел вовремя. Вытянув шею и приветливо кивая в обе стороны, он протиснулся между дерущимися. Голова его взволнованно покачивалась то влево, то вправо, а басистое "бе-е-е-е!" звучало примирительно. Обе самки ответили столь же глубоким мычанием, и спор был забыт. Но всего лишь на одно мгновение. Как только вожак с явным удовольствием заскользил по волнам, ссора возобновилась. Самец опять принялся успокаивать драчуний, на этот раз с большим успехом. Зато возник конфликт еще в одном месте. Самцу то и дело приходилось восстанавливать мир. Я с огромным интересом наблюдал за его действиями. И как разумны они были: не умей он успокоить своих самок, они, не поладив между собой, разбрелись бы далеко в стороны, и тогда он, во вред продолжению рода, не смог бы следить за детенышами. Но почему самки все время ссорились? Почему в результате долгого естественного отбора не создался более покладистый тип морской львицы? Вопросы совершенно правомерные, но, очевидно, в пределах одного вида не могут существовать миролюбивые самки и очень агрессивные самцы. А последние необходимы для защиты потомства. Мне порой становилось жаль бедного вожака, когда ему, с его огромной массой, приходилось поспешно переваливаться через скалы. По воде он скользил легко и изящно, а на суше казался на первый взгляд неуклюжим. Тем не менее он двигался поразительно быстро. Он даже иногда пускался как бы в галоп. В этом явное преимущество морских львов перед их родичами, тюленями. Последние не могут выносить свои задние плавники вперед, под туловище, а потому не в состоянии передвигаться на четвереньках.

Движимый любопытством и желанием сделать снимок получше, я вскоре ушел со своего места. Сонные самки почти не обратили на меня внимания, но вожак был крайне недоволен. С ревом плавал он взад и вперед вдоль берега, не спуская с меня злых глаз. "Выманить бы его на берег, получился бы отличный снимок!" - подумал я и начал имитировать его зов. Как он разволновался! Его движения стали вдвое быстрее, и вдруг он

исчез. Неужели он испугался? Я спустился к самому прибою. Бег волн у берега был различен. Одни набегали на пляж, лишь мягко касаясь камней, в другие океан, казалось, вкладывал всю свою силу, и они грохоча ударялись о берег, отчего сотрясались скалы. Я не знал еще всех капризов здешнего прибоя и подошел вплотную к воде. Передо мной немедленно выросла зеленая стена. На миг я оглох от грохота и ослеп от дождя соленых брызг. Инстинктивно я поднял вверх фотоаппарат. Стоя по пояс в воде, я боролся с сильным потоком, стараясь сохранить равновесие. Затем вновь стало тихо, вода с урчанием отступила, и из откатывавшейся волны во весь свой рост передо мной поднялся вожак так близко, что я ощутил на лице исходящий от его дыхания запах рыбы. Я смертельно испугался, но все же каким-то чудом отскочил назад и даже успел щелкнуть аппаратом. Только выкарабкавшись к зеленым кустам, я немного собрался с духом. Морской лев лишь теперь немного отстал от меня и, выжидая, сел на землю. Я чуть осмелел. Для начала я помахал руками, и это возымело желаемое действие - он, видимо, заколебался: стоит ли нападать или лучше убраться подобру-поздорову? Несколько раз он вроде бы даже готовился перейти в наступление. Эта психологическая атака длилась не меньше трех минут, но когда я с поднятыми вверх руками медленно - признаюсь, очень медленно - пошел на него, он не спеша, почти в темпе замедленной киносъемки, отвернулся в сторону. Он все больше съеживался, становился все меньше, пригибался все ниже. Еще несколько секунд - и он обратился в бегство. Задние ласты и смешной обрубок хвоста последними мелькнули передо мной в пене прибоя. Победой я скорее всего был обязан своему росту. Я был выше вожака, а тем более с поднятыми руками. Когда морские львы принимают угрожающую позу, они выпрямляются во весь рост, стараясь вытянуться друг перед другом. Впоследствии я наблюдал, что самцы именно таким образом разрешают возникшие споры. Тот, кто чувствует себя слабее, спустя какое-то время без боя покидает поле брани.

Но то, что последовало затем, явилось для меня полной неожиданностью. Я оказался обладателем "благоухающего" гарема морского льва. Проиграв поединок, он всплыл далеко от берега и оттуда боязливо поглядывал в мою сторону. Рева его не было слышно. Теперь вожаком стал я. Но поскольку я явился на Галапагосы вовсе не для того, чтобы удовлетворить врожденное властолюбие, я постарался как можно быстрее стушеваться и больше не смущать вожака. Ему, однако, потребовался целый час, чтобы обрести былое мужество. Он заревел, сначала тихо, а когда его вызов остался без ответа, приблизился. В конце концов он принялся вновь патрулировать берег. Благодарение богу! Меня совсем не пленяла перспектива взять на себя заботу о всем его потомстве!

После случившегося я передвигался по колонии не иначе, как на четвереньках, хотя и обливался потом от напряжения: в такой позе я мог значительно ближе наблюдать самок и детенышей. Они явно принимали меня за своего, а к их запаху я постепенно привык. Прямо перед моим носом из воды вылез детеныш. Его мокрая шкура отливала всеми цветами радуги, в усах на каждом волоске висела огромная капля воды. Он взглянул на меня блестящими круглыми глазами, встряхнулся, так что брызги полетели мне в лицо, и удовлетворенно улегся. Но заснуть бедняжке не удалось: товарищ дважды ущипнул его за задний ласт, и, несмотря на усталость, ему пришлось должным образом отреагировать. Рассердившись, он резко повернулся к обидчику, но тот уже плескался на мелководье, предлагая следовать за ним. Малыши резвились в воде, догоняя друг друга, потом затеяли драку, а под конец стали нырять за камушками. Достав со дна гальку удобной формы, они подкидывали ее вверх и ловили ртом. Казалось, это занятие им никогда не наскучит. Я бросил малышам кусочек прибитого волной дерева, они подхватили и его. Наверное, им очень хотелось покататься по примеру взрослых самок на волнах, но вожак этого не разрешал. Глядя на детенышей, я понял, почему морских львов так часто можно видеть на аренах цирка. Они по природе своей очень любят играть.

Спустя короткое время к играющим присоединился еще один малыш. Он держал во рту мягкий предмет светло-голубого цвета. Я было решил, что это большая рыба-попугай, только никак не мог понять, почему у нее треугольный вырез, как вдруг меня осенило: это

один из моих ластов! Малыши разграбили мой лагерь! Одним прыжком я очутился около воришки, но он вовсе не собирался расставаться с забавной игрушкой, и мы несколько минут старались перетянуть друг друга. Малыш не хуже щенка таксы вцепился в конец ласта. Только когда я шлепнул его по морде, он нехотя уступил мне добычу. Со вновь обретенным ластом в руках я поспешил к своей стоянке, как раз вовремя, чтобы спасти второй ласт.

У малышей нет недостатка в находчивости, особенно ярко она проявляется в играх, свидетельствующих о высокой ступени их развития. В бесцельных, казалось бы, шалостях развиваются все способности, присущие ластоногим этого вида. Они обогащаются опытом, который оказывается полезен им в последующей жизни. В игре они в известной мере познают свои возможности. Мне еще ранее, в зоологических садах, бросалась в глаза склонность этих животных к забавам. Во время очистки их бассейна служителю приходилось выдерживать нелегкую борьбу за резиновый шланг - слишком уж заманчивой игрушкой казался он морским львам! Но вот обнажалось дно бассейна, и львы немедленно начинали скользить на брюхе по мокрому полу. Я объяснял тогда поведение животных простым томлением в неволе. Позже я узнал, что большинство высокоорганизованных млекопитающих, особенно хищники, любят игры. Мой барсук катался по склонам холмов, выделывая при падении бесчисленные кульбиты. Однако мой рассказ об этом ничуть не удивил зоолога. Он, мол, видел и почище вещи: юный барсук, живший на воле, скатывался с крутого склона над своей порой. Внизу ого поджидала мама. Она брала сына за загривок и снова относила наверх!

Отвесные лучи полуденного солнца жгли немилосердно. Над раскаленными скалами стояло марево. Морские львы попрятались в тени кустов. Иные полезли в море, где мертвая зыбь вскоре укачала их. Вожака тоже сморил сон. Он лежал на воде перед самым берегом, не двигаясь. Когда волны швыряли его о камни, он не просыпаясь поворачивался на другой бок. Вот, не открывая глаз, он сделал ластом несколько ленивых взмахов и снова отдалился от берега. Голову он держал под водой и только каждые полминуты высовывал на поверхность кончик морды, чтобы набрать воздуху!

Меня тоже потянуло в море. Одев очки и ласты, я медленно погрузился в воду. Бальзам! Осторожно, чтобы не разбудить вожака, я отплыл немного от берега. Вначале ничего не было видно: во взбаламученной воде толклись бесчисленные пузырьки воздуха. Видимость и дальше оставалась неважной, но все же я различал в зеленоватом сумраке предметы на расстоянии примерно 10 метров. Они казались окутанными дымкой. Морское дно было покрыто галькой и редкими ветками кораллов. Юркие зеленушки бесстрашно сновали у самого дна взад и вперед, а мурена, завидя меня, испуганно раскрыла пасть и поспешно ретировалась в свое жилище под скалой. Солнечные зайчики, словно робкие зверюшки, ползали по дну, но от них не становилось светлее.

Вдруг из зеленоватого полумрака на меня надвинулась длинная темная тень. Я было испугался, но тут же разглядел, что это была всего лишь любопытная морская львица. Она остановилась передо мной, поглядела своими круглыми глазами и, как бы приветствуя меня, выпустила из носа несколько серебристых пузырьков. Я тоже выдохнул через нос, и так мы немного поиграли. Тут у меня иссяк запас воздуха, я выставил голову из воды, но от ужаса чуть было не забыл вдохнуть: в двух метрах от меня на воде покачивался вожак. Он с удивлением уставился на меня, и я, воспользовавшись его замешательством, бросился к берегу. Старик, однако, не отставал, тем более что его вынесла вперед высокая волна. Я махнул рукой, это заставило его на миг отпрянуть, и в ту же секунду я взлетел на скалу, прежде чем он успел подготовиться к нападению. Менее всего я желал вступать с вожаком в спор из-за нрав на его владения в воде!

Долго еще я не мог унять дрожь в ногах от пережитого ужаса. Купаться мне, во всяком случае, больше не хотелось. Я вернулся на свой матрац, а так как кругом все безмятежно храпели, сопели и зевали - зевота же, как известно, заразительна,- вскоре уснул. Проснулся я только часа в четыре пополудни. Морские львицы уже пробудились от сна и тщательно занимались своим туалетом. Сопенье и фырканье наполняли воздух! Улегшись на спину,

львицы обеими передними ластами терли себе морды, точь-в-точь как это делают кошки. Были и такие, что ничуть не хуже собак задумчиво скребли себе подбородок, но не задней лапой, конечно, а ластом. Я сотни раз наблюдал такие же движения у наземных млекопитающих, но у морских львов они показались мне незнакомыми и комичными. Между тем ритуал умывания - древняя повадка млекопитающих, сохранившаяся и у обитателей моря. Самки не забыли и про детенышей и усердно чистили их, а те терпеливо лежали, пока мамаши терли и мяли их своими подбородками. Только один неслух попытался было спастись бегством, но морская львица успела схватить его за задний ласт и рывком притянула к себе.

Закончив туалет, самки отправились ловить рыбу, а малыши затеяли игру на мелководье. Вожак, как и утром, следил за порядком. Меня очаровало то, как он приветствовал каждую самку, входившую в воду. Он не пропустил ни одной и со всеми был одинаково любезен. Я успел за день проголодаться и теперь, растянувшись на матраце, жевал сухари с копченой колбасой, запивая снедь чаем. Кругом меня располагались морские львы, на омываемых волнами скалах ползали красные крабы. Могло ли быть лучшее место для стоянки?

Солнце постепенно опускалось за горизонт. Его лучи окрашивали небо в темно-красный цвет, и голые кусты отбрасывали на землю длинные неровные тени. Морские львы медленно перебирались на сушу. Стар и млад ковыляли через глыбы лавы к зеленым кустам криптокарпуса, под которыми они устроили себе спальню. Особенно торопились малыши: чуть ли не падая второпях, они разыскивали своих родительниц. Обнюхивая то одну самку, то другую, детеныш наконец обнаруживал свою мать. Встреча была радостной: оба терлись друг о друга мордами и блеяли, как овцы. Но если, случалось, малютка останавливался около чужой самки, она немедленно его выпроваживала. Нашелся, правда, один обжора, который, не выдержав искушения, попытался приложиться к чужому соску. Скандал разразился тотчас!

Обнаружив обман, разъяренная самка с ревом кинулась на малыша и задала ему сильную трепку. Значит, морская львица терпит только своего собственного отпрыска и узнает его безошибочно. Самозванца встречает ожесточенный отпор, причем не только матери, по и ее детеныша. Очень смешно наблюдать, как бранится такой маленький сосунок!

Уже в сумерках мое внимание привлек совсем крохотный детеныш. Ему явно не повезло. Спотыкаясь, он ковылял от одной самки к другой, но его отовсюду прогоняли. Пройдя таким образом всю колонию до конца, он уселся наверху скалы и в отчаянии заблеял в темноту. Он буквально плакал. Его тоненький, как у ягненка, голосок громко жаловался в ночи, и вдруг издалека, с самого берега, в ответ зазвучало успокаивающее басистое "бе-е-е! бе-е-е!". Малютка встрепенулся, словно от электрического разряда, мигом повернулся в сторону зова, поспешно ответил и кубарем покатился к берегу. Наконец-то мама нашлась! Встреча была бурной. Оба взволнованно блеяли и, если можно так выразиться, сердечно прижимались мордами. Только после этого малыш вспомнил о хлебе насущном. Тыкая мать мордочкой, он попросил молока.

Я был свидетелем нескольких таких встреч и каждый раз поражался, как хорошо животные распознают голоса близких. Обмениваясь призывами, мать и дитя быстро находили друг друга, даже если их разделяли естественные преграды. Морские львы при этом почти не ошибались. При мне лишь один раз на зов самки ответили сразу два детеныша, но недоразумение было быстро выяснено. Невольные ошибки не остаются безнаказанными: малышей награждают обычно несколькими хорошими шлепками.

Очень немногие млекопитающие обладают подобной способностью узнавать сородичей по голосу. К ним относятся овцы. После появления ягненка на свет, мать и новорожденный долго перекликаются, и в результате, очевидно, между ними возникает прочная связь. Я заметил, что аналогичную перекличку, даже во время кормления, ведет и морская львица со своим новорожденным, чем достигается, по-видимому, сходный результат.

Быстро темнело, колония постепенно замолкала, все самки с их потомством уже были на берегу, и только теперь старый самец выбрался на сушу. Вот когда он тоже сможет отдохнуть! По его движениям было заметно, как он устал.

Подул прохладный ветер. Я завернулся в одеяло и лег на спину. Надо мной сверкало усыпанное звездами небо. Самки больше не ревели. Только вожак каждые 10-15 минут просыпался и оглашал темноту ночи ревом, возвещавшим, что здесь господин - он. Прибой шумел приглушенно. Волны, ударяясь о берег, разбивались в зеленоватую пену. Пенный вал откатывался, и па влажных скалах теплились зеленые точки. Это светились перед своей гибелью микроскопические морские существа. Если не считать шума прибоя, кругом было совершенно тихо. И вдруг в этой непривычной обстановке меня поразил знакомый звук: цикада робко завела песенку. Но, словно испугавшись своего голоса в полной тишине, она почти сразу замолчала. Далеко в море приветливо мерцали несколько зажженных иллюминаторов и якорный огонь "Ксарифы".

Но вот между опунциями зазвучала незамысловатая мелодия кактусового земляного вьюрка. Небо на востоке заалело, и колония морских львов пробудилась. Все от мала до велика совершили утренний туалет, после чего самки занялись ловлей рыбы. То и дело одна из них выныривала из воды с каракатицей в зубах. Покоряясь резким движениям ее головы, щупальца жертвы ударялись о поверхность воды, пока самка не заглатывала добычу. Такая же участь постигала и крупных рыб. Вожак тем временем стоял на страже. Он, бесспорно, образцово выполнял свой долг. Я ни разу не видел, чтобы он ел. Скорее всего он жил запасами жира, накопленными в период покоя, да время от времени перехватывал между делом какой-нибудь кусочек.

Первые лучи солнца коснулись черных скал, и пестрые ящерицы выползли из своих укрытий. Распластавшись на скалах, они старались уловить солнечное тепло, и вскоре один самец обогрелся настолько, что, усердно кивая головой, принялся обхаживать красотку с красной глоткой. Морские львята уже вовсю резвились на мелководье, когда за мной пришла лодка.

В царстве гигантских черепах

День, собственно, еще не начался. Был тот пятнадцатиминутный рубеж между утром и ночью, когда ни один звук не нарушает тишину, когда еще не отступила прохлада, на небе сверкают звезды и только светлая полоска на востоке предвещает наступающий день. На пыльных дорожках поселка в Академической бухте Индефатигебля держалась тонкая пленка влаги. Скупая роса - она не в силах была освежить чахлую траву - едва прикоснулась к слою порошкообразной пыли.

В предрассветных сумерках мои проводники-эквадорцы нагрузили осла. Мы рассовали продукты по сумкам, висевшим у него по бокам, сверху привязали палатку и двинулись в путь. Шли мы по тропе, которая вела из Академической бухты на север, к фермам поселенцев. Оттуда мы надеялись пробиться к необитаемым зеленым холмам, где, по-видимому, жили гигантские черепахи.

В давние времена они водились в большом количестве на всем земном шаре. Около 60 миллионов лет назад в Америке, Индии, Европе были распространены черепахи колоссальных размеров. В Нью-Йоркском естественно-историческом музее хранится панцирь такого великана, который весил, очевидно, не меньше тонны. Но шли тысячелетия, на земле появлялось все больше подвижных и хитрых млекопитающих, которые со временем истребили неуклюжих и беспомощных черепах.

Их потомки сохранились только в двух областях, куда не проникли хищники: на Маскаренских островах, раскинувшихся дугой к северу от Мадагаскара (Альдабра, Сейшель, Реюньон, Маврикий, Родригес и др.) и на Галапагосах. Незавидная участь ожидала маскаренских черепах: они были уничтожены человеком, по достоинству оценившим их вкусное мясо. Только на острове Альдабра осталось в живых небольшое число черепах.

А как сложилась их судьба на Галапагосах? Это нам предстояло выяснить.

По обеим сторонам тропы простирался кактусовый лес. Цереусы тянули свечи своих стволов на много метров ввысь. В предрассветных сумерках опунции выделялись красивыми стволами терракотового цвета и живописно повисшими ветвями. Между кактусами причудливо сплелись в непроходимые заросли кусты кротона и криптокарпуса.

Когда на линию горизонта выкатился кроваво-красный шар солнца, мы находились у выступа утеса, с которого открывался вид на Академическую бухту. В радостном утреннем свете даже крыши из ржавого волнистого железа, покрывавшие лачуги бедняков, казались красивыми. Время от времени ветерок доносил до нас звонкие голоса только что проснувшихся петухов. Внизу под нами широко раскинулся лес. В нем преобладали коричневые и серые тона - сейчас, в середине июля, уже многие кусты лишились листвы. Да и зелень кактусов и кротонов казалась в сухом воздухе пыльной. Только кусты криптокарпуса и кордии сохранили свою свежесть. На ветвях кордии качались желтые цветы, кое-где ландшафт оживляли красные цветы эритрины. Лес постепенно оживал. Послышалось меланхолическое "тют" пересмешников. Неразлучная влюбленная парочка голубков семенила рядышком между скалами, то тут, то там из-под камней выползали первые заспанные ящерицы. Черные вьюрки выклевывали себе завтрак из-под коры деревьев.

Солнце поднималось быстро - слишком быстро. Скоро на нашей узкой тропке стало жарко. Утренней прохлады как не бывало, идти становилось все труднее. Тем не менее мы быстро продвигались вперед. Спустя час пути характер растительности изменился - мы поднимались теперь по склону холма. На кустах появилось больше зелени, зато кактусы, затканные вьюнками, явно чахли. У края дорожки росли цветы, на кустах покачивались белые граммофончики ипомеи. Со стволов и веток деревьев свешивались длинные 'желто-зеленые бороды мхов и лишайников. Почва под ногами становилась все более влажной. По обеим сторонам дороги тянулись леса, в которых преобладала эндемичная порода - скалезия. Ее стройные прямые стволы начинали ветвиться на высоте 10-15 метров. Бросалось в глаза, что старые, уже погибшие листья еще долго удерживались на ветвях. Изобилие мхов и папоротников было необыкновенным. Нас поразило, как быстро пустыня, покрытая кактусами, сменилась тропическим вечнозеленым лесом. Мы поднялись всего лишь на 200 метров над уровнем моря, но' здесь, в верхних областях, круглый год выпадает морось, несущая земле жизнь.

Под камнями и прогнившими стволами я находил пауков, жуков, скорпионов, тараканов... Но больше всего меня поразили дождевые черви, представленные даже двумя видами. Как смогли они проникнуть сюда? Попадалось также много улиток. Не переставая собирать все, что встречалось на пути, мы проникли в область, заселенную колонистами. Потянулись расчищенные от леса участки. Свежие вырубки сменялись банановыми и кофейными плантациями. Дороги были обсажены кустами гибикуса, усыпанными красными цветами. Над плантациями возвышались на столбах нехитрые дома. Вблизи них играли совершенно нагие дети, тут же удовлетворенно хрюкали черные поросята. Свинки могли быть довольны - в их рацион входили великолепные плоды авокадо, растущие на Галапагосах в избытке. Среди поселенцев преобладают эквадорцы - в их жилах течет испанская и индейская кровь. Обосновалось здесь и несколько европейцев - земля, бесспорно, плодородная, но климат очень нездоровый, в чем мы смогли вскоре убедиться. Отдыхая около одной хижины, мы обратили внимание на то, что в отличие от других ферм здесь не резвятся дети. В доме царила удручающая тишина. У индианки, которая принесла нам фрукты, был подавленный вид. Позднее проводник рассказал, что эта женщина за несколько недель лишилась всех своих детей. Только она сама и ее муж устояли против амебной дизентерии.

Вечно сырая земля благоприятствует не только растениям, но и болезнетворным микробам. Сырой и жаркий климат, амебная дизентерия и нематоды двенадцатиперстной кишки осложняют жизнь немногочисленных поселенцев. Но дети остаются детьми.

Оживленно возятся они с терпеливой худой дворняжкой и беззаботно играют в грязи, в которой, быть может, кроется их гибель.

Подкрепив свои силы, мы повернули на запад. Медленно спустились мы снова вниз и вскоре вышли из зоны поселений. Пышные заросли бобовых преградили нам путь. Они тянулись от куста к кусту и, все заглушая, сплошным ковром затягивали землю. Поселенец Мигуэль Кастро сообщил нам, что это завезенная культура, вышедшая из-под контроля людей. Не станет ли она душительыщей галапагосской флоры? Уже не раз бывало, что легкомысленный ввоз иноземных растений влек за собой гибель первоначального биоценоза.

Наконец нас поглотил густой девственпый лес. Глаз мой снова радовали стройные скалезии и могучие красно-коричневые стволы пизонии. Было много дикой гуавы. Там, где землю устилали ее кислые плоды, виднелись следы диких свиней. С ветвей деревьев свисали темно-зеленые пряди мха и лианы, покрытые бромелиевыми. Зеленая крыша листвы почти не пропускала дневного света. В лесу было сумрачно и сыро - с листьев и веток непрерывно капала вода. Мокрые веера папоротников непрестанно били нас по ногам. Скользя и спотыкаясь, мы делали каждый шаг с осторожностью. Вскоре мы промокли до нитки.

В протпвополояшость богатству растительной жизни животный мир острова очень беден. В подлеске не слышно было ни шорохов, ни треска, вокруг не порхали пестрые мотыльки, ни одна птица не вела своего мелодичного разговора. Только вездесущие пересмешники сопровождали нас заунывным "тют!", а один раз на ближний куст опустилась кроваво-красная алая мухоловка. Во влажных районах пересмешники охотятся за улитками. Они клювом хватают свои жертвы и бьют об камень, пока папцирь не разлетится. Нам часто попадались камни, вокруг которых валялось множество разбитых раковин - свидетельство того, что пересмешники предпочитают "столоваться" в определенных местах.

Близился вечер. Лес несколько поредел и распался на группы деревьев и высокого кустарника с сочно-зелеными лужайками между ними. На одной мы увидели выгоревший на солнце панцирь убитой черепахи - печальная веха у входа в царство гигантских черепах.

В течение часа мы двигались вперед, словно по огромному кладбищу. По всей местности были рассеяны панцири, в основном старые и прогнившие, но попадались и совсем свежие. Значит, и сегодня вопреки всем законам о защите животных здесь разбойничают поселенцы!

Уже в сумерках мы поставили палатку и разожгли костер. Прежде всего мы сняли с себя мокрую одежду. Наш верный осел, привязанный к колышку, принялся щипать траву. Не в меньшей степени, чем мы, он наслаждался заслуженным отдыхом. Мы же, лениво развалившись вокруг костра, в ожидании, пока вскипит чайник, смотрели на дрожащие язычки пламени и подталкивали в огонь обгоревшие поленья. На свет керосиновой лампы собралось множество насекомых всякого рода: бабочек, жуков, клопов, муравьев - и мы лихорадочно принялись пополнять коллекции. В неизведанных местах каждая тварь представляет интерес. Особенную радость доставили мне, однако, два маленьких геккона - ночные ящерицы с большими круглыми глазами и расширяющимися листом окончаниями больших пальцев. Заснул я как убитый, только один раз меня разбудил жалобный крик одичавшего осла.

Утром я с трудом поднялся на ноги - отчаянно болели натруженные мышцы. Прошло порядочно времени, прежде чем я смог передвигаться более или менее нормально. К счастью, в этот день нам не пришлось совершать длительные переходы: всего в 200 метрах от стоянки посреди зеленой лужайки я набрел на озерцо метров пяти в диаметре. Его поверхность была затянута, как ряской, красноватым водяным папоротником (Salvinia). Берега заросли камышом, и в нем валялось несколько осколков черепашьего панциря. В самом же озерце возлежала взрослая гигантская черепаха - великолепный экземпляр! Покрытые грубой чешуей передние лапы не уступали по толщине моему бедру, а панцирь имел в поперечнике не меньше метра. Так, по крайней мере, я определил, видя всего лишь третью часть тела, высовывавшуюся из воды. Голова покоилась на длинной S-образной шее. Многочисленные морщины вводили в заблуждение относительно возраста черепахи.

Панцирь, щитки и чешуя были очень черные, блестящие. Черепаха внимательно рассматривала меня сверкающими маленькими глазками, я же, погрузившись в созерцание редчайшего из обитающих на Галапагосах живых существ, долго стоял не шевелясь. Меня восхищали изящная линия панциря с небольшим изгибом кверху впереди и рисунок каждой пластины, имевшей форму звезды. Посадка головы и форма верхней челюсти, подобно клюву загнутой вниз, казались мне необычайно благородными.

Мне вспомнились слова Мелвилла. Он писал, что, увидев впервые этих черепах, пришел в необычайное волнение. "Мне чудилось, что они только-только выползли из-под фундамента мира или что они именно те самые черепахи, на которых, по верованиям индусов, покоится Вселенная... Они, казалось, существовали извечно, как бы вне времени".

Я попытался приблизиться к черепахе, но она, зашипев, укрылась в панцирь и, выпрямив передние лапы, приподняла переднюю часть туловища. Эту угрожающую позу она, по-видимому, могла удерживать очень долго: во всяком случае, три четверти часа спустя она только слегка согнула передние лапы в суставах. Поскольку черепаха явно не собиралась выходить из своего убежища, я отправился на поиски ее сородичей, решив, что позднее, когда она успокоится, я обмерю ее.

После недолгих поисков я обнаружил след другой черепахи. Ее панцирь оставил в мягкой траве широкую полосу, как если бы здесь прошел каток. След вел к кусту, под которым спала черепаха. Я поднял камень величиной с кулак и постучал по панцирю. Черепаха зашипела, как маленький дракон, но, видя, что это не помогает, решила спастись бегством. Выпрямив ноги во всю их длину, она заковыляла как на ходулях, и уж тут никакое препятствие не могло ее остановить. Подобно танку она ломилась сквозь кусты и перелезала через попадавшиеся на пути камни. При этом она не переставала шипеть, а если что-нибудь снова пугало ее, быстро скрывалась в панцирь, так что брюшной щит громко ударялся о землю. Но стоило мне куском лавы постучать о панцирь, как она вскакивала на ноги, неуклюжие, как у слона. В конце концов мне стало жаль перепуганную великаншу. Я оставил ее в покое и обратил свое внимание на ее подругу, мирно щипавшую траву на лужайке. Около этой черепахи я провел почти весь день, и мы, можно сказать, стали друзьями. Под конец она даже не возражала против того, что я ползал вокруг и фотографировал ее со всех сторон. Примерно в полдень она забралась под кусты, отбрасывавшие редкую тень, и улеглась там, положив голову, как собака, наземь. Но глаза у нее оставались открытыми. Я уже хотел было уйти, как вдруг увидел нечто удивительное. На голову черепахе сел маленький темный земляной вьюрок и начал что-то выклевывать из ее ноздрей и уголков рта. Черепахе это явно нравилось. Она, по-видимому, привыкла к тому, что вьюрки ее чистят. Что там птичка выклевывала - я не видел. Может быть, семена или клещей... Во всяком случае эта сцена напомнила мне об известном содружестве буйволовой птицы с крупными животными.

Когда я вернулся к озерцу, моя старая знакомая высунулась наконец из панциря. Она была крупнее тех, которых я видел в этот день. В ширину она имела 224 сантиметра, длина панциря составляла 131 сантиметр. Вчетвером мы попытались приподнять животное, но нам не удалось оторвать черепаху от земли даже на сантиметр. Она весила килограммов 300, не меньше! Действуя дубиной, как рычагом, мы перевернули ее на спину. Брюшной щит имел углубление наподобие миски. Значит, самец: у самок брюшной щиток плоский.

Мы провели в краю гигантских черепах два с половиной дня. Утром, часов до десяти, обычно шел дождь. Мы лежали в палатках на надувных матрацах, смотрели на зеленые кусты, с которых капала вода, и пили чай. В десять пробивалось солнце, над лугами подымалась дымка испарений - можно было покидать палатки.

Мы обнаружили на острове лишь несколько юных черепах. Быть может, одичавшие свиньи,- а их здесь очень много - пожирают выводки, как только они появляются на свет. Разбитые панцири валялись повсюду.

Так обстояло дело в последней обители гигантских черепах. А ведь она была открыта всего лишь 15 лет назад! Ее заметили с самолетов, летавших в поисках воды. Впрочем,

сейчас происходит последний акт драмы, разыгравшейся значительно раньше.

Когда на Галапагосы впервые высадились испанцы, гигантские черепахи обитали на островах Чатам, Чарлз, Худ, Бар- рппгтон, Индефатигебль, Абингдон, Дункан, Джервис, Джемс, Альбемарль и Нарборо, причем на каждом из них была представлена своя раса. Это свидетельствует о том, что животные каждого острова уже очень давно вели обособленное существование. На Альбемарле имелось даже пять подвидов черепах. Остров образуют пять больших вулканов, которые отделены один от другого могучими барьерами лавы, скорее всего, непреодолимыми для черепах. Поэтому каждый вулкан - это как бы самостоятельный клочок суши. Недавно Карл Ангермайер видел в северной части Индефатигебля, у горы в районе бухты Коивей, несколько гигантских черепах с панцирями в форме седла. Сноу опубликовал снимок представителя этой недавно открытой популяции. Кстати сказать, зоолог Бек нашел и приобщил к своей коллекции экземпляр черепахи с седловидным панцирем, но его недоверчивые коллеги предположили, что он просто ошибся при описании экспоната. Все еще держится мнение, будто животные были завезены на север Индефатигебля извне. Мнение это, казалось бы, подтверждается отсутствием постоянной популяции черепах в других частях острова, хотя между ннми и бухтой Конвей не существует никаких естественных преград. Первым на своеобразие галапагосской фауны обратил внимание Дарвин.

"До сих пор не отметил еще самой замечательной особенности естественной истории этого архипелага, а именно - что различные острова в значительной степени населены различным составом живых существ. Впервые мое внимание обратил м-р Лосон, вице-губернатор, заявивший, что черепахи на разных островах различны и что он наверняка мог бы сказать, с какого острова какая привезена. Сначала я не обратил должного внимания на это утверждение и даже смешал коллекции, собранные на двух из этих островов. Я и не помышлял, чтобы острова, стоящие миль на пятьдесят-шестьдесят один друг от друга и по большей части находящиеся в виду друг у друга, образованные в точности одинаковыми породами, лежащие в совершенно одинаковом климате, поднимающиеся почти на одну и ту же высоту, могли иметь различное население; вскоре, однако, мы увидим, что именно так и обстоит дело. Удел почти всех путешественников - но успевши познакомиться с тем, что всего интереснее в какой-нибудь местности, уже спешить оттуда; но я, быть может, должен быть благодарен судьбе за то, что собрал материалы, достаточные для установления этого наиболее удивительного факта в распределении органических существ.

Жители, как я уже говорил, утверждают, что могут различать черепах с разных островов и что они отличаются не только размерами, но и другими признаками. Капитан Портер, описывая черепах с Чарлза и с ближайшего к нему острова, а именно с острова Худ, говорит, что щит у них спереди толст и загнут, как испанское седло; черепахи же с острова Джемс более круглы и черны, а вареное мясо их лучше на вкус"1.

1 (*Ч. Дарвин, Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль", Географгиз, М., 1954, стр. 423.*)

В настоящее время науке известны 15 видов черепах с Галапагосских островов. От одного до нас дошли только скудные костные остатки, поэтому мы не располагаем исчерпывающими сведениями о нем. Остальные 14 видов поразительно сильно различаются по форме и прочим признакам. Что же касается панцирей, то известно два типа их. Панцири первого сжаты с боков в передней части, и для них характерен изгиб кверху, придающий им сходство с седлом. Черепахи с седловидными панцирями водятся на Абингдоне, Джемсе, Дункане, Худе, Нарборо и в северной части Альбемарля. Климат на этих островах очень сухой, и оттого острова бедны травами. Обитающие здесь черепахи вынуждены питаться в основном кактусами и листьями кустов. Поэтому я сделал вывод, что столь необычайная форма панциря является, возможно, результатом приспособления к условиям существования. Дугообразный изгиб его передней части дает шее большую свободу движений, благодаря чему черепахе легче обрывать зелень с кустов.

Черепахи живут как в зоне пустынь, так и в более возвышенных влажных областях. На

Индефатигебле перед наступлением сухого сезона они перекочевывают с низменных мест в переходный влажный пояс, многие пережидают засуху на побережье. На том же Индефатигебле детеныши, появившиеся на свет в сухой отрезок года, остаются в пустыне. Жаркое полуденное время неокрепшие малыши проводят, прячась под камнями. Они деятельны только в ночные и утренние часы. Питаются они высохшей травой, которую смачивают, словно дождем, обильные росы.

К водопою черепахи предпочитают ходить одними и теми же тропами, и скалы, лежащие на их пути, в иных местах кажутся отполированными. Следуя этими тропами в глубину острова, испанцы безошибочно находили в горах источники пресной воды. Придя к ручью, черепаха погружает голову в воду, жадно пьет, а затем, как правило, в течение нескольких часов еще купается.

На Дункане, где воды мало, черепахи утоляют жажду из лужиц, образующихся в углублениях скал по ночам или во время дождя. Эти водопои нетрудно отыскать - подходы к ним до блеска отшлифованы многими поколениями черепах.

И все же животным случается по многу недель обходиться без воды. Тогда их спасают сочные кактусы и, конечно, жир, в большом количестве откладывающийся в их теле. Известно ведь, что 100 граммов жира при сгорании выделяют 107 граммов воды. Именно поэтому живущие в пустынях грызуны вовсе не потребляют воды, питаясь одними зернами пшеницы. Необходимую для жизни влагу они получают благодаря сгоранию жиров и углеводов, оттого у многих млекопитающих, обитателей пустыни, образуются большие скопления жира, например, в горбе у верблюда.

Неудивительно, что гигантских черепах осталось на Галапагосах так мало: ведь всем, кто попадал на острова, их мясо и жир приходились по вкусу. Вот, например, что сообщил по этому поводу в 1813 году капитан Портер:

"Нежное, вкусное и полезное мясо гигантской черепахи не имеет себе равного. По сравнению с ним мясо зеленой морской черепахи проигрывает не меньше, чем говядина по сравнению с нежнейшей телятиной. Отведавший мяса галапагосской черепахи долгое время не испытает желания прикасаться к другим мясным блюдам. Черепахи настолько упитанны, что их мясо поджаривается без масла и сала, однако жир их менее пресыщает, чем у других животных. При растапливании он превращается в масло, напоминающее по вкусу оливковое. Переваривается мясо галапагосской черепахи легко. Его можно употреблять в больших количествах, чем другую еду, без вредных последствий для здоровья. Но самое удивительное в черепахах - это их способность долгое время обходиться без пищи. Меня уверял человек, заслуживающий доверия, что черепаха, погруженная в трюм корабля, прожила между бочками полтора года. И после этого ее мясо не стало менее жирным и вкусным".

Как-то раз люди Портера заготовили за четыре дня 14 тонн черепашьего мяса. "Больше мы не могли погрузить на борт судна". Пираты, а потом китобои, покидая Галапагосы, забивали трюмы черепашьим мясом. Пираты, посещавшие во второй половине XVII века западное побережье Южной Америки, избрали Галапагосы своим опорным пунктом и устроили здесь себе уютное пристанище. Еще и сейчас на Чарлзе можно видеть сделанные ими каменные скамьи и тщательно приспособленные для жилья пещеры. Молодчики, право, чувствовали себя здесь недурно. Они любили повеселиться. Осколки сотен разбитых кружек на острове Джемс молчаливо свидетельствуют о былых веселых пирушках.

За пиратами последовали китобои. Американский зоолог Таунсенд просмотрел судовые журналы многих американских китобоев. Они перевезли сотни тысяч тонн черепашьего мяса! Естественно, что вскоре черепахи стали редкими животными, а кое-где и вовсе перевелись.

В 1903 году острова посетили сотрудники Калифорнийской Академии наук. Они обнаружили более или менее значительные скопления черепах только на Индефатигебле, Альбемарле и Дункане. На Чатаме и Абингдоне эти животные были почти поголовно истреблены, на Чарлзе и Баррингтоне их не осталось вовсе. На Джемсе, Джервисе и Худе они попадались, но редко. На Нарборо Бек, самый активный член экспедиции, разыскал

одну-единственную гигантскую черепаху, хотя любители черепашьего мяса избегали посещать этот труднодоступный остров.

Бек высказал весьма пессимистические прогнозы. Он был крайне возмущен хищническим истреблением черепах поселенцами на Альбемарле: "Иногда по вечерам можно было наблюдать, как в деревню с разных сторон возвращаются два или три человека, неся в руках небольшой кусок мяса и с фунт жира. Из тела каждой забитой черепахи вырезали фунтов пять мяса, остальное доставалось шныряющим вокруг диким собакам". Бек нашел труп черепахи в 1,06 метра длиной, из которого было вырезано не больше трех фунтов мяса, а рядом - труп самки, убитой только ради яиц и куска филе. Поселенцев особенно привлекало черепашье сало. Они подстерегали животных у водопоев, убивали их и вытапливали из сала жир. Каждая черепаха давала от 4 до 11 литров масла. Его заливали в бочки и вывозили на материк. Бек сфотографировал водоем, около которого валялось не меньше 150 черепашьих скелетов.

Не менее роковая роль в истреблении черепах принадлежит и одичавшим собакам. "С того момента, как самка кладет яйцо, и до тех пор, пока детеныш не достигнет фута в длину, собаки постоянно угрожают его существованию, и вряд ли хоть один из десяти тысяч остается в живых". Далее Бек добавляет: "Через несколько лет два или три удержавшихся вида будут окончательно истреблены. Несколько особей других видов, возможно, продержатся дольше, но и они постоянно подвергаются нападениям своих врагов".

С той поры положение серьезно ухудшилось, и тому мы явились свидетелями. На Индефатигебле полным ходом идет уничтожение последних черепах. И все же их колония на этом острове наряду с остатками популяции на Альбемарле - одна из крупнейших на архипелаге. В зоне пустынь и в переходном поясе на юго-западе и западе Индефатигебля один из видов черепах еще нередко встречается и, главное, продолжает успешно размножаться. В последнем я имел возможность убедиться лично.

В сентябре 1957 года небольшой рыболовный катер высадил меня близ мыса Томайо, в нескольких милях к западу от Академической бухты. В течение часа я шел от берега моря в глубь острова. Растительность была типичная для галапагосской пустыни - низкие кротоновые кусты со светло-зелеными листьями, кусты кордии и опунции, не уступавшие по высоте деревьям. Равнину там и сям пересекали невысокие напластования лавы. В образованных ими мелких углублениях чахлая трава покрывала красноватую землю. В период дождей здесь, должно быть, развивается довольно пышная зелень. Уже в получасе ходьбы от берега я наткнулся на разбитые панцири. Два из них были совсем свежие, на них еще виднелись кое-где высохшие кусочки мяса. Одичавшие свиньи растащили и обглодали кости. Спустя час поисков я увидел живую черепаху. Она с удовольствием жевала кусок кактуса. Не обращая ни малейшего внимания на колючки, она вгрызалась в сочную мякоть. Меня обрадовало, что животное было относительно молодо: панцирь его имел в длину 30 сантиметров, значит, ему не могло быть больше шести лет. Через несколько минут я обнаружил под большим кустом старого самца. Он спокойно и дружелюбно следил за моими поисками. Наконец я заметил на сухой красноватой почве несколько длинных узких полос. Они вели к каменным глыбам, под которыми земля была немного взрыта. Я сунул руку под камень и вытащил черепашку - первую, встретившуюся мне на Галапагосах. Она целиком уместилась на моей ладони, следовательно, появилась на свет весной этого года или в прошлом сезоне, но не раньше. В радиусе 40 метров я нашел по следам еще четырех черепашек такого же размера.

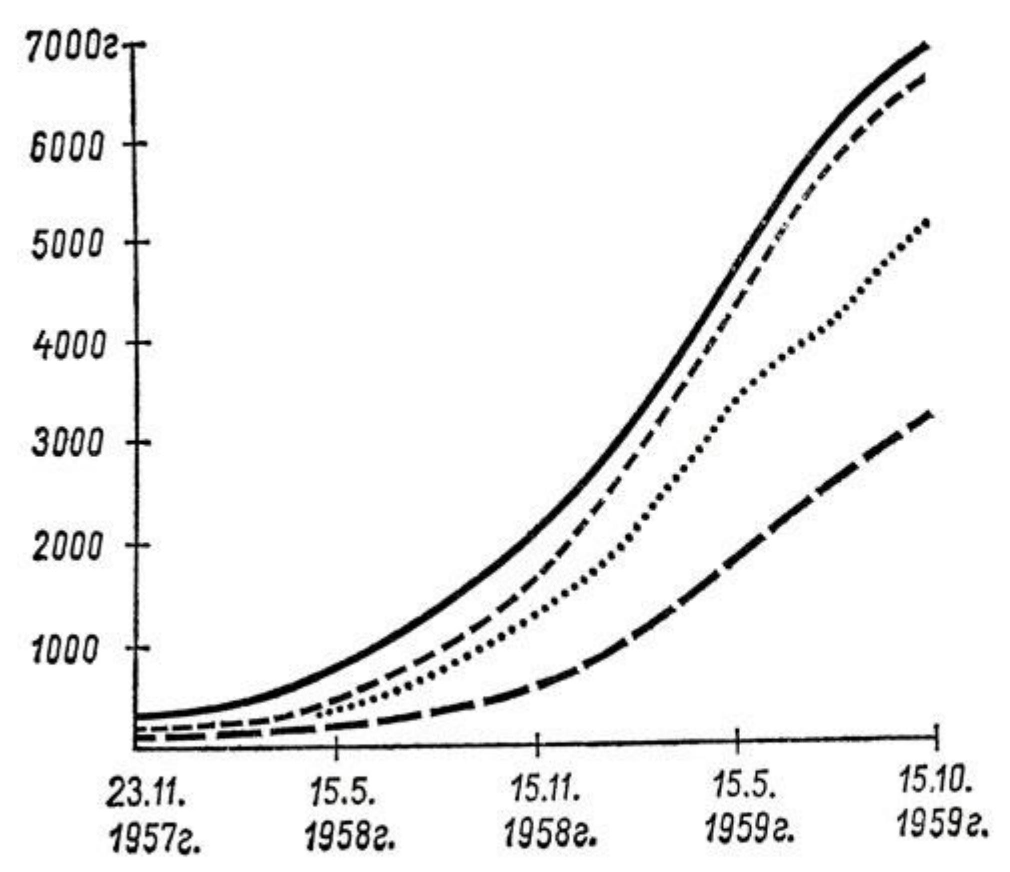
Одну я посадил старому самцу на спину. Какой крохотной по сравнению с ним казалась маленькая наездница! Трудно было поверить, что оба животных принадлежат к одному виду. Черепашка весила 140 граммов, а когда вылупилась из яйца, была, наверное, не тяжелее 80. Чтобы достигнуть максимального веса взрослой особи - 300 килограммов,- ее первоначальный вес должен увеличиться в 3750 раз. Для этого, очевидно, требуются многие десятилетия, хотя животные растут на удивление быстро. Чтобы убедиться в этом, я взял в Европу четверых детенышей Testudo porteri, которых поймал на острове Индефатигебль в

октябре 1957 года. Следующая таблица отображает их рост за год:

Черепаха	Дата	Длина по спинному панцирю, см	Объем, см	Вес, г
1	23.11.1957 г.	13,5	24	270
	15.5.1958 г.	17,1	34	750
	15.11.1958 г.	28	47	2050
	15.5.1959 г.	36	60,5	4600
	15.10.1959 г.	44	75	6980
2	23.11.1957 г.	13,5	25	240
	15.5.1958 г.	18	31	450
	15.11.1958 г.	27	44,5	1700
	15.5.1959 г.	35	60	4400
	15.10.1959 г.	43	71,5	6700
3	23.11.1957 г.	13	23	240
	15.5.1958 г.	18	30,5	540
	15.11.1958 г.	25	41	1350
	15.5.1959 г.	33,5	55,5	3500
	15.10.1959 г.	40	66	5170
4	23.11.1957 г.	11	20,5	140
	15.5.1958 г.	13	25	300
	15.11.1958 г.	19,5	33	600
	15.5.1959 г.	26	45	1800
	15.10.1959 г.	33,5	58	3260

Рост черепах за год

Меня несказанно обрадовала находка на Индефатигебле детенышей черепахи. Она означала, что эти животные еще не достигли своего биологического минимума, при котором продолжение рода становится невозможным. Вопреки преследованиям они по сей день продолжают размножаться на Индефатигебле. В марте - апреле они собираются для спаривания в ту самую область, которую я посетил. Мой проводник рассказал, что нередко они спускаются сюда с гор. В брачный период самцы очень раздражительны. Поднявшись как можно выше на передних лапах, они угрожают своему сопернику широко раскрытой пастью и стараются укусить его сверху в голову. По словам Дарвина, зов самцов в брачный период звучит как хриплое блеяние и разносится окрест не меньше чем на 200 метров. Яйца самка откладывает в ноябре. Круглые, белые, они заключены в твердую оболочку и по виду и размерам напоминают бильярдный шар. Их диаметр составляет около 5 сантиметров. Самка кладет яйца не одновременно, а в несколько приемов, в две-три выкопанные ею ямки глубиной около 40 сантиметров. Отложив 10-15 яиц, она засыпает их землей и выравнивает ее, придавливая сверху панцирем. Когда самке не удается вырыть яму, она спускает яйца в расселину скалы. Естественные враги детенышей - канюки, а в последнее время - завезенные на острова домашние животные. Как показывает составленная мной таблица, младенцы вначале растут очень быстро. К 10-15 годам черепахи могут достигать половой зрелости. Что касается предельного возраста галапагосских черепах, то об этом мало что известно. На островах Тонга еще в 1927 году жила черепаха, которую в одно из своих путешествий (1774 и 1777) привез с Галапагосов в подарок местному правителю капитан Джемс Кук. В то время черепаха была уже взрослой, следовательно в 1927 году ей могло быть около 200 и уж никак не меньше 160 лет.

Кривая роста четырех детенышей черепахи с острова Индефатигебль (см. также таблицу на стр. 45)

Кроме Индефатигебля, галапагосские черепахи успешно размножаются на Альбемарле. На Нарборо, почти не посещаемом людьми, где нет одичавших домашних животных, черепахам ничто не угрожает. Судьба же прочих островных рас внушает весьма серьезные опасения. На Баррингтоне и Чарлзе они уже окончательно истреблены. На Дункане, Абингдоне, Джемсе они встречаются очень редко, хотя, по крайней мере на Джемсе, есть условия для их размножения.

Пятьдесят лет назад на Дункане черепахи еще водились в изобилии. Сейчас они стали там редкостью. Мигуэль Кастро разыскал на южных склонах вулкана около 100 взрослых особей. Они размножаются, но завезенные на остров домашние крысы фактически уничтожают весь приплод. Кастро недавно удалось спасти от них штук тридцать яиц, из которых позднее вылупились детеныши. В заповеднике станции имени Чарлза Дарвина им дадут подрасти, а затем снова вывезут на Дункан. На Джервисе в последнее время черепахи не встречались, но в восточной части Чатама и на Худе Кастро обнаружил несколько выводков. На Худе, однако, такое множество коз, что черепашьему потомству не хватает пищи. Здесь искусственное разведение также может дать хорошие результаты. На больших островах особую опасность представляют одичавшие свиньи.

В общем положение весьма неутешительное. Мы должны приложить все усилия, чтобы сохранить для жизни удивительные создания. И дело не в том, чтобы обеспечить наличие черепах на одном каком-либо острове. Найдутся, конечно, люди, которые сочтут, что истребление черепах на отдельных островах не такая большая беда, поскольку где-нибудь на архипелаге все же они сохраняются в достаточном количестве. Но надо, однако, помнить, что своеобразие галапагосских черепах прежде всего заключается в существовании в пределах одного вида нескольких островных рас. Именно эта дифференциация натолкнула Дарвина на мысль об эволюционном происхождении видов.

Следовательно, речь идет о сохранении одного из важнейших экспериментов в истории образования видов.

Турнир драконов

Уютно тукал подвесной мотор, сердце нашей маленькой шлюпки. С этими звуками у меня связаны воспоминания о лучших минутах экспедиции на "Ксарифе". И нет ничего удивительного в том, что стук мотора еще и сегодня стоит у меня в ушах и становится громче всякий раз, как я возвращаюсь мыслями к Галапагосам.

Мы держали курс точно на Нарборо. Перед нами из моря подымалась зловещая громада вулкана - массивный конус высотой 1600 метров, перечерченный черными потоками лавы. Чем ближе мы подходили, тем более пустынным и грозным казался остров. В поисках удобного места для высадки мы шли вдоль берега. Излившись некогда на протяжении многих сот метров в море, лава застыла, образовав шероховатые банки и изломанные утесы, которые содрогались сейчас под грохочущими ударами непрестанно наступавших валов. Горе тому, кто попадался на их пути! Об этом красноречиво свидетельствовал тунцовый катер, выброшенный неподалеку на берег.

От самого моря простиралась, насколько хватало глаз, лавовая пустыня. Редко-редко виднелся кактус. Можно было подумать, что вместо дождевых капель здесь с неба надают осколки камней! Правда, у мыса Эсшшоза мы нашли подходящее место для высадки. За несколькими утесами с иглообразными вершинами нам открылась вытянувшаяся в длину бухта с более спокойной водой. Близ берега небольшими группами росли мангровые. На узкой полоске песчаного пляжа лениво развалился морской лев.

Мы остановились перед большим плато. Его поверхность сильно морщила, словно это была шкура слона. Шершавым потоком оцепенела здесь лава.

Один шаг вверх, и мне показалось, что я отброшен на тысячелетия назад, к тому времени, когда на нашей земле царили драконы. Впереди справа, на отроге скалы, выдававшемся в море, на черной породе виднелись буквально сотни игуан. В метр длиной, лежа рядом или друг на друге, они были недвижны на солнечном пекле, и только покрытые щитками головы с тупыми мордами были бдительно приподняты. Я стал медленно подкрадываться, невольно задерживая дыхание, по эти предосторожности оказались излишними: я мог смело приблизиться на любое расстояние к игуанам, не опасаясь их потревожить. Лишь те, что лежали прямо па моем пути, отползли в сторону, несмело кивая головами. Наконец я нашел в самой гуще игуан удобное место - выпуклость черной лавы. Она так раскалилась на солнце, что я едва мог дотронуться до нее рукой, но я подложил сумку с продуктами и удобно расположился па пей. Мое присутствие, по-видимому, мало беспокоило игуан. Скорее всего они приняли меня за сородича морских львов. Это дало мне возможность наблюдать их вблизи.

Начался отлив, и как только обнажились первые поросшие водорослями скалы, игуаны одна за другой покинули солярий. Неторопливо соскальзывали они в воду и, медленно ударяя хвостом, не спеша плыли к покрытым зеленью скалам. Мне было видно в бинокль, как они поедают водоросли, откусывая их поочередно то правой, то левой стороной челюсти, как это делает собака, грызущая кость. Их морда, напоминающая обрубок, как нельзя лучше годилась для сдирания низкой растительности.

Долгое время ученые не могли выяснить, каким образом морские игуаны и другие морские животные выделяют соль, поглощаемую ими с морской водой. Как известно, человек, попавший в кораблекрушение, гибнет, если ему приходится пить морскую воду, ибо почки не в состоянии переработать содержащуюся в ней соль. Игуаны же поглощают с пищей огромное количество морской воды, которая, однако, не приносит им никакого вреда. Совсем недавно выяснилось одно замечательное обстоятельство. Оказалось, что у морских игуан перед каждым глазом располагается большая соляная железа с выходом в ноздрю. Соляная железа выделяет жидкость с более высокой концентрацией соли в сравнении с морской водой, и жидкость эта капельками вытекает из ноздрей.

Аналогичные соляные железы имеются у морских черепах. У каретты железы расположены в глазной впадине и открываются в задний угол глаза. Необычайно сильное

слезоотделение у многих морских черепах уже обращало на себя внимание исследователей. Теперь объяснение этому найдено. Парные соляные железы морских птиц - носовые железы давно известны науке. У баклана и олуши они находятся между глазом и носовой полостью и выделяют секрет в носовую полость, откуда он вытекает через носовое отверстие и в конечном итоге в виде капли падает с кончика клюва вниз. У чаек железа расположена над глазом, в вырабатываемом ею секрете количество соли в два раза превышает ее содержание в морской воде, и в пять раз - в крови. Соляные железы чаек функционируют поразительно быстро. За одну минуту они отторгают массу соли, равную половине их веса. Чайка, которой было введено 134 кубических сантиметра морской воды, за три часа выделила всю содержавшуюся в ней соль без какого-либо ущерба для себя.

Морские игуаны Нарборо производили впечатление очень сильных животных. Мне показалось, что они гораздо темнее своих сородичей с Худа и Осборна. Среди последних я не заметил ни одной темной особи. Впоследствии я установил, что эти различия свидетельствовали о существовании отчетливо выраженных разновидностей,- факт весьма интересный еще и потому, что ранее бытовало мнение, будто игуаны легко переплывают с одного острова на другой и оттого постоянно перемешиваются. На самом деле это не так. Длительное наблюдение показывает, что они избегают заплывать далеко в море. Еще Дарвин отметил, что игуана, брошенная в воду, при первой же возможности возвращается на берег. Ее приверженность земле скорее всего вызвана боязнью акул. Недаром в желудках хищниц не раз случалось находить морских игуан.

Постепенно вокруг меня стало пусто. Почти все ящерицы двигались к морю. Было очень жарко, и меня тоже потянуло искупаться. По примеру пресмыкающихся я осторожно поплыл к скалам, избегая глубоких мест. Встречавшиеся на моем пути игуаны испуганно погружались в воду, и мне хорошо было видно сквозь очки, как они старались подольше удержаться на дне. В воде они проявляли куда большую боязливость, чем на суше, что, впрочем, вполне понятно: в море им грозила серьезная опасность встретить акулу. Достигнув скал, я увидел нескольких игуан, сидящих под водой между скалами и низкими ветками кораллов. Они выглядели очень комично среди рифовых рыбок и желтохвостых хирургов. Я было решил, что они нырнули вниз, пытаясь спастись от меня, но вскоре, к своему удивлению, обнаружил, что одна игуана пожирает водоросли.

Впоследствии я часто наблюдал это явление и даже заснял его на кинопленку. На моих глазах игуаны до получаса паслись под водой. Без особых усилий они двигались над самым дном моря, где им не приходилось бороться с набегавшей волной. Позднее я замечал, что содержавшиеся в неволе игуаны систематически проглатывали маленькие камушки, быть может для балласта. Игуаны с Нарборо питались под водой даже при температуре 19°, детеныши же ели исключительно над водой.

Пока я был увлечен игуанами, отлив кончился. Уровень воды быстро повышался, и я, зная, что вместе с прибывающей водой на отмель любят заплывать акулы, поспешил вернуться на свой береговой наблюдательный пункт.

Мало-помалу на берег возвращались игуаны. Они двигались целеустремленно, как если бы точно знали, куда направляются. Ползая по суше, они после каждого шага ощупывают языком скалу, очевидно, ориентируясь в пространстве по запаху. Слизывая языком пахнущие вещества, игуаны подносят их к обонятельному углублению на небе. Позже я провел несколько опытов: относил игуан на разное расстояние от мест, где они находились, и каждый раз убеждался, что они действительно верны "родному дому" и в радиусе 300 метров безошибочно его находят.

Выбравшись на скалы, игуаны распластались на брюхе и принялись греться на солнце. Между ними взад и вперед деловито сновали большие красные крабы. Они заползали игуанам на спины п, как я заметил, чистили их, выковыривая из шкуры клещей. Спустя много времени я прочел в живо написанных очерках Уильяма Биба, что и ему довелось видеть похожую картину.

Вскоре все игуаны возвратились с пастбищ и заполнили скалы. На первый взгляд могло

показаться, что они лежат как попало, но, внимательно всмотревшись, я убедился, что и здесь соблюдается строгий порядок. Взрослый самец неизменно занимал одну и ту же каменную глыбу, рядом с ним располагалось несколько самок меньших размеров. Глыба была его территорией, которую он тщательно охранял. Если сосед приближался к участку, его хозяин, как, впрочем, и пришелец, всем своим видом выражал угрозу. Они широко раскрывали пасти, так что на фоне черной морды ярко вспыхивало красное нутро, кивали головами и, выгнув назад затылок и спинной гребень, топтались на выпрямленных ногах. Время от времени они выпускали из ноздрей тоненькую струйку воды, которая в воздухе распылялась в легкое облачко. Их поведение оживило в моей памяти образы сказочных огнедышащих драконов. Как правило, этих действий было достаточно, чтобы остудить воинственный пыл одной из сторон. Однако случалось, разражалась настоящая битва.

Первый конфликт такого рода разыгрался, к моей радости, рядом со мной. Противники, выпрямив в суставах ноги, угрожающе ходили друг перед другом, и каждый силился подняться как можно выше и повернуться грудью к врагу. Одним словом, оба старались выглядеть сильнее, чем были на самом деле. Очень распространенная "поза импонирования", как выразились бы исследователи, изучающие поведение животных. Но на сей раз эти маневры не произвели на нарушителя границ ни малейшего впечатления. Он ответил тем же. Покружив несколько минут рядом, противники наконец остановились с широко распахнутыми пастями.

Я ожидал, что уже в следующее мгновение они ринутся в бой и, вцепившись один в другого, совьются в клубок. Они и в самом деле бросились вперед, но, к моему великому удивлению, ни один не опустил голову. Лбы со стуком столкнулись, и каждый напряг все силы, стараясь сдвинуть противника с места. Оба цепко держались когтями за лаву, спицы их вздыбились от напряжения. Диковинная дуэль продолжалась несколько минут. Затем драчуны нехотя разошлись. Первый раунд закончился вничью. Вскоре, однако, бойцы, приняв угрожающие позы, вновь перешли в наступление. На этот раз владельцу территории удалось подступиться к агрессору сбоку, и тот не устоял. Медленно, очень медленно он подался в сторону. Правая передняя нога вытягивалась все больше и больше, пока не оторвался от земли один палец, за ним другой, третий и наконец,- хотя чужак, дрожа от напряжения, собирал для отпора свои силы,- повис и последний коготь, после чего пришелец потерял равновесие. Несколько секунд он, как большой жук, перевернутый на спину, болтал ногами в воздухе, затем принял обычное положение и очень своевременно ретировался в расселину скалы. Кивая головой, победитель гордо расхаживал взад и вперед перед поверженным врагом.

Но, просидев в щели не меньше пяти минут, побежденный оправился настолько, что осмелился напасть снова. В первый раз ему, однако, не удалось даже вылезти из укрытия, ибо победитель просто-напросто насел сверху и заставил врага вернуться в его убежище. Вторая попытка оказалась более удачной, и сражение за обладание территорией со всеми находящимися на ней самками разгорелось с новой силой. Очень долго было не ясно, кто же победит, но в конце концов верх снова взял владелец участка. Он уже почти столкнул врага в расселину, уже задние ноги бедняги повисли в воздухе, как вдруг тот высвободился и бросился плашмя наземь. При этом он сжался, как резиновая игрушка, из которой выпустили воздух. Он лежал, съежившись, на брюхе, раскинув ноги в стороны, прижав гребень к спине, маленький, жалкий, совсем непохожий на прежнего грозного задиру! А победитель? Я полагал, что он немедля кинется на врага, сдавшегося на милость противника. Ничуть не бывало! Смирение побежденного настроило его на благодушный лад. Застыв в угрожающей позе, он ждал, пока его соперник удалится. Совершенно своеобразный для ящериц способ борьбы, настоящий рыцарский турнир, в котором сильный побеждает, не причиняя вреда слабому.

В период кладки яиц дерутся также и самки, сталкиваясь лбами над облюбованным местом. Правда, настоящие турниры разыгрываются редко. Конфликт начинается с угроз - самки раскрывают пасть и кивают головой. Затем они сталкиваются лбами и застывают в

этой позе, но не надолго. Очень скоро, а иногда и вовсе без этой прелюдии, самки принимаются кусать друг друга, энергично при этом отряхиваясь. Особенно часто мы наблюдали жестокие схватки на острове Худ. Единственной побудительной причиной их здесь является малочисленность удобных мест для кладки яиц. На этом же острове самка, отложив яйца и прикрыв ямку песком, в течение нескольких дней охраняет их и защищает от посягательств других самок. На Худе я также стал свидетелем явления, которого мне нигде больше не довелось видеть. Ко времени кладки яиц самки словно принаряжаются: их яркая расцветка напоминает цветистое облачение самца - еще один замечательный пример внутривидовых изменений.

В воде морских игуан преследуют хищные рыбы, на суше - канюки, и казалось бы, что только многочисленное потомство могло бы обеспечить успешное продолжение рода. На самом же деле каждая самка откладывает раз в год, в феврале или марте, два крупных яйца - 10 сантиметров в длину, 5 - в поперечнике - и закапывает их на глубину 20-30 сантиметров. Когда из яиц вылупляются молодые ящерицы, они оказываются достаточно сильными, чтобы суметь приспособиться к условиям жизни в местности, подверженной влиянию приливов и отливов.

В тот день я смог посмотреть еще несколько рыцарских турниров игуан, и всякий раз повторялся один и тот же ритуал. Вслед за взаимными угрозами противники сталкивались лбами, пытаясь сдвинуть один другого с места. Стоило одному убедиться, что преимущества не на его стороне, и он сдавался, всем своим видом выражая смирение. Исход борьбы был решен. Рыцарский поединок подчинялся строгому регламенту. В этом меня убедили и последующие наблюдения. После того как я стал очевидцем нескольких сражений, я решил такое же спровоцировать: поймал крупного самца и перенес его на чужую территорию. И тут случилось непредвиденное. Хозяин в ярости бросился на непрошеного гостя, вцепился ему зубами в затылок и тряс до тех пор, пока отчаянно отбивавшемуся чужаку не удалось вырваться и бежать. И так происходило при каждом повторенном мною эксперименте. Не оставались в долгу перед невольным нарушителем и владельцы соседних территорий, которые пересекала, спасаясь бегством, моя подопытная игуана; они энергично атаковали и кусали ее. Несомненно, вторжение на чужой участок без соблюдения полагающихся церемоний немедленно влекло за собой кровопролитное возмездие. Правила борьбы, очевидно, предусматривали обязательный вступительный церемониал - кивание головой и демонстрирование своей силы. И лишь по свершении его мог начаться турнир.

Отнюдь не случайно, что игуаны, как правило, избегают пускать в ход зубы: это имеет огромное значение для сохранения рода, ибо их челюсти вооружены зубами с тремя остриями, способными причинять тяжелые и даже смертельные ранения. Между тем в турнирах исключается смертельный исход, от чего род в целом сильно выигрывает. Ведь животное, оказавшееся слабее, вовсе не является болезненным, биологически неполноценным индивидуумом. Большей частью оно просто моложе, и в интересах всего рода - дать ему возмужать.

Аналогичные турниры происходят и среди многих других позвоночных. Цихлида (Hemichromis bimaculatus), прежде чем вступить в единоборство с соперником, принимает угрожающую позу. Отливающие всеми цветами радуги противники застывают друг перед другом, широко растопырив плавники и приоткрыв жаберные крышки. Похвастав своей силой, они затем обмениваются ударами хвоста. Впрочем, они вовсе не касаются один другого: расположенные в боках рыб специальные органы чутко реагируют на силу течения и позволяют по возникающей в результате удара струе воды судить о силе противника. Обычно при обмене ударами рыбы занимают параллельное положение, головой к хвосту противника. Если ни одна не сдается, в ход пускается более серьезное оружие: каждая стремится ухватиться за губу соперницы и оттянуть ее в сторону, если же и это не решает исхода поединка, начинается борьба без оглядки и снисхождений. Противники таранят друг друга мордами в бок, так что чешуя разлетается в стороны, а мягкие окончания плавников превращаются в клочья. Однако чаще всего слабейший выявляется еще во время турнира, и

он, прижимая плавники к бокам, тушуется и скромно удаляется с чужой территории. В естественных условиях поединки крайне редко кончаются смертельным исходом.

Иное дело в аквариумах, где неосмотрительный любитель рыб иногда забывает своевременно отделить территории самцов. Пока более слабый находится на территории победителя, тот не перестает драться с ним.

Гадюки, дерущиеся из-за обладания самкой, также избегают кусаться, а скорее придерживаются определенных правил боя. Самцы гремучей змеи располагаются рядом, сцепившись хвостами и приподняв переднюю треть туловища. В этом положении противники сталкиваются головами. Если падает один, второй свитым в кольцо туловищем прижимает его к земле. Исход борьбы выясняется без какого-либо физического ущерба. Многие ядовитые змеи воюют меж собой подобным же образом. И это понятно: если бы змеи кусались, соперничество между ними неизменно заканчивалось бы гибелью одного, а то и обоих противников.

Восхитительны турниры среди прытких ящериц. После краткой, исполненной в грозных тонах увертюры одна ящерица впивается зубами в затылок другой и крепко сжимает челюсти. Пострадавшая терпеливо ждет, но лишь почувствует, что враг ослабил усилие, незамедлительно кусает его тем же манером. Так они действуют поочередно, пока одна не устанет и не отступится. Молодые самцы часто заканчивают борьбу сразу после того, как первый раз вонзят зубы в затылок более сильного противника. Можно подумать, что они судят о его силе по крепости затылка. Побежденная ящерица, как и морская игуана, кидается на брюхо и быстро перебирает всеми четырьмя ногами на месте, что, видимо, символизирует желание бежать. Затем она быстро убегает. Сходно поведение и других позвоночных. Очевидно, у животных, способных легко наносить смертельные увечья, выработался инстинкт, исключающий печальные последствия в отношении сородичей. Борьба превращается в состязание, подчиненное турнирным правилам, согласно которым поверженному, если тот не в состоянии быстро ретироваться, разрешается принять символическую позу смирения и тем пресечь дальнейшее преследование победителем. Юный водяной пастушок, подвергшийся нападению взрослой птицы, не обороняется, а поворачивается к ней затылком. Ей достаточно один-единственный раз ударить клювом в это чувствительное место, и малыш падает бездыханный, но именно его беззащитность останавливает агрессора. Драки волков, как и собак с виду кажутся грозными. Все переплетаются в один сплошной клубок, который не переставая кружится на одном месте, и все же редко когда на поле боя остаются мертвые тола. Оказавшийся слабее среди прочих прекращает борьбу и покорно подставляет победителю глотку. Тот не уходит и угрожающе рычит, но не нападает. Молодые животные часто в подобных случаях кидаются на спину и покорно виляют хвостом. И когда мы браним наших такс, овчарок, пуделей, они поступают точно так же. Только животные, которые не в состоянии причинить своим сородичам серьезные ранения, лишены подобных тормозов. Да и в самом деле, к чему они, например, голубю, вооруженному лишь тонким клювом? Он может ударить противника крыльями или даже выдрать у него несколько перышков, но нанести большой урон не в его силах. Но как раз среди этих птиц, ставших символом кротости, в неволе случаются роковые происшествия. Горлица, содержащаяся в узкой клетке, способна на то, что вряд ли смог бы сделать волк: зажав противника в угол, она долбит его тоненьким клювом, пока спина жертвы не превращается в одну сплошную открытую рану. На воле более слабый давно бы обратился в бегство.

Невольно мы спрашиваем себя: а наделен ли человек врожденным инстинктом торможения, не позволяющим ему убивать себе подобных? Человек отчетливо реагирует на смирение, проявляемое ближним. Только выродок в состоянии ударить и даже убить молящего о пощаде или плачущего врага. Но научившись применять дубину, человек переступил через врожденный инстинкт торможения. Нанесенный в состоянии возбуждения удар выводил противника из строя, прежде чем тот успевал воззвать к чувствам более сильного. С тех пор техника весьма усовершенствовалась. Если для того, чтобы метнуть в

человека копье, требовалось сильное возбуждение, то современный солдат совершенно хладнокровно целится в темное пятно на заснеженной местности. Слабое нажатие на спусковой крючок приводит к страшным последствиям. Миллионы людей познали это на собственном опыте. Механизм действия исконных унаследованных от предков инстинктов не поспевает за развитием военной техники. Оружие явно не учтено в нашем биологическом аппарате, наши врожденные реакции к нему не приспособлены. Мы должны восполнить этот недостаток с помощью разума. Только тогда можно будет надеяться на продолжение рода человеческого,

Галантные бакланы

Я сидел перед гнездом одной из самых редких на земле птиц, представляющей собой огромную ценность для науки. С моря доносился шум прибоя у мрачных скал Нарборо. В бухте грелись на солнце морские львы, на белой от гуано скале теснились морские игуаны. Но на сей раз мое внимание привлекали не они, а две пары странных птиц, свивших себе гнезда на голом камне. Эти невысокие, почти плоские сооружения были построены из морских водорослей, скрепленных высохшим гуано. Вокруг гнезд декоративно желтели морские звезды, тут же лежали два свежих пучка морских водорослей. В этих нехитрых гнездах сидели птенцы: в ближайшем ко мне - один, а в том, что подальше,- двое. Уродливые существа, покрытые темно-коричневым пухом, с длинными шеями, крохотными обрубками крыльев, черными как смоль утиными лапами, с такой же черной почти лысой головой и длинным изогнутым на конце клювом. Они лежали, почесываясь, в тени, которую отбрасывала на них своим телом взрослая птица. В ней было что-то от пресмыкающегося. Приземистое туловище темно-коричневой расцветки опиралось на черные утиные лапы. Хвост был короткий и растрепанный, шея змеевидная. Поражали глаза, совершенно необычные для птиц,- зелено-синие. Темный клюв, длинный и массивный, не отличался от клюва европейского баклана. Самым замечательным в баклане были, конечно, крылья. С виду обыкновенные, покрытые маховыми перьями, они были смехотворно малы по сравнению с крупным туловищем, не достигая и трети его длины. Крылья имели жалкий вид. Многих перьев недоставало, другие отрасли лишь наполовину. Словом, для полета они явно не были пригодны, но зато прекрасно выполняли роль своеобразного зонтика: тень от них закрывала птенцов от солнца.

Да, то что я увидел в тот день, сегодня мне кажется неправдоподобным, и все же это была реальность. Я сидел перед гнездами нелетающих бакланов, птиц, близких к вымиранию в наши дни. Эта птица, обитающая ныне только на Нарборо и на противоположном берегу Альбемарля, служит последним доказательством того, что пернатые, живущие на острове, где у них нет врагов, могут без ущерба для рода утратить способность к полету. Другие известные примеры - гигантские гагарки наших северных островов и дронты Маврикия. Но и первые и вторые давно вымерли, а дни нелетающих птиц Новой Зеландии уже сочтены.

Взрослые бакланы терпеливо, лишь изредка почесываясь, стояли под знойными лучами солнца. Мне тоже было невыносимо жарко. Время от времени птицы явно от скуки затевали ссору и угрожающе стучали клювами, склонив голову в сторону соседа, но расстояние между гнездами ровно в два раза превышало длину их шей, и тут уж, как ни старайся, все равно не дотянешься. Да и спор был не очень серьезный, он производил впечатление некоего установившегося ритуала, своего рода формальности, пользуясь которой каждый напоминал соседу, где проходят его границы. Сначала бакланы угрожали и мне, но вскоре успокоились. Может быть потому, что я не умел так же хорошо стучать в ответ.

Немного погодя я, видя, что бакланы продолжают стоять в прежних позах, уже собрался было уходить, как вдруг в одном гнезде птенцы зашевелились, вылезли из-под крыла своего родителя, вытянули шеи кверху и быстрыми движениями клювов забарабанили по его глотке. Птица сначала попыталась уклониться от малышей - она поднялась и отогнула голову назад, но те забарабанили еще энергичнее. В конце концов это раздражение вызвало у

баклана рвотный рефлекс. Казалось, что его тошнит. Он давился, давился, и вдруг широко раскрыл клюв и нагнулся вперед. Птенцы только того и ждали. Тот, что побойчее, буквально всунул всю голову птице в глотку. Когда через некоторое время птенец вытянул голову наружу, он делал энергичные глотательные движения и с его клюва свисало щупальце наполовину переваренной каракатицы.

По всему виду взрослого баклана было ясно, что теперь он непрочь был бы отдохнуть, но второй малютка тоже жаждал получить свою порцию. Лишь накормив птенца, птица встряхнулась и снова приняла вертикальное положение. Три четверти часа протекли без всяких происшествий, если не считать того, что я медленно, но верно поджаривался на солнце. Мне придавал силы только пример не теряющих бодрости килехвостов, здесь особенно темных. Огнедышащая жара была им, видимо, вовсе не в тягость. Я поймал нескольких ящериц и успел схватить за хвост красивую галапагосскую змею шоколадного цвета в тот самый момент, когда она у моих ног собиралась юркнуть в расселину. Я сунул ее в мешок с ящерицами. Десять минут спустя заглянул внутрь. Змея заметно потолстела, а ящериц стало меньше. Одну змея проглотила полностью, вокруг второй уже обвивалась кольцами, а голову зажала в пасти.

Прошло не меньше часа, прежде чем у бакланов возобновилось движение. Взрослая птица внезапно закинула голову назад, так что ее клюв нацелился на ребо, и низким голосом завела: "Кро-кро-кро!" Крылья она слегка расправила, хвост распустила веером и приподняла. Ей ответил с берега таким же глубоким "кро-кро-кро!" баклан, промокший до костей: он неподалеку от гнезда только что вылез из воды. Держась прямо, с гордо выгнутой шеей, он зашагал прочь от прибрежной полосы. В клюве болтался пучок водорослей. Подойдя к гнезду, он низко поклонился и с "кро-кро-кро!" передал зелень охранявшей птенцов птице, как если бы это был букет красивейших цветов. Та взяла водоросли и бережно опустила у своих ног. Тем временем пришелец, встав поодаль, широко расправил крылья, с тем чтобы просушить их на солнце. Через пять минут, однако, он снова подошел с поклонами к гнезду и церемонно вручил птице поднятую с земли веточку. Птица, сидевшая в гнезде, так же церемонно приняла ее, осторожно положила на край гнезда и только после этого покинула его. Отряхнувшись, она поспешно заковыляла к берегу и там с явным удовольствием скользнула в прохладные волны. На целый час или даже больше она была освобождена от домашних забот.

Я провел на этом месте целый день, и всякий раз не переставал дивиться поразительному приветственному церемониалу, принятому среди птиц. Самцы и самки не уступали друг другу в галантности. Каждый, приходя в свое гнездо, обязательно приносил с собой клочок водорослей, веточку или красивую морскую звезду.

По наблюдениям ученых, занимающихся сравнительным исследованием поведения животных, приветственный ритуал довольно широко распространен среди пернатых и играет важную роль в их взаимоотношениях. Дело в том, что многие птицы с трудом опознают своего партнера на расстоянии. Поэтому та, что подлетает к гнезду, должна дать знать о своем приближении и тем или иным способом выразить свои дружественные намерения. Кваква еще в полете посылает традиционное приветствие, иначе партнер не пустит ее в гнездо. Даже собственные дети не признают ее.

Приветственные жесты символизируют приближение друга. Белая цапля в радушном поклоне вытягивает шею далеко вперед, серая цапля поднимает ее свечой к небу, аист откидывает до предела назад, так что голова касается спины, и щелкает клювом. Разные как будто формы приветствия, по всем им присуще одно: шея вытянута, что говорит о мирных намерениях, тогда как при нападении она изогнута в форме буквы S. Очень агрессивная чайка обыкновенная, чья голова словно бы облачена в грозную темную маску, при встрече с партнером поворачивается к нему затылком, чтобы не смотреть на него, ибо смотреть - значит угрожать.

По сути дела, поведение птицы можно сравнить с действиями воина-массаи, втыкающего перед гостем свое копье в землю. Мы повторяем тот же жест, когда берем

ружье к плечу, то есть приводим его в положение, из которого нельзя выстрелить, или когда пожимаем друг другу руки: протягиваем раскрытую правую ладонь, показывая, что она свободна от оружия. В старину было принято в аналогичных случаях снимать шлем. Отсюда идет наш обычай приподнимать при встрече шляпу.

Чтобы выразить своему партнеру дружеские чувства, многие птицы производят действия, необходимые при попечении о птенцах. Принося материал для постройки гнезда, баклан как бы говорит: "Мы будем вместе строить гнездо".

В этой связи мне вспоминается один, казалось бы неприметный, но памятный случай, происшедший на биологической станции Вильхельминенберг около Вены. Отто Кениг, основатель и руководитель станции, привез с озера Нейзидлер-Зе серых цапель. До тех пор мы имели дело только с птенцами, взятыми прямо из гнезда, которые легко позволяли себя кормить. На этот раз цапли, уже, очевидно, взрослые, отказывались от пищи и бросались на нас, норовя клюнуть. И тут Кенига осенила мысль. Он принес камышинку и протянул цаплям. Одна кинулась было на Кенига, но вдруг, словно споткнувшись обо что-то, остановилась, бережно взяла камышовую метелку и опустила ее перед собой. С тех нор она стала ручной. Значит, птица правильно восприняла благожелательный жест, который Кениг подсмотрел у цапель на воле: ухаживая за самкой, самец обязательно приносит ей стебель камыша.

Самец крачки преподносит своей избраннице в качестве свадебного подарка рыбу, по-видимому в знак того, что будет усердно о ней заботиться. А пара шимпанзе, испытывающих нежные чувства, перекладывают изо рта в рот кусочки пищи.

Исследователи Ротман и Тойбер полагают, что в этом символическом кормлении следует искать происхождение поцелуя.

Всем без исключения животным обряд приветствования помогает избежать враждебных выпадов со стороны сородичей, в том числе хорошо знакомых и дружественных. Я лишний раз убедился в этом, наблюдая за нелетающим бакланом. Я неоднократно отбирал у него подношения, которые он нес к гнезду. Сделать это сравнительно нетрудно - галапагосские птицы не боятся людей. После короткой заминки баклан продолжал ковылять к своей цели, но сидевший в гнезде партнер встречал его ударами клюва. Отвергнутый быстро находил веточку или кусочек водорослей и только тогда получал разрешение приблизиться. Кстати сказать, и у нас приветствие имеет то же назначение. Стоит нам раз-другой не поздороваться с родными, друзьями или товарищами по работе, и мы тут же почувствуем неприкрытую, далеко не дружественную настороженность своих близких; отношения заметно ухудшатся.

Солнце медленно садилось за Нарборо. Массивный силуэт вулкана резко чернел на фоне пламенеющего предвечернего неба. Бакланы собрались около гнезда, я тоже облюбовал себе место для ночлега. На песчаной береговой полосе гостеприимно раскинулся куст криптокарпуса, под сенью которого я и расположился. Еще какое-то время при свете луны я записывал впечатления дня, а затем погрузился в глубокий сон. Разбудило меня чье-то громкое сопение. С криком ужаса я вскочил и увидел перед собой пару огромных, совершенно круглых глаз, в лунном свете сверкавших над щетинистой порослью усов. Это был не мираж - я смотрел в глаза старому морскому льву! От страха я не знал, что делать, но, к счастью, морской лев испугался не меньше меня. С хриплым ревом он бросился прочь и лишь метрах в тридцати от меня улегся на покой. Снова все стихло, но сои уже бежал от меня, и я прислушивался к шуму прибоя, пока не побледнели звезды и не занялся новый день.

Наскоро съев несколько кексов и запив их остатками остывшего чая из термоса, я пошел вдоль берега. Сейчас, пока еще стояла утренняя прохлада, ходьба доставляла большое удовольствие, хотя идти было трудно. Берег местами был сложен массами лавы, которая, застыв, первоначально образовала ровную поверхность, но под влиянием землетрясений так искорежилась, что почва кое-где напоминала поле, усеянное черепками. Острая галька в один миг не оставила живого места на моих ботинках. К тому же мне приходилось

пробираться сквозь заросли мангровых, пышно разросшихся в защищенных от ветра местах. Воздушные корни, стелющиеся по земле, порой представляли собой трудно преодолимое препятствие. На иных стволах лежали морские игуаны, заползшие туда, чтобы быть поближе к утреннему солнцу. Наконец я снова подошел к высокому лавовому барьеру, прорезанному глубокими трещинами, в которых гулко бурлила морская вода. И вот здесь-то, под тенистыми навесами лавы, не дававшими воде прогреться, я увидел галапагосских пингвинов. Прелестные маленькие птицы сидели в тени, около моря. Белоснежные грудь и живот составляли резкий контраст с черными плавниками и спиной. Глаза были окаймлены светлыми кругами наподобие очков, в точности как у Магеллановых и гумбольдтовых пингвинов, которые сродни галапагосскому пингвину. Последний очень похож на них, но несколько уступает по величине: длина его 50 сантиметров, вес 2,5 килограмма. Этот род пингвинов - к нему принадлежат также гумбольдтовы и Магеллановы пингвины - может служить наглядной иллюстрацией закона Бергмана, согласно которому близкородственные виды по мере продвижения к тропикам уменьшаются в размерах. Другой пример - императорские и королевские пингвины. Как известно, первые обитают в очень холодных областях Антарктики и их вес колеблется от 26 до 42,7 килограмма, вторые - в более умеренных поясах, где температура редко падает ниже нуля. Их вес составляет в среднем 20 килограммов. Эти изменения родственных видов вызваны приспособлением к окружающей среде. Чем крупнее животное, тем меньшей по отношению к его объему оказывается поверхность теплоотдачи. У животных, живущих в холодных областях, размер туловища больше, а конечностей и головы меньше.

При моем появлении оба пингвина поднялись, но быстро успокоились и легли рядышком на брюхо. Через несколько минут они принялись прихорашивать друг друга, хотя я стоял менее чем в трех метрах от них. Тонкими клювами они причесывали "очки", нежно касаясь каждого перышка в отдельности.

Затем пингвины снялись с места и доковыляли до края скалы. Там они постояли в нерешительности, как если бы каждый предоставлял другому первым войти в воду. Казалось даже, что купание их вовсе не прельщает. Быть может, они инстинктивно чувствовали, что вода таит в себе опасности для них? Антарктические пингвины, собираясь на берегу стаями, обычно толкают друг друга до тех пор, пока один из них не падает в воду. Если он не становится тут же жертвой морского леопарда или акулы, все остальные немедленно погружаются в море.

Наконец оба моих галапагосских знакомца прыгнули ногами вперед в воду и поплыли. Ударяя плавниками, этими видоизмененными крыльями, они чуть ли не летели над водой, держа ноги вытянутыми назад.

Я осмотрел местность вокруг в поисках гнезда и нашел его спрятанным глубоко в расселине скалы. Вряд ли бы мне удалось его обнаружить, если бы не пятна гуано, белевшие вблизи неприметного гнезда. Углубление, выложенное лишь несколькими камушками, скрывалось под самым навесом лавы толщиной два метра чуть выше верхней точки, достигаемой высоким приливом. Птицы наверняка выбрали самое прохладное место на острове. К сожалению, я перегрелся на солнце, очень устал и решил поэтому идти к лодке, но тем не менее был очень доволен, что мне все же довелось познакомиться с миниатюрными галапагосскими пингвинами.

На "Ксарифе" выбирали якорь. Мы покидали Академическую бухту острова Индефатагебль. Прощаясь с нами, немецкий поселенец Карл Ангермайер между прочим сказал, что один здешний эквадорец держит на забаву детям маленького пингвина. Мы знали, как редко встречаются эти птицы, как они страдают от неправильного обращения, и решили попытаться помочь пленнику.

Пенни - так звали пингвина - мы нашли в погребе для картофеля. Он встретил нас короткими хриплыми криками и тут же бросился навстречу через кучу картофеля, насколько позволяла веревка, которой он был привязан за ногу к столбу. Бедный малыш с первой минуты полюбился нам, и после длительных переговоров мы купили его за пять долларов.

Только выйдя на свет, мы заметили, какой у пингвина жалкий вид. Он чуть ли не умирал от голода, перья на брюхе слиплись от грязи и утратили водонепроницаемость. Отпусти мы его на волю, как предполагали вначале, он бы, скорее всего, быстро погиб. Так он попал на борт "Ксарифы", где делал все, чтобы время для нас не текло слишком медленно.

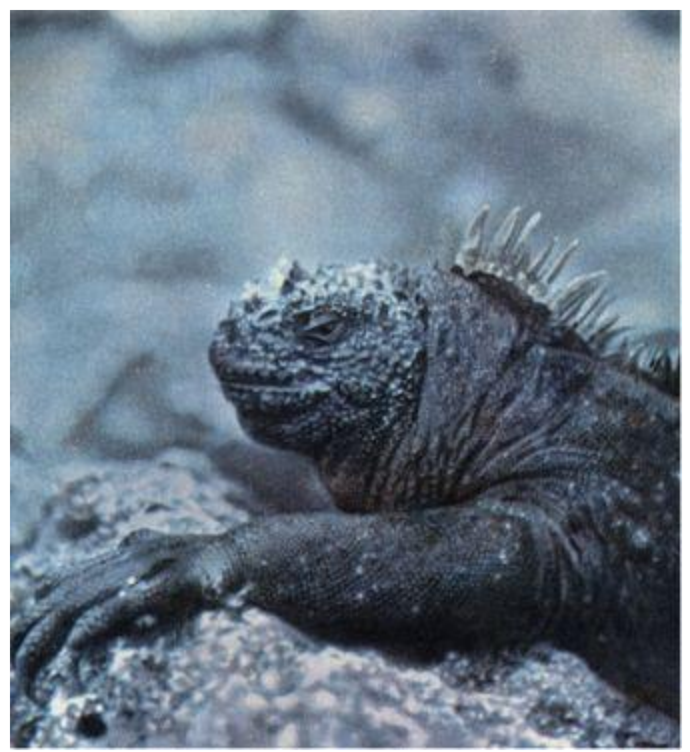
Абсолютно не тяготившийся неволей, Пенни обладал превосходным аппетитом, и, поскольку на меня возложили заботы о его питании, я с утра до вечера был занят тем, что ловил рыб. Пенни в один присест поглощал штук десять рыбок величиной в ладонь, а ел он три раза в день - утром, днем и вечером. Он бегал свободно по палубе и ко всем относился дружелюбно, его общительность порой становилась даже обременительной. Когда я сидел в лаборатории, он непременно карабкался мне на колени и кряхтя лез наверх и болтал ногами до тех пор, пока не оказывался рядом с пишущей машинкой.

Тогда он мигом успокаивался и, довольный, смотрел на меня, сонно мигая, но мир длился недолго, на столе вскоре появлялось большое белое пятно, и Пенни с позором изгонялся. На него, однако, было невозможно долго сердиться и, уж конечно, ни у кого не хватало духа запереть его. Чтобы все же как-то защититься от Пенни, хотя бы на время, мы городили вокруг наших столов непреодолимые для него баррикады. "Доктор Шеер сегодня сам по доброй воле сел в клетку и не намерен выходить из нее, пока поблизости находится Пенни",- писал я в те дни жене. Вскоре каждый из нас имел свою небольшую клетку и работал лишь в ней. Пенни оказался хозяином на борту! Нашу судовую кошку он приструнил в первый же день. Увидев ее, он вытянул шею, расправил крылышки и с громким трубным криком ринулся в атаку. Кошка моментально ретировалась и с тех пор по-настоящему боялась Пенни.

А что выделывал Пенни, когда в первый раз увидел себя в зеркале! Явно удивленный, он посмотрел на свое изображение сначала одним, потом другим глазом, подошел поближе и попытался ощупать его клювом, а когда это не удалось, выпрямился во весь рост, поднял клюв к небу, громко закричал и начал медленно и важно хлопать своими крылышками. Он, безусловно, хотел произвести хорошее впечатление на незнакомца. Но когда тот ответил тем же, наш Пенни не выдержал. Он бросился на своего двойника и, не вмешайся мы вовремя, наверняка разбил бы зеркало.

После нескольких недель, проведенных на борту, Пенни снова стал жирным, как и подобает пингвину, оперение его засияло чистотой. Он любил купаться. В бурную погоду он с удовольствием плавал в соленой воде, собиравшейся в стоках по бокам палубы. С каждым днем он проявлял все больше прыти и однажды, когда мы бросили якорь у острова Кокос, прыгнул за борт. Он долго с наслаждением плескался в воде, поворачивался то на правый, то на левый бок, тер себе крыльями брюхо. За это время мы успели спустить на воду лодку.

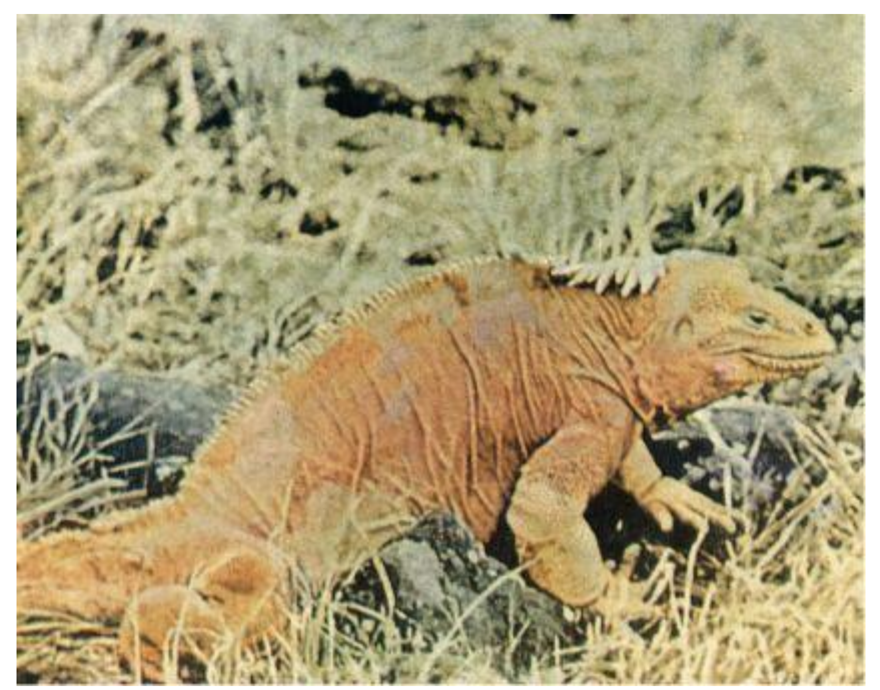
Накупавшись вдоволь, Пенни принялся ловить рыбу. Даже наевшись, он продолжал лов, но, поймав, не заглатывал добычу, а тут же отпускал ее на волю. Но стоило Пенни заметить, что мы следуем за ним, как он поплыл в другую сторону, а когда мы принялись его догонять, пустился наутек. Он, несомненно, боялся лодки. Я нырнул в воду, полагая, что он не испугается человека, из рук которого принимал пищу. Однако маленький пингвин проявлял панический страх перед плывущим за ним человеком, а так как двигался он быстро и ловко, мы скрепя сердце решили отказаться от преследования.

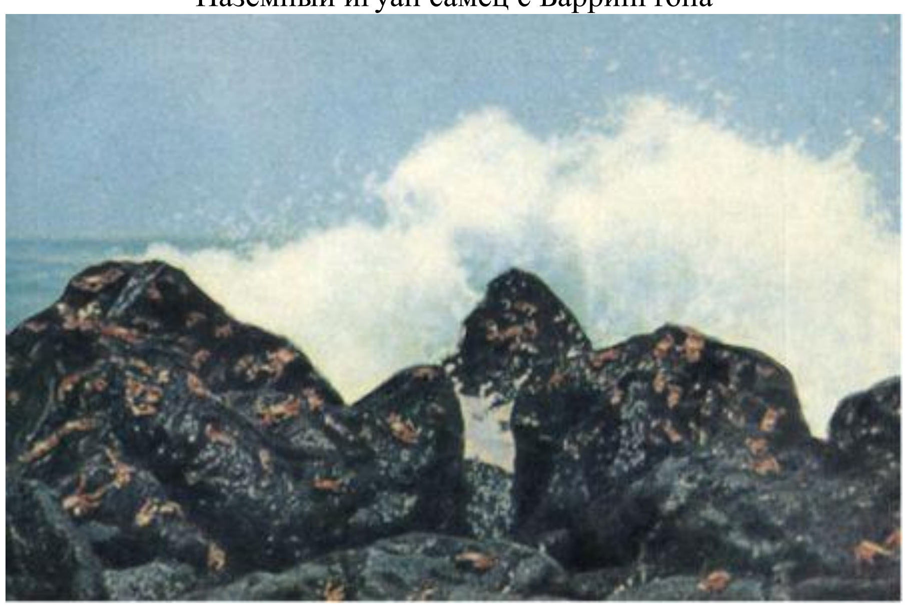
Самец морской игуаны с острова Индефатигебль. Виды, распространенные на Индефатигебле, Альбемарле и Нарборо, имеют менее яркую окраску, чем особи, обитающие на Худе

Южный остров Ла-Плаза покрыт скудной растительностью. Тем не менее здесь обитает особая раса наземных игуан

Наземный игуан самец с Баррингтона

Черные лавовые скалы побережья живописно усеяны красными крабами

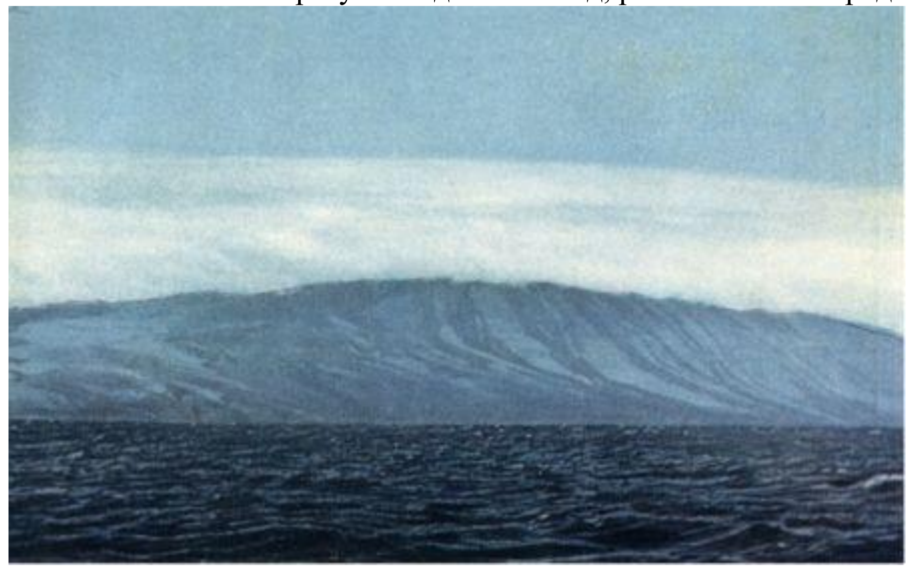
Красный краб

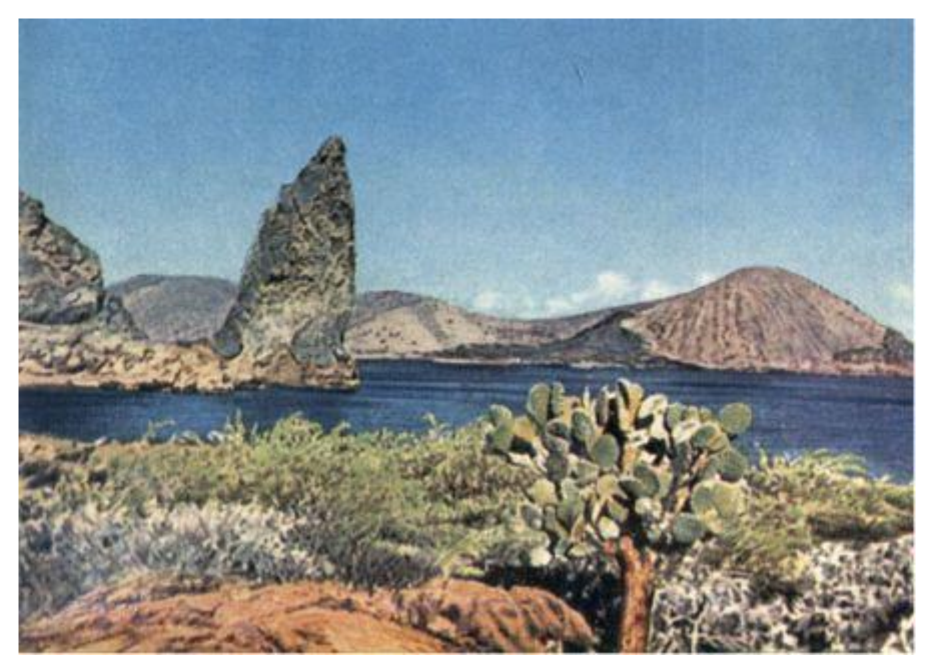
Семья нелетающих бакланов на берегу Нарборо (сентябрь 1957 года)

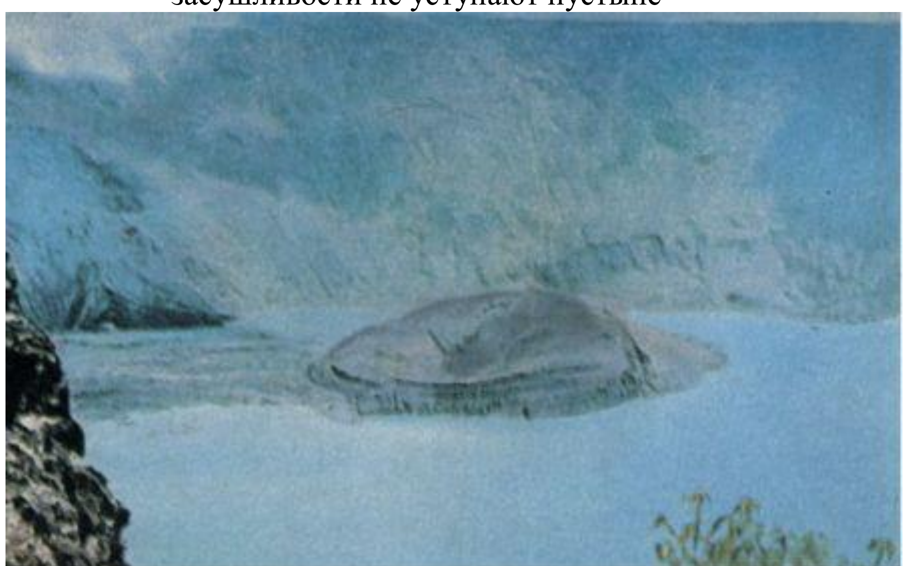
Синеногая олуша с двумя птенцами (остров в бухте Элизабет, Альбемарль, сентябрь 1957 года). Этот вид гнездится на земле и на карнизах скал, маскированная олуша кладет яйца только на землю. Я ни разу не видел их гнезд, расположенных рядом

Черные потоки лавы прочертили берега западных островов. Большую часть года возвышенные участки суши окутаны туманом. На снимке северный берег Альбемарля

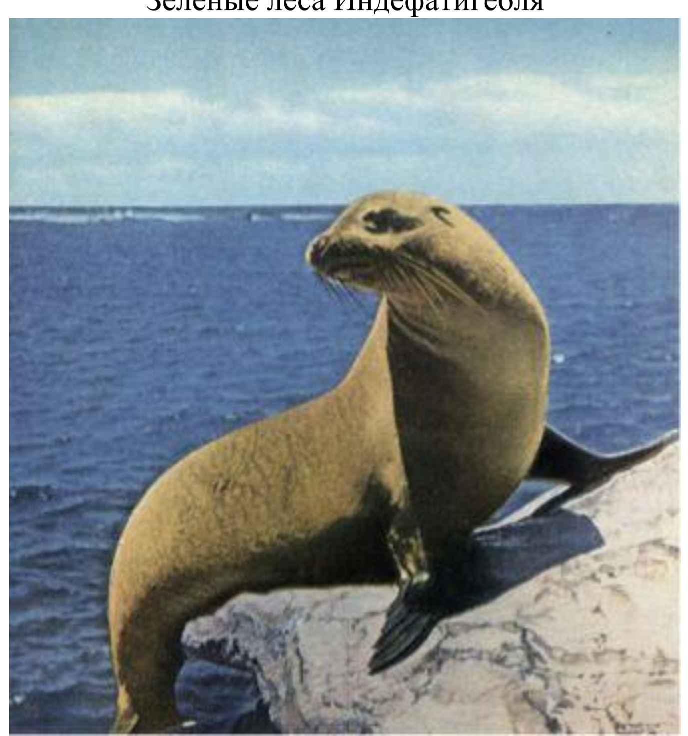
Вид острова Варфоломей на остров Джемс. Прибрежные районы Галапагосов по засушливости не уступают пустыне

Озеро в кратере вулкана Нарборо, посредине которого виден небольшой вулкан

Зеленые леса Индефатигебля

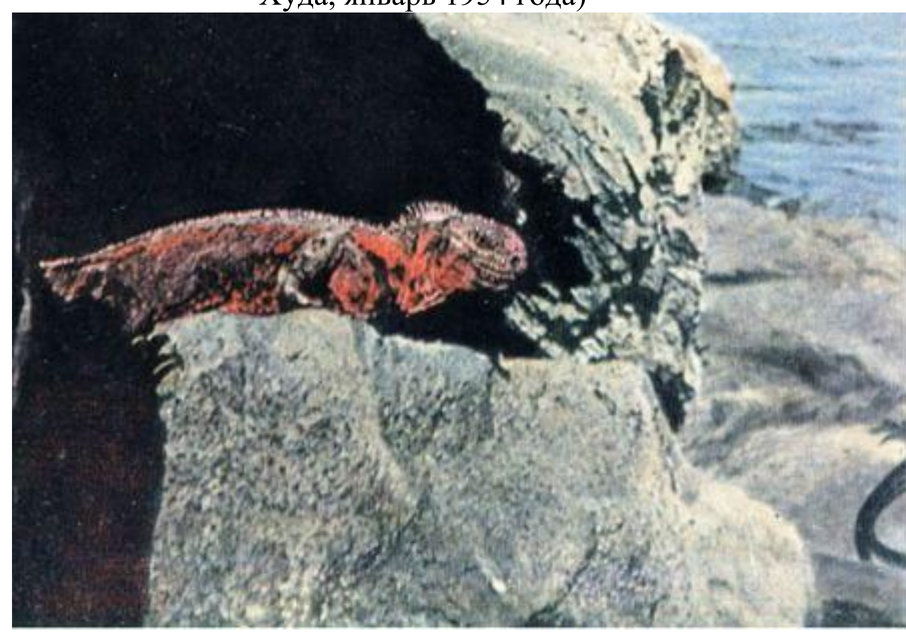
Морской лев на берегу острова Ла-Плаза

Лавовые пустыни Джемса. На переднем плане остров Варфоломей

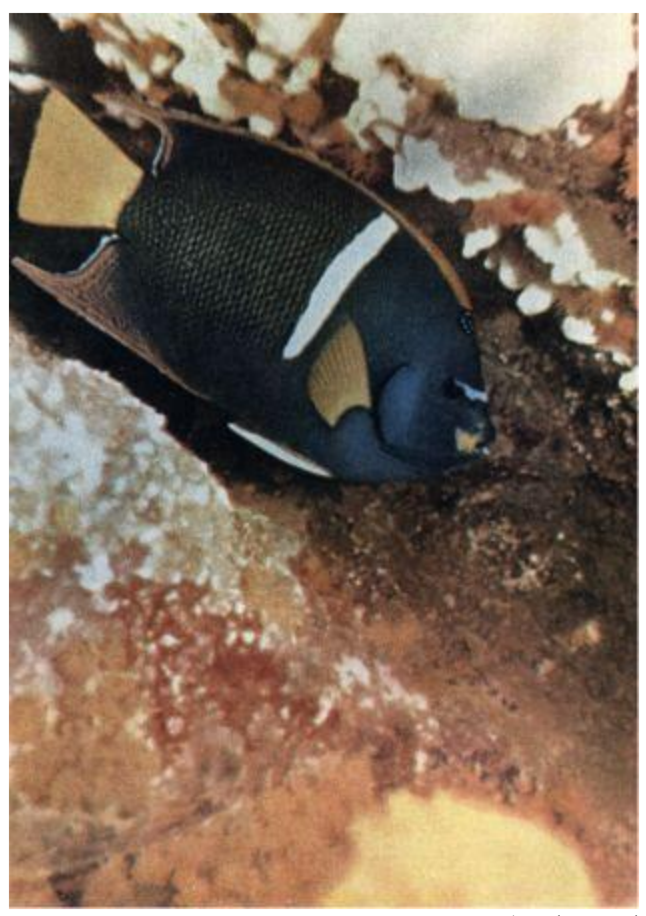

Колония морских игуан на берегу Нарборо (сентябрь 1957 года)

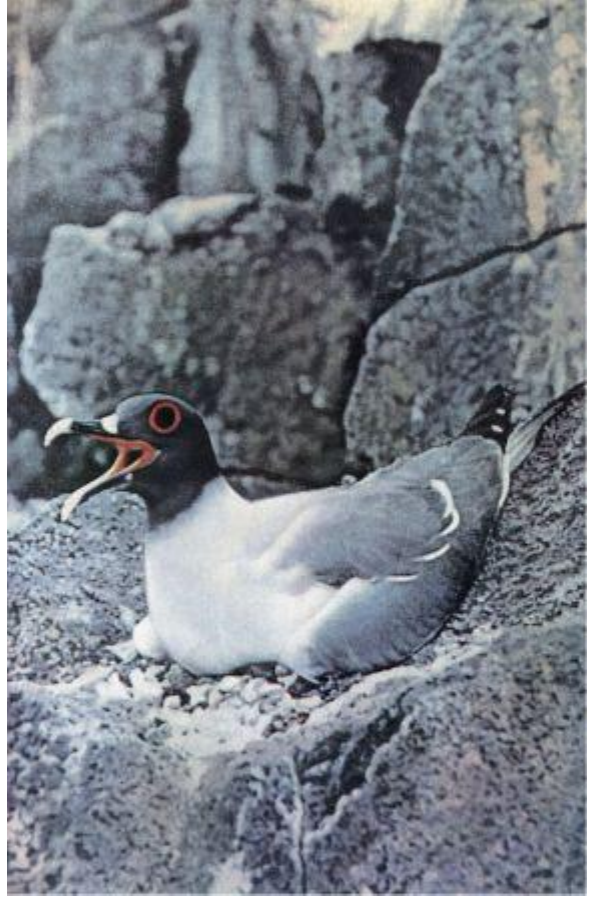
Пестрая морская игуана с острова Худ. Самец. Представители этой расы не образуют больших скоплений. Ярко окрашенные животные обычно менее общительны. (Гарднер близ Худа, январь 1954 года)

Пестрая морская игуана с острова Худ. Самка. Представители этой расы не образуют больших скоплений. Ярко окрашенные животные обычно менее общительны. (Гарднер близ Худа, январь 1954 года)

Встреча под водой с желтохвостым хирургом (Holocanthus passer)

Сидящая на яйцах ласточкохвостая чайка

Супруги-килехвосты с Индефатигебля

Словно диковенные орхидеи, сверкают в кустах красные горловые мешки самцов фрегатов (Тауэр, январь 1954 года)

Птенец фрегата в гнезде на кусте кордии (Тауэр, август 1957 года)

Красноногая олуша с птенцом (Тауэр, август 1957 года)

Спустя час после нашего возвращения один из матросов крикнул, что Пенни сидит неподалеку на утесе. Мы подплыли к скалам, соблюдая величайшие предосторожности. Я сошел на берег и стал медленно приближаться к птице, что, впрочем, оказалось совершенно излишним. Здесь, на суше, пингвин не боялся человека, он приветствовал меня, я бы сказал, дружески и безропотно разрешил поднять его и отнести на яхту. То же самое повторилось спустя некоторое время. Снова мы последовали за Пенни в воду, но он не узнавал даже меня и выказывал все признаки страха. На берегу же он моментально проникался прежним доверием к нам. Я объясняю это странное поведение тем, что пингвину только в море угрожают опасности, в частности акулы. Поэтому он инстинктивно боится всего, что движется за ним по воде, и не узнает даже человека, который его кормит. Однако на суше, где у пингвина нет врагов, он ничего не опасается.

Однажды Пенни отказался от пищи. Я предлагал ему лучших рыб - он только нехотя качал головой. Совершенно неподвижно стоял он в углу, и даже купание на сей раз не привлекло его. Напротив, он боялся воды и энергично отбрыкивался, когда мы пытались посадить его в лужу. Через два дня - Пенни по-прежнему ничего не ел - со спины и с брюха у него большими клочьями полезло короткое пушистое оперение. На месте выпавших перьев остался совсем тонкий пух. Вид у Пенни был прежалкий. На голове и шее старые перья держались дольше всего, и казалось, что на Пенни надето жабо. Так же быстро, как выпали старые перья, отросли новые. Через десять дней наш Пенни стал прежним красавцем, только немного похудевшим от длительного поста, но он поспешил прыгнуть в воду и наесться до отвала.

Внезапно наступающая быстрая линька - одно из приспособлений к условиям жизни в воде. Во время линьки оперение теряет водонепроницаемость, птица не в состоянии ловить рыбу, следовательно, этот период должен кончиться как можно скорее. В сентябре я видел в бухте Элизабет на Альбемарле линяющих пингвинов: они, явно выжидающе, стояли большими группами на берегу.

Пенни быстро оправился от линьки и стал проявлять прежнюю живость. Мы все к нему очень привязались, но он уже смотрел в сторону и еще до того, как мы собрались домой, исчез навсегда.

Восхождение на вулкан

Я полюбил Нарборо с первого взгляда. Никогда не забуду, как постепенно вырисовывался из голубоватой дымки вулкан- колосс и наконец предстал перед нами во всем своем величии. На 1600 метров возвышается он тяжелой громадой над морем, и оно, разбиваясь о его утесы, превращается в белую пену. Черные потоки лавы прочертили бока вулкана, как если бы это был перекипевший чан с варом. Узкие серо-желтые полоски

указывали места, где имелась скудная растительность. Они волновали мое воображение: какая жизнь может существовать в этой пустыне? 55 лет назад Бек нашел на склонах вулкана одну-единственную черепаху. Она представляла собой ярко выраженный особый подвид, следовательно на острове должны водиться ее сородичи. А что таится наверху, у края кратера, закутанного облаками, и в самом кратере, достигающем 7 километров в ширину? Судя по данным аэрофотосъемки, там находилось озеро, но к его берегам никто никогда не спускался. В 1954 году у нас тоже не хватило времени осмотреть остров, но, прощаясь тогда с ним, я дал себе слово возвратиться и подняться на вулкан.

И вот 5 сентября 1957 года небольшой рыболовный катер высадил нас на северном берегу острова, в 4 километрах к востоку от Кабо-Дугласа. Если верить карте, отсюда начинался кратчайший путь к кратеру. Кроме меня, на штурм вулкана пошли оба моих коллеги, доктор Боумэн и Рудольф Фройнд, и немецкий поселенец Карл Ангермайер. В качестве носильщиков нас сопровождали трое эквадорцев - Энрико Фуэтес, Джильберто Монкайо и Мигуэль Кастро.

Шкипер кивнул нам на прощание и повернул катер обратно к мысу Эспнноза - там в спокойной гавани он будет ожидать нас. Мы остались одни - все пути к отступлению были отрезаны. Взвалив на спины походное снаряжение, продукты, по два с половиной галлона воды, фотопринадлежности - каждый примерно по 25 килограммов,- мы зашагали под лучами полуденного солнца.

Первые 200 метров дались нам легко - свежие потоки лавы пощадили этот участок. Он казался островом среди безжизненной черной лавы. На скудной почве росла чахлая трава, кое- где попадались бульнезия, карликовая скалезия, кусты кротона и скутеи. Меня поразили лежавшие повсюду экскременты в форме сигары. Кто их оставил? Может быть, редко встречающаяся наземная игуана? Неужели мне суждено увидеть здесь желтокожего собрата морской игуаны? Однако пока мы не заметили ни одного живого существа. Кто бы ни оставил эти испражнения, он, очевидно, спрятался от жары. К сожалению, очень скоро зеленый островок остался позади, и нам пришлось идти по неровным острым кускам шлака. То и дело из-под наших ног скатывались вниз камни.

Миля за милей - и ни одной травинки посреди покрытого пеплом пространства. Даже неприхотливые кактусы не оживляли унылой серой поверхности. И тем удивительнее было видеть сидящих повсюду меж глыбами лавы кузнечиков. Я захотел поднять одного, и только тогда заметил, что эти совершенно живые с виду насекомые, сидевшие в такой естественной позе, на самом деле всего лишь высохшие мумии: их настиг смертоносный поток лавы.

Тысячи кузнечиков, бабочек и других насекомых попали в эту жуткую ловушку. Печальное кладбище! Только один-единственный раз мимо прошмыгнуло живое существо - маленький черный килехвост, который, очевидно, питался застывшими в лаве насекомыми. Паукам - их тонкие сети висели между обломками лавы,- без сомнения, жилось также недурно. Небольшие конусы с причудливо изрезанными краями венчавших их кратеров придавали безотрадным, покрытым пеплом склонам основного вулкана мрачную красоту. Это был дикий вулканический ландшафт, какого ранее мне никогда не доводилось видеть.

На Нарборо, Джемсе и Альбемарле вплоть до недавнего времени действовали вулканы. Это "горячие" острова архипелага. Самое сильное извержение вулкана Нарборо произошло около 130 лет назад. Капитан Бенджамин Моррел оставил яркое описание стихийного бедствия.

14 февраля 1825 года в два часа ночи капитан Моррел внезапно услышал такой грохот, как если бы десять тысяч громовых раскатов одновременно сотрясли воздух. Ослепительный свет озарил местность. "Если бы моих людей разбудил гром страшного суда, они бы и тогда не выскочили на палубу быстрее. Смертельно бледные от ужаса, лишившись дара речи, они пребывали в полном замешательстве. С неба, казалось целиком объятого пламенем, низвергались миллионы метеоритов и падающих звезд, навстречу им с вершины Нарборо устремлялись огненные языки на высоту не менее 600 метров. В половине пятого содержимое мощного котла достигло его краев и потоком жидкого пламени выплеснулось

наружу. Нам хорошо было видно, как река расплавленной лавы, описывая зигзаги вокруг препятствий, катила свои страшные воды по направлению к морю, отстоявшему от раскаленного жерла вулкана на расстоянии 5 километров. Ослепительный поток бежал по впадине шириной 100 метров, словно могучая река расплавленного металла, только что выпущенного из печи. Хотя гора была крутой, а впадина широкой, огненная река текла недостаточно быстро. В нескольких местах она вышла из берегов и образовала ручьи, многократно ветвившиеся во всех направлениях. И каждый ручей ринулся к морю, как будто желал охладить свой жар в его пучине. Казалось, демон огня спешит в объятия Нептуна. И в самом деле, поднялось страшное волнение, когда они, наконец, встретились. Океан неистовствовал, ревел и выл, как если бы в бездне преисподней разыгрались силы ада".

В 3 часа утра Моррел, судно которого стояло в 16 километрах к северу от Нарборо, измерил температуру воздуха. Она оказалась равной 22°, воды - 16°. В 11 часов утра температура воздуха поднялась до 45°, а воды - до 38°. С такелажа судна капал деготь, из пазов текла расплавившаяся смола. Воздух был совершенно неподвижным, и положение становилось все более угрожающим. Весь день вулкан бушевал с неослабевающей силой. В четыре часа пополудни температура воздуха достигла 51°, а воды - 40°. Наконец, в 8 часов вечера подул легкий бриз. Судно пошло на юг через пролив, отделяющий Нарборо от Альбемарля. Моррел хотел как можно скорее поставить корабль с наветренной стороны от Нарборо, но для этого ему требовалось пройти всего лишь в 6,5 километрах от пылающих ручьев лавы. Когда корабль скользил по кипящему морю, Моррел серьезно опасался потерять часть своих людей. Температура воздуха составляла 64°, температура воды - 66°! На другой день, отойдя на 80 километров, он все еще видел, как поднималось во мраке ночи пламя с Нарборо. Семь месяцев спустя Моррел вернулся - вулкан еще пламенел, правда слабо.

Уильям Биб описывает извержение вулкана на Альбемарле, которое он наблюдал с борта экспедиционного судна "Арктурус". Рассказ путешественника изобилует интересными подробностями, поэтому мы решили воспроизвести его полностью. Он присутствовал при самом начале извержения и видел, как лава вырвалась из многочисленных отверстий и по проложенным ею канавкам устремилась к морю. Поток остывал настолько быстро, что уже в 6 метрах от жерла вулкана на поверхности жидкой лавы плавали куски черного шлака.

"Я увидел,- пишет Биб,- как широкий поток лавы разделился на пять рукавов, сползавших с тридцатнметровой скалы, словно щупальца гигантского ярко-красного спрута. Медленно стекли они в кипящую зеленую воду, и оттуда поднялась шипучая желтая пена сернистых испарений.

Казалось, что чей-то волшебный жезл время от времени приводит одну за другой силы природы в действие. Сначала вулкан с огромной скоростью и силой изверг из себя поток лавы. Море отреагировало немедленно. В страшном волнении оно поглотило гигантские количества красной жидкости и моментально превратило ее в колоссальные черные бомбы. Все бомбы взорвались одновременно и дождем изрыгнули вдаль иену прибоя, состоявшую наполовину из жидкости, наполовину из камней, а зазубренные осколки пронеслись подобно кометам, оставляя за собой хвост огня, газа и воды. Дым от взрыва заволок все вокруг, пока не настала очередь протекавшей рядом реки выйти из берегов.

Мы стояли достаточно близко, чтобы уловить все подробности, но ничего не могли слышать: ураганный ветер с моря заглушал шипение и грохот, клокотание и треск.

Время от времени огромный кусок скалы приподнимался, вздрагивал и медленно обрушивался в море; он вздымал горы пены, которые, подобно волнам прибоя, накатывались на расплавленную или уже остывшую лаву, и вода кипела и клокотала, словно в огромном котле. Пораженные, мы наблюдали, как желто-зеленый вал стремительно мчался вперед, чтобы уже в следующий миг, соприкоснувшись с багряной лавой, облачком вознестись вверх, к далекой горной вершине. Это была вселенская битва огня, воды, тверди и воздуха. Вообразить себе такое могут только астрономы, а совершить дано лишь создателю миров...

Я попытался определить скорость движения лавы и выбрал для этой цели поток

шириной примерно шесть метров. Насколько я мог судить с расстояния порядка сотен метров, он стекал со скалы, достигавшей здесь высоты 30 метров. Я установил, что твердым черным глыбам, плававшим на поверхности, потребовалось две секунды, чтобы преодолеть этот путь. Следовательно, за час лава проходила 54 километра. Несмотря на сильный холодный ветер, жидкая лава долго сохраняла свою температуру- 1300-1650°, нигде не превращаясь в шлак, пока не соединялась с массой пара и воды. Невозможно даже представить себе, какая температура под землей могла заставить вскипеть этот колдовской котел.

Желтая пена поблизости от берега свидетельствовала о значительном содержании серы в воде, и я знал по опыту, что серые газы, чередовавшиеся с дымом, по крайней мере частично состояли из сероводорода и окиси углерода. Мысль, что лава обогащает наш мир, казалась реальностью. Новые массы водорода и двуокиси углерода, впервые распространившиеся в атмосфере, на наших глазах окрасили белый каменный массив в ярко-красный, розовый и черный цвета, с момента возникновения хранимые землей глубоко в ее недрах.

До сих пор мой взор занимал лишь неорганический мир, хотя с первой же секунды извержения все живое также пришло в движение. В течение двух часов после пробуждения вулкана его действие или вызванное им противодействие прямым или косвенным образом отразились на поведении многих животных. Не успели мы войти в зеленую воду, как мимо нас пронесся черный вал рыбы; это был косяк, вернее беспорядочное скопление, крупных тунцов, которые, сбившись в кучу, с силой устремились к синей воде, каждым своим движением выражая беспредельный страх. Недалеко от забортного трапа проплыл большой спрут, длиной не менее 90 сантиметров; он был полумертв, его щупальца едва шевелились; озорные волны, переливавшиеся разными цветами, плескались вокруг обмякшего тела. Затем волна пронесла морских червей и стаю рыбок, перевернувшихся на спину. Мой рассказ был бы богаче подробностями, если бы я вел наблюдения из маленькой лодки.

К моему удивлению, птицы чувствовали себя как ни в чем не бывало. Еще издали я заметил в бинокль, как нечто, что я принял вначале за шрапнель, вдруг с силой вырывается из скопления пара над лавой, но тотчас же падает обратно. Приблизившись, я, однако, увидел, что это были фрегаты и большие буревестники. Они, конечно, не ныряли в кипящую воду, но почти касались ее крыльями. Грохот и шипение необычных облаков из пара и дыма не пугали морских птиц, целыми стаями слетевшихся за легкой добычей, которая, словно манна небесная, внезапно появилась на поверхности моря.

Я попытался определить, сколько птиц находилось в районе извержения вулкана, и насчитал больше 250 вилохвостых качурок, 78 буревестников, представленных по крайней мере двумя видами, 36 фрегатов, 20 бурых олушей и 3 пеликанов. Они хозяйничали не только в зоне зеленой воды, но плотной стаей носились близ самого берега, где изливалась раскаленная лава. Их притягивали выбрасываемые на поверхность воды рыбы и другие живые существа, и я не раз наблюдал, как пар и газы буквально обволакивали птиц. Позднее я заметил в волнах трупы двух вилохвостых качурок и одного буревестника. Пернатые все же поплатились жизнью за свою безудержную жадность. Но всего печальнее была судьба взрослого морского льва, внезапно всплывшего близ самого берега моря. Пять раз его тело темной дугой мелькало над кипевшей водой, его прыжки достигали 2,5-3 метров в длину, но дикая боль слепила льва, и в конце концов он ринулся прямо в устье красного потока лавы. Исхода борьбы мы не видели - последним прыжком животное угодило смерти прямо в пасть".

Трудно даже себе представить, какое воздействие оказывает подобное стихийное бедствие на животный мир. Поэтому, глядя сейчас на крохотные островки растительности, теснимые со всех сторон нагромождениями лавы, я недоумевал и дивился, каким образом после такой катастрофы здесь могло остаться хоть что-либо живое. И тем не менее ящерицы, игуаны и растения, очевидно, оказались в силах пережить случившееся.

Под вечер мы достигли еще одного зеленого островка - он находился на высоте 200

метров над уровнем моря. До захода солнца оставалось не меньше часа, но, решив, что лучшего места для ночлега нам не найти, мы разбили здесь лагерь. Уподобясь белкам, мы собрали травы, и каждый построил себе что-то вроде удобного гнезда. Справа и слева от лагеря в долину тянулись мрачные полосы лавы, и на их фоне наш островок выглядел уютным пристанищем. Отсюда я мог видеть весь склон вулкана и берег: на черной лаве желтели редкие пятна растительности, море у берега лежало расплавленным свинцом, а на заднем плане высились едва проступавшие сквозь дымку тумана конусы вулканов Альбемарля с венцом туч вокруг каждого кратера. Казалось, вулканы парят над водой.

Маленький костер уютно потрескивал, запах свежего кофе вызывал аппетит. Мы поужинали мясными консервами, закусили печеньем и улеглись на покой. Заходящее солнце освещало зубчатые вершины трех соседних вулканов справа от нашего лагеря. Они напоминали старые замки с башенками по стенам, и чудилось, что уже в следующее мгновение они вдруг сбросят с себя оцепенение долгих веков. Обнаженные ветки бульнезии, под которой я лежал, тянули к небу свои жадные пальцы, словно старались схватить завесу тумана, медленно обволакивавшую нашу гору. Температура воздуха 25° ощущалась нами как приятная прохлада.

Утром все вокруг покрылось влагой, и мы без особого сожаления расстались с отсыревшим лагерем. Я, стуча зубами от холода, с 4 часов утра ожидал окончания ночи. В четверть седьмого рассвело настолько, что мы смогли двинуться вперед, но только около 8 часов утра вновь стало жарко. На высоте 600 метров на обычно пустынных лавовых склонах появились корковые лишайники, растительность "островов" стала немного богаче, однако ее по-прежнему образовывали те же виды, что и в засушливой прибрежной зоне. Преобладали низкие кусты кротона и бульнезии, трава была выжжена солнцем. В широком потоке лавы затерялся один-единственный цереус, но мы не пощадили его и лишили всех плодов. Кислые на вкус, они хорошо освежали. После полудня, достигнув высоты 750 метров, мы остановились на отдых. Выпили намного воды и растянулись в редкой тени куста. Только несколько тропидурусов нарушали здесь наше одиночество, да позднее появился весьма дерзкий пересмешник. Он перетрогал клювом все наши вещи, а затем принялся за мои ботинки, с безграничным терпением стараясь выдернуть из них шнурки. Однако старания его были безрезультатны. И тут вдруг я увидел поблизости существо, которое заставило меня одним прыжком вскочить на ноги. Маленький пересмешник взглянул на меня с грустным укором - я помешал ему. В десяти метрах от нашей стоянки крупная желтая игуана объедала скудные листья с куста кротона. На- конец-то я увидел этого редкостного обитателя Галапагосских островов! Усталость с меня как рукой сняло, я осторожно приблизился к игуане, достигавшей в длину не меньше полутора метров. Научное наименование пресмыкающегося - Conolo- phus - следует переводить как "друзоголов". И в самом деле, его черепная коробка, защищенная многочисленными в форме язычков щитками, напоминает кристаллическую друзу. В этом, как и во многих других особенностях строения этого животного, сказывается его родство с морской игуаной. Очевидно, оба вида происходят от общего предка, но один живет как амфибия в приморской полосе, другой - на суше. При всем их сходстве различие образа жизни все же проявилось в строении тела. У морской игуаны хвост длинный и плоский, у наземной игуаны - короткий и круглый, благодаря чему животное кажется более подобранным.

Передо мной стоял великолепный экземпляр. Затылок игуаны венчал гребень, состоявший из толстых роговых шишек и уменьшавшийся на спине. На бледно-желтом туловище, на боку и ногах выделялись большие красно-коричневые пятна. Складчатый затылок и отвисшая глотка были серо-белого цвета. Но больше всего обращали на себя внимание лучистые оранжево-красные глаза, пристально смотревшие сейчас на меня. У ног большой игуаны сидела под кустом еще одна очень толстая игуана, чуть поменьше размером, с менее развитым затылочным гребнем, по-видимому самка.

Когда меня отделяло от животных не больше четырех метров, самец одним рывком выпрямил все четыре ноги, вздыбил затылочный и спинной гребень и медленно поднял

голову, так что кончик его морды уставился прямо в небо. Несколько секунд он оставался в этом положении, затем опустил голову, широко раскрыл пасть и кивнул, отчего его отвисший горловой мешок закачался из стороны в сторону. Я сделал шаг вперед, но тут игуана злобно зашипела и ударила хвостом, явно целясь в меня. Затем она убежала и спряталась в земляной норе. Вся нижняя часть туловища высовывалась, однако, наружу. Настоящая страусовая политика! Хвост соблазнительно торчал из дыры, приглашая ухватиться за него. Так вели себя на Галапагосах многие животные. Я уже привык к этому, но всякий раз не мог не удивиться заново. Я вытащил своего нового приятеля за хвост, но хотя соблюдал величайшую осторожность, игуана, в диком гневе хватавшая зубами все, что попадалось ей на глаза, достала ремни моего киноаппарата и прокусила их насквозь. Недаром ее могучие челюсти были вооружены двумя рядами острых зубов с тремя остриями! Как только я отпустил животное, оно снова исчезло в своей норе.

Все, кто знаком с повадками пресмыкающихся, удивятся, когда прочтут, что я поднял игуану за хвост. Дело в том, что игуаны Южной Америки да и наши маленькие ящерицы, почувствовав, что враг завладел их хвостом, немедленно от него освобождаются. Хвостовые позвонки у ящериц подразделены тонкой прослойкой на два отдела - передний и задний; особое устройство мышц хвоста способствует перелому позвонка в области прослойки. Ящерица убегая, оставляет врагу свой хвост, который продолжает извиваться и тем отвлекает внимание хищника от ускользнувшей жертвы. Впоследствии у нее вырастает новый хвост. Способность к "самооперированию" выработалась у большинства ящериц. Ее лишены только те виды, у которых хвост выполняет хватательные или плавательные функции, столь важные в их жизни, что они даже на время не в состоянии обойтись без него. Кроме того, как убедительно свидетельствует пример галапагосской игуаны, этой способности нет у животных, которые обитают в среде, где отсутствуют или почти отсутствуют их естественные враги. Наземной игуане на Галапагосах вначале угрожал только канюк.

Каждое изменение возникает в результате естественного отбора, происходящего под влиянием среды, и когда это влияние прекращается, возникшие изменения исчезают. В этом мы убедились на примере нелетающего баклана.

Я прошел метров сто и увидел еще две нары игуан. Каждый самец сидел на большом валуне, а у его ног примостилась самка. Самцов разделяло метров тридцать. По-видимому, они занимали столь заметные позиции, чтобы таким образом утвердить свою территорию. Это доказали и дальнейшие наблюдения. Кроме того, я установил, что самец и самка живут в тесном содружестве, хотя большей частью занимают отдельные, но находящиеся по соседству норы. Впрочем, иногда они живут вместе.

Я сел неподалеку на камень, и супружеская чета вскоре привыкла к моему присутствию. Самец прекратил свои угрозы, снова улегся на брюхо, положив когтистые лапы перед мордой, а самка мирно заснула в своей норе. Время шло, игуаны не двигались. Только самец иногда бросал на меня сонный взгляд и вновь замирал в позе отдыхающего сфинкса.

Я между тем перевернул все камни поблизости и собрал жуков, пауков и улиток, которых мне удалось обнаружить. Вскоре все камни были осмотрены, и я уже собрался было идти дальше, как вдруг самка игуаны проявила признаки жизни. Она не спеша залезла под один из редких здесь кактусов и отыскала упавший с него круглый лист. С видом гурмана она обнюхала сочную зеленую тарелку, затем с остервенением впилась зубами в колючее лакомство и с явным удовольствием съела не меньше половины. Десертом ей послужил валявшийся на земле плод опунции. Она схватила его зубами и проглотила, не разжевывая. При этом большой плод немного смялся, и из него выпало несколько спелых семян. Сразу же подскочили два вездесущих пересмешника и подобрали их. Самка поискала еще плодов, но, как ни шарила по земле жадными глазами, ничего не нашла. Мне вдруг пришла в голову мысль, что неплохо бы ее покормить. Я сорвал плод и бросил самке. И тут случилось то, на что я даже не смел надеяться: самка, не испугавшись моего движения, кинулась к

продолжавшему катиться по земле плоду, тщательно ощупала его мясистым языком, повернула лапой, чтобы удобнее было ухватиться за него зубами, и наконец проглотила. Оба пересмешника были тут как тут. Я сорвал еще один плод и снова бросил самке. На сей раз самец также увидел плод и спустился со своего наблюдательного поста. Я продолжал кормить игуан, и очень скоро они прониклись ко мне полным доверием. Под конец они уже смотрели на меня выжидающе, даже просительно, и я не мог отказать им, хотя пальцы мои были совершенно исколоты. Игуаны наперегонки кидались за подачкой, но не ссорились и не пытались вырвать кусок друг у друга.

Возня привлекла внимание соседа, и он захотел принять в ней участие, но хозяин территории не пожелал видеть его у себя. Он раскрыл пасть, качнул головой и угрожающе, медленными шагами, двинулся на непрошеного гостя. Выставляя переднюю лапу, он одновременно резко вскидывал морду к небу. Затем он несколько раз кивнул головой, пружиня на слегка согнутых ногах. Пришелец, однако, не испугался, а ответил тем же. Его жест разозлил хозяина территории, и тот бросился на дерзкого соседа. Борясь, друзоголовы, в отличие от морских игуан, пускали в ход зубы, хотя и у них, по-видимому, действовали определенные ограничительные инстинкты: голову они щадили и старались ухватить зубами складку кожи на боку. При этом дерущиеся топтались вокруг друг друга, и каждый стремился раздуться как можно больше, чтобы натянулась кожа на боках п противнику было труднее вонзить в нее зубы. Но в конце концов владельцу территории все же удалось схватить нарушителя границ. Он сильно потряс его, и тот, вырвавшись, поспешно покинул поле боя.

Отвлеченный от еды, самец решил поухаживать за своей подругой. Вежливо кивая головой, он несколько раз прошелся около нее на выпрямленных ногах. Но самка явно не была настроена на лирический лад. Она подняла морду вверх, широко раскрыла пасть и застыла в этом положении, всем своим видом выражая нежелание перейти к более близкому общению. Чтобы утешить самца, я бросил ему особенно красивый желтый плод опунции, и так мы развлекались еще некоторое время. Игуаны вели себя в точности как животные в зоопарке, разве что не выпрашивали корм.

В 1960 году я с моим другом Хайнцем Сильманом нанес повторный визит наземным игуанам Нарборо. Одного самца, показавшегося нам совсем ручным, я даже кормил из рук кусками кактуса. Сильман заснял эту картину.

Я рискнул сам попробовать плоды кактуса. Сочные, с освежающей кислинкой, они были усеяны маленькими шипами, до ставлявшими весьма неприятные ощущения. Но игуан они, по- видимому, ничуть не беспокоили. Плоды с длиннющими колючками они поглощали с явным удовольствием. Правда, прежде чем положить в пасть, они катали их передними лапами по земле, но колючек от этого не становилось меньше. Меня заинтересовало, не защищены ли животные каким-либо образом от колючек, и я па прощание поднял самку и заглянул ей в рот. В нёбе торчали два огромных шипа кактуса, а язык был усажен маленькими колючками от плода, по игуане это, очевидно, ничуть не мешало.

Как правило, друзоголовы употребляют растительную пищу, хотя на островах Ла-Плаза я имел случай убедиться в том, что и мясные блюда им тоже по вкусу: па моих глазах они уничтожили остатки вареных крабов. В неволе они охотно едят мучных червей.

К сожалению, мне вскоре пришлось прервать наблюдения. Меня утешала только мысль, что я смогу их продолжить на Ла-Плазе и Баррингтоне. На Баррингтоне обитает особый вид наземной игуаны Conolophus pallidus, лишенный красно-коричневых пятен на боках. Животные эти светлее, в их окраске больше желтизны. Прочие игуаны принадлежат к виду Conolophus subcristatus, хотя у меня создалось впечатление, что и среди них есть подвидовые различия. Так, игуаны Нарборо явно отличаются от своих сородичей с Индефатигебля.

Наземные игуаны встречаются теперь редко. На Джемсе, где, по словам Дарвина, обитало такое множество игуан, что на взрытой ими земле трудно было найти место для палатки, сейчас их нет совсем. В 1903 году экспедиция Калифорнийской Академии наук

обнаружила лишь несколько скелетов игуан. Животных уничтожили одичавшие свиньи. А на острове Сэймуре, который Уильям Биб назвал раем для игуан, ибо находил их под каждым кактусом, мне удалось в 1954 году отыскать только окостеневший труп животного, погибшего от пули: во время войны Сэймур был превращен в военную базу. На Индефатигебле наземная игуана - крупное пресмыкающееся с желтой шкурой, испещренной красно-коричневыми пятнами,- сохранилась в северных районах. Небольшая популяция есть в Академической бухте, но здесь животные имеют значительно меньшие размеры, оливково-коричневую окраску и очень походят на игуан с южного острова Ла-Плаза. Есть основания предполагать, что они отсюда были завезены на Индефатигебль. Кроме того, процветающие популяции игуан населяют Нарборо и Альбемарль. На Баррингтоне много взрослых животных, но совсем нет детенышей. Козы начисто свели здесь траву, лишив таким образом потомство наземных игуан корма и прикрытия от канюка. И наконец, известное количество игуан водится на южном острове Ла-Плаза.

Эта популяция особенно примечательна. Крошечный островок - 1000 метров в длину и 200 в самом широком месте, - очевидно, обособился от Индефатигебля недавно. Их разделяет только канал шириной 400 метров, но живущие на нем игуаны резко отличаются от обитателей Индефатигебля: они гораздо меньше и темнее. На Ла-Плазе игуан немного. Остров пустынен, лишь на одной трети его территории растут кактусы. Здесь и обитают игуаны в количестве нескольких сот экземпляров, не больше. Может быть, именно потому они столь сильно отличаются от своих крупных красивого желтого цвета сородичей с Индефатигебля, что в маленькой популяции наследственные изменения укореняются быстрее. Так, на крохотной прибрежной скале Фаральони водятся руинные ящерицы с черно-голубой спинкой и голубым брюшком, а в 200 метрах от нее, на Капри, живут стенные ящерицы с зелено-коричневой спинкой и белый брюшком.

К вечеру мы поднялись уже выше 1000 метров над уровнем моря. Клочья тумана призрачных очертаний суетливо толклись вокруг нас, и воздух (19,5°) казался нам чуть ли не холодным. Дальше склон поднимался под углом 45°. На голой неприветливой лаве бедно зеленели редкие островки растительности. В одном из таких оазисов мы наконец остановились.

Ночью температура упала до 17° и снова распространилась неприятная сырость. В три часа утра я проснулся от холода и увидел, как из норы под камнем вылезли две толстые крысы. Серо-коричневые, с большими мясистыми ушами, они были чуть меньше нашего пасюка. Перед норой обе по очереди сели на задние лапки, затем обнюхали воздух и огляделись вокруг круглыми темными глазками. С любопытством посматривая на меня, они бегали вокруг, время от времени срывая по стебельку, и, грациозно опускаясь на задние лапки, в обе передние брали стебелек и грызли колос. В тишине я ясно различал шорох - он напоминал звук, производимый рашпилем. Стоило мне шевельнуться, как крысы моментально исчезали, но вскоре появлялись снова. В наше время галапагосская крыса тоже стала редким животным. Отдельные подвиды ее известны на Индефатигебле, Баррингтоне, Чатаме, Джемсе и Нарборо, но их практически вытеснили завезенные из-за океана домашние мыши и крысы. Мы встречали галапагосскую крысу только на Нарборо и Баррингтоне. Ее истребление по многим причинам заслуживает сожаления и прежде всего потому, что она принадлежит к числу немногих аборигенов Галапагосов среди наземных млекопитающих. Кроме этого вида крыс (Oryzomys), здесь встречается один вид летучей мыши (Lasiurus) и один вид грызуна типа хомяка. Последнего обнаружил на Индефатигебле в совиных дуплах Курио, а описал только в 1965 году под названием Megalomys curioi Нитхаммер. Разновидности этого грызуна были распространены на Малых Антильских островах, но к 1850 году их истребили. Галапагосская крыса великолепно укладывается в биологическую структуру островов: она не представляет собой угрозы для существования других видов животных и растительности. Напротив, завезенные крысы серьезно нарушают сложившееся биологическое равновесие. Они пожирают яйца ящериц и, кроме того, быстро размножаясь, во многих районах угрожают первоначальной флоре. На маленьком необитаемом островке

Дункан живет сейчас так много домашних крыс, что вряд ли найдется хоть один куст акации, с которого они не ободрали бы чуть ли не всю кору.

В бедности острова килехвостами, а это сразу бросается в глаза, повинны крысы. Крысы также бич Индефатигебля. Зато на Сэймуре кишмя кишат мыши, завезенные сюда во время войны. В 1954 году, будучи на этом острове, я заметил, что на некоторых участках земля вся усеяна норами. Голодные зверюшки бесстрашно бегали средь бела дня и не щадили ни одной травинки. Галапагосская крыса не смогла выдержать конкуренции домашних крыс и мышей. На тех островах, куда завозили нашу крысу, их коренная обитательница, куда более безвредная для людей и животных, рано или поздно отступала. Будем надеяться, что Нарборо избегнет этих неизменных спутников человека!

В компании забавных галапагосских крыс последние часы ночи пролетели очень быстро. Когда рассвело, я к удивлению своему увидел, что мой полиэтиленовый плащ стал подобен ситу. Меня утешила только мысль, что и крысам не поздоровилось - они наверняка получили расстройство желудка. Встав, мы первым делом принялись искать на себе клещей. Назойливые существа атаковали нас ночью и десятками впились в кожу. Обычно они паразитируют на игуанах, но и мы, видимо, пришлись им по вкусу: отныне эти мучители не переставали нам докучать.

Мы вновь начали карабкаться по крутому склону, не имевшему, казалось, конца. Багаж наш заметно убыл - припасы успели поиссякнуть, на исходе была п вода. Несмотря на тщательную экономию, ее оставалось не более четырех литров, и это немного беспокоило нас. Хватит ли воды? Мы еще не достигли даже кратера вулкана, а следовало подумать и о долгом обратном пути до мыса Эспиноза, места стоянки нашего катера. Что, если озеро в кратере вулкана содержит воду, непригодную для питья? Но в таких случаях лучше всего отогнать неприятные мысли. Все будет в порядке, сказали мы себе, воду найдем непременно, а на худой конец есть еще кактусы.

На лавовом склоне, на высоте 1250 метров, я поймал несколько ящериц тропидурус, которые грелись на теплых от солнца камнях. Нигде прежде на островах я не встречал так высоко ящериц этого вида. Под нами, метров на двести ниже, формировались облака, и постепенно белая пелена заслонила от нас море. Мы, однако, продолжали взбираться вверх под палящими лучами солнца. Подъем стал менее крутым, по наше продвижение сильно затрудняли густые кусты карликовой скалезии. Мы прорубали себе путь при помощи мачете и каждым ударом выбивали из лишайников и коры тучи пыли. Оттого что воздух застаивался в кустах высотой в человеческий рост, было невыносимо душно, и в довершение всех бед мы не видели, куда идем. К обеду у всех появилась уверенность, что мы заблудились. В изнеможении наши люди остановились на отдых, а Карл Ангермайер и я продолжали поиски кратера. Удача сопутствовала нам: уже через десять минут мы вышли из кустов и вступили на ровную, поросшую низкой травой площадку. До кратера оставалось меньше 100 метров. Почва состояла из тонкого пепла, и глубокие трещины предостерегающе тянулись к краю кратера. Осторожно приблизившись, мы заглянули внутрь. Перед нами открылось чарующее зрелище. Стена пепла почти вертикально опускалась под нашими ногами вниз. Мы стояли на высоте 1500 метров, а на 700 метров ниже, посреди кратера, сверкало сине-зеленое, как отшлифованный изумруд, большое озеро. Облака отбрасывали на его поверхность редкие рваные тени. Из озера выступал невысокий вулкан, и в его кратере приютилось маленькое озерцо. Крутые щебенчатые склоны вулкана покрывала скудная растительность. На севере и западе они смыкались с отвесными стенками исполинского кратера, а на юге и на востоке спускались к очень приметной террасе, лежащей на высоте 400 метров над уровнем моря. Она, очевидно, возникла в результате обвала стенки кратера. Внутренние склоны кратера были живописно усеяны многочисленными вулканами, из которых к озеру скатывались красные и черные потоки лавы. Они покрывали свыше четверти поверхности озера - всю его южную часть. С того места, где я стоял, и до противоположной стенки кратера было не менее семи километров, диаметр озера составлял около трех километров. В колоссальной воронке вулкана без труда уместился бы большой

город. Мы долго молча стояли пред этим свидетельством могущества подземных сил, пока на нас не сошло отрезвление: воды оставалось несколько литров, вся надежда была на озеро, но сойти к нему здесь представлялось практически невозможным. Призвав остальных, мы посовещались. В конце концов было решено идти вдоль края кратера до восточного склона, где имелась растительность, и там попытаться спуститься. Воды должно хватить ровно на день. Однако прежде следовало хорошо отдохнуть, и, сделав это, мы снова пустились в путь. По-прежнему приходилось рубить тропу при помощи мачете. Здесь это было особенно трудно: всякого рода вьющиеся растения превратили кусты карликовой скалезии в одну плотную массу. Смола липла к рукам и одежде; от пыли, которую мы все время вздымали, еще больше хотелось пить. Вокруг порхали мириады маленьких бабочек, белых с красными крапинками, часто попадались наземные игуаны, но мы слишком устали, чтобы обращать на них внимание. Игуаны даже вызывали у нас раздражение - мы без конца проваливались в их норы, рискуя сломать себе ногу.

Эта ночь тянулась мучительно долго. По лесу расползся туман, со всех веток капало, нас донимали клещи, было холодно,- температура упала до 15°. Голода мы не испытывали, но сильно страдали от жажды, и каждого преследовала навязчивая мысль: не соленая ли вода в озере. Ночью мы встали и попытались стрясти влагу с дерева в брезент, но вода оказалась горькой как желчь. Утром следующего дня наша небольшая группа подошла к месту предполагаемого спуска на восточном склоне вулкана. В огромном котле еще бродили туманы, и в ожидании, пока солнце разгонит их клочья, мы присели на край кратера.

По высохшему руслу ручья, круто уходившему вглубь, мы добрались до зарослей скалезии. Они, к сожалению, вывели нас к скале. Рискуя, мы спустились с нее. Отсюда вниз шел почти отвесный скудно поросший щебенчатый спуск. На цереус, каким-то чудом попавший сюда, мы набросились как голодная саранча: ломали его колючие побеги, очищали их от кожуры и ели солоноватую мякоть, как если бы это была нежнейшая дыня. Недалеко от озера мы снова натолкнулись на неожиданное препятствие - крутую стену высотой, наверное, 50 метров. Спускаться с нее было довольно опасно, ибо камни отрывались от малейшего прикосновения, но в конце концов мы все же достигли щебенчатого склона, круто ниспадавшего к озеру. Оно теперь было полностью открыто нашим взорам. Мы увидели росший на берегу камыш и нескольких уток, ловивших рыбу в полосе прибоя у берега. Свежий ветер будоражил воду.

Последние 100 метров мы бежали бегом. С ходу, прямо в одежде, кинулись в зеленоватую воду и пили, пили, не обращая внимания на запах и привкус сероводорода. Главное - вода не была соленой. Мы вели себя как утки, выпущенные в пруд после долгого плена в клетке. А на берегу тем временем уже разожгли костер и поставили чайник. Усталости как не бывало! Но вот найти место для ночлега оказалось делом нелегким: мы не смогли отыскать на крутом откосе ни одной ровной площадки. Каждому пришлось вырыть ступеньку, и сделать это было непросто из-за сыпучести склона. Я выбрал себе куст, соорудил под ним из камыша уютное гнездышко, лег на спину и принялся любоваться стенками кратера, озаренными пламенем заката. На юге через край гигантского котла вулкана перевалила белая дымка тумана. Она медленно сползла по каменным ступеням и вдруг спорхнула к озеру, растворившись близ самой поверхности воды. Ближе к ночи дымки залетали в кратер все чаще, и в конце концов вдоль его южной стенки образовался как бы гигантский водопад. Зрелище, не имеющее себе равного!

Ночью почувствовал себя плохо Карл Аигермайер, а утром слегли с острым расстройством желудка оба наших проводника-эквадорца. Оказала свое действие вода, содержавшая немало серы. Остальные тоже испытывали недомогание.

После обильного завтрака мы отправились на разведку. Я шел берегом озера, уровень которого, по-видимому, со временем понизился. Двумя метрами выше современного я обнаружил куртину сухого камыша и белые отложения, очевидно соединений серы. Они означали высоту прежнего стояния уровня. Вода в озере была очень теплая - у самого берега 30°, чуть дальше - 26°. Причину этого я отыскал вскоре: из расселин среди прибрежных

камней текла горячая вода температурой около 40°. Она кишела водяными жуками и личинками стрекоз. К моему удивлению, среди них плавали маленькие рыбки, и доктор Боумэн сумел поймать одну. Каким образом попали они сюда? Скорее всего, их занесли утки. Известно ведь, что в оперении подстреленных уток не раз находили мальков. Они любят прятаться в перьях сидящих птиц, и те, взлетая, нередко уносят их с собой.

Берега озера кишели ящерицами тропидурус, и я с большим рвением занялся охотой. Часто попадались наземные игуаны, и одного малютку, который спрятался слишком легкомысленно, мне удалось вытащить из его убежища. Он неистово кусался, но затем покорился судьбе. Сейчас он сидит в большом террариуме перед моим письменным столом и, стоит мне пошевелиться, начинает скрестись о стекло в знак того, что хочет есть. Он совсем ручной, взбирается мне на руку и берет корм с ладони. К моей великой радости, я поймал еще у озера толстую коричневую змею с двойным рядом белых пятен на спине.

К полудню стало очень жарко. Я натянул над моим ложем вместо тента одеяло и, искупавшись, улегся в его тени. Лениво текли часы, в ровной неподвижной поверхности озера отражались стенки кратера и маленький вулкан. Его северо-западная сторона была намного выше юго-восточной. Этого нельзя объяснить односторонней эрозией, ибо отложения пепла кольцом окружали вулкан. Правда, на юге они были тоньше, чем на северо-западе. По-видимому, вулканические выбросы с самого начала легли неравномерно, быть может из-за ветра в момент извержения. Такая необычная конфигурация, замеченная еще Дарвином, наблюдается на многих вулканах Галапагосов.

В озере резвились уточки, прелестные коричневые существа с хорошенькими круглыми головками и красивыми плоскими клювами. Их серо-голубой цвет подчеркивали у самцов красные пятна по обеим сторонам основания клюва. Щеки и у самок и у самцов были белые. Птицы очень напоминали багамскую утку и принадлежали к тому же роду, однако вид этот для Галапагосов эндемичный. Периодически самцы и самки сходились для токования. Небольшая группа самцов исполняла перед самками брачный танец. Сначала птицы медленно плыли по озеру, словно бы приходя в надлежащее настроение. Время от времени они взлетали и отряхивались, после чего в большинстве случаев делали очень странное движение. Селезень внезапно поднимал хвост и клал его на втянутую в туловище голову. Это выглядело так, как если бы кто-то сжал его спереди и сзади. Во время этой процедуры укорачивания и увеличения - так назвал ее Конрад Лоренц, ведущий наблюдения над родственными видами,- селезни тихо выговаривали "и-их, и-их, и-их",- звуки, напоминавшие стрекотание усачей. Это еще не было ухаживанием за определенной самкой - селезни просто показывали себя собравшимся дамам. Последние делали выбор. Вскоре я понял, что каждая заранее присмотрела себе самца. Она держалась поблизости от своего избранника и глядела только на него. Так как он, по-видимому, ей нравился, она начинала по-своему, очень женственно, ухаживать за ним. Повернувшись к будущему партнеру, она грозила через плечо другому самцу, тихо, но настойчиво произнося на высокой ноте: "Ке-ке-ке-ке!" Так она натравливала своего милого на товарищей. Он должен был показать, на что способен!

Она добилась-таки того, что селезень угрожающе поплыл на самца, с которым до этого был в наилучших отношениях. Она достигла своей цели: жених впал в раздражение против своих родичей и отделился от них. Вскоре я увидел, как нежная пара, плывя рядышком, дружно направилась к камышам, причем утка продолжала натравливать селезня. Затем она взглянула на него и выпила глоток воды, он же с вежливым поклоном последовал ее примеру. Пригубливанпе - дружественное приветствие у уток. Мы же сопровождаем его словами "ваше здоровье" и сдвигаем бокалы.

Мы провели в кратере еще полтора дня, наблюдая галапагосских крыс, наземных игуан, ящериц и змей. Змеи встречались самой различной раскраски, среди них были и полосатые и с двумя рядами квадратных пятен на спине.

Руди Фрейнд и Карл Ангермайер построили из пустых канистр плот и поплыли на нем к маленькому вулкану. Вскоре они достигли цели, и в бинокль мы видели, как, стоя на краю кратера, они машут нам руками. Приключение чуть было не окончилось трагически: на

обратном пути пустые канистры частично наполнились водой и плот едва не затонул.

Озерная вода оказалась непригодной для длительного употребления - слишком много в ней было серы - и наутро третьего дня мы снялись с лагеря. Несколько часов трудного пути - и вот уже край кратера. Последний раз полюбовались мы прекрасным озером и маленьким островом-вулканом, распрощались с местом, которое по красоте, пожалуй, не имеет себе равного во всем архипелаге, и поспешили вниз, к берегу моря.

Восточный склон вулкана Нарборо был еще пустыннее, чем северный. Скорым шагом пересекали мы безжизненные поля лавы. Чуть медленнее продвигались по участкам, где лава застыла в виде лепешек или форм, подобных перекрученному канату. Приходилось соблюдать осторожность: под лавой оставались большие внезапно обрушивавшиеся под ногами пустоты, которые возникли по той причине, что под застывшим верхним слоем лава продолжала течь к морю, как течет кровь по артериям. Образовались туннели, которые тянутся порой на много сот метров. На Индефатигебле я открыл туннель, имевший 5 метров в ширину, 8 - в высоту и не меньше 1000 метров в длину! К счастью, мы ни разу не провалились глубоко, но видели лавовые мосты над пещерами высотой несколько метров. В одной такой пещере мы отдыхали, наслаждаясь ее прохладой. В углу я нашел мышиное гнездо, построенное из разорванных на нити колючек кактуса. Это был единственный признак жизни на всем пустынном склоне.

Многое еще ждет исследователя в пещерах и туннелях, прорезающих горы Галапагосских островов. Вода, просачивающаяся сверху, скапливается здесь в подземные ручьи и лужи. Иногда они выступают на поверхность в глубоких расселинах. На Индефатигебле в одной из них я обнаружил посреди пустыни пресноводное озерцо, а в нем - рыбок и креветок. Когда я брел по воде, взглянуть на меня приплыл белый с огромной пастью бычок-элеотрис, но тут же исчез за выступом скалы.

Последний участок пути по склону вулкана был особенно трудным. Землетрясение разбило лаву на острые камни и в беспорядке расшвыряло их по всему склону. Мы без конца падали на сыпучей гальке, она впивалась в обувь, и вторая пара ботинок - первая разорвалась на восхождении - превратилась в клочья. Но перед нами уже маячил зеленый кант мангровых, за ним в синей бухте покачивался катер, и это зрелище придавало нам силы.

К вечеру мы снова услышали рев морских львов, а заходом солнца любовались с борта катера. Вершина вулкана была словно объята пламенем. Теперь мы знали, что скрывается в его кратере, какие живые существа обитают на узких желтых полосках растительности.

И уж конечно, я не скоро забуду, как кормил коричневого братца морской игуаны.

Недавно я получил интересную весточку с Галапагосских островов. Американец Франк Масланд и поселенец Мигуэль Кастро сообщили, что в кратере вулкана Нарборо не стало озера. Оно испарилось, а почва вулкана разогрелась настолько, что на нее нельзя ступить ногой. Повсюду поднимаются серные пары, часто слышится продолжительный подземный гул. По-видимому, следует ожидать нового извержения.

Среди фрегатов и олушей

Словно редкостные цветы орхидеи сверкали среди голых ветвей бульнезии красные горловые мешки самцов фрегатов. Почти каждое из низкорослых деревьев с белой корой, широким кругом опоясывавших крутые склоны вулкана в бухте Дарвина на острове Тауэр, щеголяло этим диковинным украшением. В ветвях деревьев, помимо фрегатов, гнездилось несчетное множество неугомонных красноногих олушей, без конца ссорившихся из-за строительного материала для гнезд. Одни прилетали с веточками в клюве, другие улетали на рыбную ловлю. Горячее солнце, повисшее в синеве неба, освещало эту снующую пестроту, а в бездонной выси величественно парило несколько фрегатов. Казалось, они столь же далеки от земли, как и пухлые редкие облака, застывшие недвижно в вышине. Я сидел в окружении птиц на юго-восточном склоне погрузившегося в воду кратера. Подо мной скала высотой не менее 30 метров крутой стеной обрывалась в море. В многочисленных нишах и на выступах

скалы сидели пестрые ласточкохвостые чайки. Фаэтоны то и дело покидали насиженное место на камнях и стремительно мчались по прямой через бухту. Далеко внизу, там, где волны плескались вокруг огромных утесов, лениво разлеглись морские львы.

На почтительном расстоянии от скалистого берега стояла на якоре "Ксарифа". Уподобясь изящной игрушке, она грациозно покачивалась на изумрудно-зеленой воде. На олушей она действовала словно магнит. Они сидели на ее реях и перилах, мешая нашим людям грузить в шлюпку плавательные принадлежности.

С моего места я мог видеть всю бухту. Она имела форму почти правильного круга диаметром около полутора километров. На юге она узким проливом соединялась с морем. Со всех сторон бухту окружали крутые стенки кратера, однако в ее средней части стена была разбита на множество террас. Лишь небольшой участок песка у кромки воды был пригоден для высадки. Как ни странно, эту обширную красивую бухту открыли только в 1923 году, и Уильям Биб назвал ее в честь Дарвина.

В шумливом птичьем сборище мое внимание привлекли прежде других фрегаты. Совсем рядом со мной на ветвях бульнезии сидели бок о бок два крупных экземпляра, два самца, усердно раздувавших красные зобы. Зобы напоминали детские воздушные шары, и их резкий красный цвет казался еще ярче на фоне темного, почти черного оперения, с зеленым отливом на спине и в хвосте. Большие крылья скрещивались над хвостом, как у сидящей ласточки. Только лапы, которыми птицы цепко держались за ветки деревьев, казались непропорционально маленькими.

Самцы сидели неподвижно под горячими лучами солнца. Ни один как будто не замечал другого, и все же чувствовалось, что каждый в своем желании быть красивым старается перещеголять соседа, ибо все, что они ни делали, предназначалось прежде всего для представительниц слабого пола. Самцам, однако, пришлось долго ждать, пока поблизости не показалась самка с белой грудкой. Поведение самцов мгновенно изменилось. Оба они, расправив крылья, быстро и мелко затрясли ими и довольно неприятными голосами завели трескучую песню. " Кью-кью-кью-кью-ю-ю-ху-ху-ху-ху-трр-трр-трр-трр ", - доносилось с деревьев. При этом самцы оживленно крутили головой из стороны в сторону. Но на самку пение, по-видимому, не произвело впечатления. Она облетела вокруг дерева и спокойно полетела дальше. Самцы не спеша сложили крылья, слегка потоптались словно от смущения на месте и вновь невозмутимо выставили напоказ свои горловые мешки. Меня удивила терпимость, проявленная соперниками: ни один не пытался прогнать соседа.

Наконец перед самцом, который был ближе, уселась самка. В клюве она держала веточку - свадебный подарок. Самец разволновался, затрясся, запел, а она терпеливо сидела перед ним, прижимаясь грудью к его красному горловому мешку. Когда же самец наконец решился принять дар, самка тотчас же полетела опять за строительным материалом. Самец остался на страже гнезда.

Около бульнезии, на ветвях которой сидели птицы, лежал сломанный куст. Там другой фрегат свил себе немудреное гнездо и прилежно сидел на яйцах. Его зоб опал - теперь это уже был округлый красно-коричневый мешочек,- от всей его мужской красы осталось только шелковистое оперение на спине, да и оно выглядело достаточно потертым. Он был, конечно, связан прочными семейными узами. Я подошел и осторожно отодвинул его ногой в сторону. Он и в самом деле сидел на красивом белом яйце величиной с гусиное. Фрегат, возмущенный моим поведением, несколько раз сильно клюнул меня. Я оставил его в покое и вернулся к камню над обрывом.

Высоко над бухтой кружило множество фрегатов. Крылья их в размахе достигали двух метров. То раскрывая, то смыкая длинный, глубоко расклиненный хвост, фрегат уверенно маневрировал среди воздушных течений. В искусстве летать эта птица, бесспорно, не имеет себе равных. На перья и мышцы, составляющие летательный аппарат фрегата, приходится 45 процентов общего веса его тела. Не удивительно, что он может летать часами. И все же фрегаты никогда не удаляются надолго от своих гнездовий. Большой фрегат (Fregata minor), широко представленный на Галапагосских островах, настолько привязан к родным местам,

что здесь даже образовалась особая его раса. Кроме него, на Галапагосах живет очень похожий с виду, но более редкий и селящийся в одиночку великолепный фрегат (Fregata magnificens).

Отношения между фрегатами и олушами были напряженные. Стоило олуше нырнуть в воду, как над этим местом немедленно собирались фрегаты. Если олуша выныривала с рыбой, она старалась ее немедленно проглотить и улететь. Сначала меня удивляла ее поспешность, но потом я заметил, что фрегаты, завидев олушу с добычей, камнем кидаются на нее. Паря чуть ли не над самой головой олуши, они бьют ее клювом по спине и голове. Олуша, в большинстве случаев еще не успевшая набрать скорость, беспомощно мечется по сторонам и в конце концов роняет рыбу. Фрегатам только того и надо! Оставив в покое олушу, они подхватывают добычу. Создавалось впечатление, что фрегаты только разбоем и промышляют: редко когда я видел их, занятых ловлей рыбы. Удача, по-видимому, не сопутствует им. Пролетая над водой, фрегаты окунают в нее клюв и оттого в состоянии схватить лишь то, что плавает у самой поверхности. Зато летающие рыбы, поднимавшиеся в воздух при приближении нашей лодки, легко становились добычей фрегатов.

Красноногой олуше приходилось проявлять величайшую изворотливость, чтобы без потерь донести веточку в клюве до гнезда. Чаще всего ее по дороге обворовывали. Супружеская чета олушей ни на минуту не могла оставить гнездо без присмотра: фрегаты растаскивали его в один миг.

Мои симпатии целиком принадлежали бедным олушам. Они были представлены двумя видами1. У зеленоногих маскированных олушей белое туловище, черные крылья, голубоватая головка и светло-красный клюв. Они высиживают яйца прямо на земле - нельзя же назвать гнездом незначительное углубление в почве. Встречавшиеся так же часто красноногие олуши кладут яйца в примитивные гнезда, свитые из веточек на деревьях и кустах. У них красивый голубоватый клюв и розовая со свет- ло-серым головка, а оперение часто белое, как у маскированных олушей. Наряду с белыми олушами, однако, встречались взрослые особи - они уже высиживали яйца - с каштановым, как у молодых птиц, оперением. Благодаря различным способам гнездования, оба вида мирно уживаются на одном острове.

1 (*Э. Курио недавно обнаружил, что на Галапагосах гнездится и третий вид - олуша синеногая*)

Во многих гнездах сидели юные олуши - белые комочки пуха с голой темной передней частью головы и черным клювом. В этот период жизни маскированные и красноногие олуши выглядят одинаково, но поведение их разительно несхоже, что было подмечено уже Уильямом Бибом. Птенец красноногой олуши, посаженный на ладонь, тут же пытается взобраться на руку и дальше на плечо, цепляясь клювом и подталкивая туловище крылышками и ногами. Напротив, юные маскированные олуши только испуганно сжимаются в комочек, иные стараются зарыться глубже в ладонь. Различие между птицами, гнездящимися на земле и на деревьях, проступает здесь особенно отчетливо.

Приближалось время обеда, и я решил уйти. Медленно пошел я по краю кратера, сопровождаемый угрожающими криками встревоженных олушей и молодых фрегатов. Пара голубков семенила впереди, с любопытством оглядываясь на меня. И лишь когда я совсем приблизился, они отлетели на несколько метров вперед и вновь остановились, поджидая меня. Дважды мне пришлось пересекать глубокие щели. В обеих расселинах валялись птичьи кости, выбеленные временем. То были остатки фрегатов и олушей, по несчастью попавших в эту западню, откуда они не смогли выбраться. Там, где в результате обвала стенки кратера образовались террасы, я по крупной осыпи спустился к месту нашей высадки на берег.

Здесь на больших утесах я увидел множество ласточкохвостых чаек. Одни птицы, таких было большинство, оглушительно крича, носились в воздухе, пикировали на меня сверху и явно преднамеренно гадили. Другие продолжали сидеть на яйцах. Они подпускали меня к себе, но встречали взволнованными криками. Каждый раз один из супругов пытался очень нехитрым способом отвлечь мое внимание от гнезда. Оставив своего партнера сидеть на яйцах, он с криком усаживался на соседнюю скалу. Если я все же приближался к гнезду,

принималась вопить птица, которая его охраняла. Одна при этом так разволновалась, что отрыгнула проглоченную недавно каракатицу.

Действия ласточкохвостых чаек, пытавшихся переключить мое внимание с подруги на себя, напомнили мне аналогичное поведение цесарки, которое я имел возможность систематически наблюдать на биологической станции Вильхельминенберг около Вены. В тот момент, когда самка спускала яйцо в какое- либо укрытие, самец неизменно летел на высокую метеобудку и, сидя там, в течение минуты самоотверженно горланил, стремясь отвлечь меня от гнезда.

Ласточкохвостая чайка - это еще один эндемичный вид Галапагосов. Правда, в поисках рыбы она, случается, залетает на побережье Южной Америки, но никогда не вьет там гнезд. Темно-серая голова чайки резко контрастирует со светлым туловищем. Темные глаза окружены ослепительно-красным ободком, лапы ярко-красные. Чайка гнездится на всем архипелаге. Я находил ее гнездовья на островах Ла-Плаза и на западном побережье Альбемарля.

Ласточкохвостая чайка кладет свои яйца, имеющие защитную окраску в крапинку, прямо на скалу, между несколькими камушками, символически обозначающими границы ее гнезда. Здесь, на Тауэре, яйца вызывали явный интерес пересмешников, которые, не скрывая своих намерений, разгуливали между гнездами. Чайки не благоволили к этим любопытствующим посетителям и ополчались на них, как только те появлялись. Я не видел, чтобы пересмешники грабили гнезда, но Уильям Биб описал такие случаи. Естественно, что эти два вида птиц не переставали враждовать между собой. Длинный, слегка изогнутый клюв пересмешника словно самой природой предназначен для того, чтобы вскрывать яйца и извлекать их содержимое.

Близ нашей стоянки в мелких, оставленных приливом лужах, ловили не спеша рыбу однотонно окрашенные в темный цвет птицы. Эти темные чайки - Larus fuliginosus - тоже туземные обитатели Галапагосского архипелага. Их гнездовья пока не обнаружены.

На отливной, еще влажной песчаной полосе возилось несчетное количество крабов. Они усердно заталкивали клешнями себе в рот песок, пропитанный морской водой, содержащей питательные вещества. Вторая и третья ногочелюсти процеживали сквозь покрывавшие их ложкообразные волоски смесь песка с водой, отделяя оттуда легкие органические частицы. Тяжелые несъедобные части оседали и собирались у основания рта в постепенно увеличивавшуюся в объеме каплю. В конце концов неторопливым движением клешни краб смахивал ее. Поэтому за спиной краба по мере его продвижения вперед вырастали ряды шариков, располагавшихся звездой вокруг проделанного им хода в песке. Спустя час после начала отлива весь берег был покрыт небольшими круглыми комками. Насытившись, крабы завели брачные игры, которые впервые подробно описал Дарвин как пример эффективности естественного отбора. Самцы принялись покачивать своими огромными клешнями, составляющими чуть ли не половину веса их тела. Дарвин полагал, что этими движениями они привлекают самок. Впоследствии возобладало мнение, будто крабы таким образом заявляют о своих правах на территорию. Альтефогт сумел, однако, доказать, что прав был Дарвин.

Я поймал нескольких крабов. Коллега из Сенкенбергского музея описал их потом как новый подвид.

После обеда я решил с товарищами осмотреть остров. Мы шли на лодке. Молот-рыбы длиной от трех до пяти метров эскортировали нас, пока мы не пристали к берегу. Они вели себя крайне назойливо. Один из моих спутников, нырявший до обеда с доктором Хассом, рассказал, что они и их не оставляли в покое,- пришлось пустить в ход палки. Сильно досаждала пловцам меч-рыба. В этих широтах она привыкла к крупной добыче, например к морским львам, и не прочь была полакомиться человеком.

На этот раз мы, не задерживаясь на побережье, отправились в глубь острова. Скудная растительность не мешала продвигаться вперед. Лишь какая-то травка цвета вялой зелени надоедливо липла к одежде. Кроме того, было довольно жарко, ибо скудные кусты кротона и

опунции почти не давали тени. Только изредка попадавшийся цветущий куст кордии радовал глаз. В течение примерно получаса мы поднимались по пологому склону. Под ногами у нас была неровная поверхность лавы. Вдруг кусты расступились, и нашему взору предстало круглое синее озеро на дне кратера, обрамленное неяркой зеленью. Кратер, на краю которого мы стояли, имел в диаметре около километра, его стенки почти вертикально уходили вниз на глубину 30-40 метров. Словно пылающие факелы, возвышались у края обрыва цветущие кусты кордии. Одни, прямо передо мной, как бы указывал путь к озеру. Крупные колокольчики кордии, желтые как лимоны, сверкали в пышной зеленой листве.

Большие синие пчелы с прилежным жужжанием перелетали с цветка на цветок; целая стая черных вьюрков гонялась за насекомыми, собиравшими пыльцу с растений. А посреди всего этого великолепия, утопавшего в солнечном свете, боязливо сжавшись, сидел в своем бесхитростном гнезде маленький комочек белого пуха. Непропорционально большой клюв казался слишком тяжелым для малыша. Птенец фрегата сидел неподвижно, угрожающе направив на меня клюв, но взгляд его темных глаз был полон страха. Я медленно протянул руку. Птенец выставил клюв еще дальше вперед и щелкнул им, так что половинки громко стукнулись одна о другую. Он неоднократно повторял это движение, при котором всякий раз становилась видна его голубая глотка, и я от неожиданности вздрагивал. Проблеск яркого тона подчеркивал угрожающее движение, придавал ему большую действенность. Подобная броская окраска глотки встречается у многих пресмыкающихся, которые также наступают на врага с открытой пастью. Следовательно, это "приспособление" было приобретено многими видами животных независимо друг от друга.

Спуск к озеру оказался легче, чем я предполагал. Уже через пять минут мы стояли под темно-зеленой листвой высоких мангровых, росших на его берегу. В воде, к сожалению соленой и очень теплой, сновали ракушковые, водяные жуки, маленькие водяные клопы. Я взял несколько проб из озера и впоследствии обнаружил в них кое-что новое. Обилие пищи привлекло сюда многочисленных уток, которые усердно копались в иле. В мангровых гнездились красноногие олуши. На обратном пути мы увидели удивительное зрелище: 11 взрослых фрегатов сидели посередине склона в очень занятной позе. Слегка откинувшись назад на расправленные крылья, они подставили опускавшемуся солнцу живот и внутреннюю часть крыльев.

Было жаль так скоро расставаться с прелестным маленьким озером. В утешение я сказал себе, что еще вернусь сюда, хотя не очень верил в такую возможность.

Три с половиной года спустя я вновь стоял на берегу озера в кратере. К счастью, оно не изменилось.

Мы ныряем к акулам

К северу от Индефатигебля над неспокойным морем словно крепостные башни возвышаются желто-коричневые туфовые скалы. Как это ни странно, они названы по имени Ги Фавка, английского католика, казненного по приказу короля в 1606 году. Чайки с криком носятся вокруг голых утесов; морские львы стараются заглушить своим ревом шум прибоя; крабы и морские игуаны, примостившись на карнизах скал почти над самой водой, терпеливо ждут, когда отлив освободит их пастбища. Этим исчерпывается список животных, обитающих над водой. Возможно, в узкой полоске травы, росшей на самом верху скалы, поселилось несколько стрекоз и ящериц, но я не смог туда взобраться. Зато мне удалось заглянуть в морскую пучину у подножия скал.

Волны приятно холодили тело. Медленно, словно в состоянии невесомости, я скользил в глубину, стараясь не отдаляться от скалистой стены. В руке я держал наготове деревянную палку с железным наконечником. Тишину нарушало только потрескивание и пощелкивание дыхательного клапана моего снаряжения. Итак, целый час я буду рыбой среди рыб! Кислород хранился в маленьком стальном баллоне, а плавательным пузырем мне служил дыхательный мешок, который я держал, как рюкзак, за спиной и с которым меня соединяли

два коротких шланга с мундштуками. Время от времени я нажимал на его вентиль и наполнял мешок кислородом. На ногах у меня были ласты, очки защищали глаза.

На глубине шести метров я уселся на выступ скалы, опустил ноги в темную толщу воды и огляделся. Пейзаж, окружавший меня, показался мне восхитительным! Правда, слегка замутненная сине-зеленая вода смазывала очертания всех предметов, находившихся на расстоянии свыше 15 метров от выступа, но это было вполне уместно среди жутковатого скалистого ландшафта, где чудилось, будто в каждой расселине скрываются тайны.

Мимо меня вглубь проплыл доктор Хасс с большой серебристой кинокамерой для подводной съемки. Его кожа имела в этом освещении зеленоватый оттенок, а плавательные принадлежности придавали сходство с жителем неведомой планеты. Еще несколько мгновений передо мной мелькали ласты и поблескивала камера, а потом доктора поглотила бездна.

Фасад скалы был сплошь затянут красно-лиловыми известковыми водорослями, перемежаемыми маленькими группами оранжево-красных тубастровых кораллов. Были здесь и устрицы - зубчатые края их ракушек напоминали пилу. Кое-где в трещинах скал ютились невысокие кустики рифовых кораллов. Холодная вода течения Гумбольдта была им явно не на пользу. Зато рыбы чувствовали себя превосходно. Изящные яркие зеленушковые сновали между кораллами, отщипывая то веточку водорослей, то кусочек губки. Передвигались они удивительным способом, помогая себе не ударами хвоста, а большими грудными плавниками. Мириады маленьких рыбок держались около скалы, брюшками книзу. Стоило мне сделать неосторожное движение, как они дружно прятались в расщелинах скалы и между кораллами. Среди них преобладали оранжево-красные и серо-коричневые рифовые из семейств Pomacentridae и Anthiidae. Небольшая темная эупома (Eupoma centrus) привлекала внимание оранжево-красной спинкой. У скалы кормились большие рыбы-попугаи. Они жевали ствол коралла, как кролики жуют репу.

Очень часто в поле моего зрения попадали рыбы-ангелы рода Zanklus. Туловище этих крупных рыб имело форму диска, вытянутого спереди в остроконечную морду. Передние лучи спинных плавников, за исключением двух первых, поражали своей длиной. Шип спи иного плавника подобно шпаге фехтовальщика выступал далеко вперед. Три широкие черные полосы украшали бледно-желтое, почти белое туловище. Эти удивительно красивые рыбы появлялись только парами. Вытянутой пастью они без труда доставали из щелей между кораллами и скалами маленьких рачков. Неровные углубления в скале были выложены красными и лиловыми губками, и в этих чертогах жили бычки. Каждый имел свою собственную обитель, из которой он высовывал дерзкую мордочку, напоминавшую обличье мопса, и с любопытством оглядывал окрестности. Некоторые бычки заняли покинутые червями ходы - они подходили им по размеру. Каждый ревностно оберегал свое жилище. Если сосед решался приблизиться, его встречал весьма неласковый прием. Бычки также питались растениями, покрывавшими скалы.

В мелких выемках сидели офиуры, настолько хрупкие, что мне никак не удавалось снять их со скалы невредимыми. Очень смешной вид имели морские ежи, о чьи иглы-булавы невозможно было уколоться. Эти толстые выросты - типичная форма приспособления к жизни на неспокойном мелководье. Я и прежде не раз наблюдал ежей в лужах, оставленных приливом. Их иглы пестро обросли красными водорослями и желтыми губками.

Вдруг в узкой щели близ меня что-то зашевелилось и постепенно показалось существо, напоминавшее своими очертаниями лопату, но с удлинениями спереди и сзади. Странное создание дважды замирало на месте, как если бы не решалось выйти, но в конце концов все же покинуло свое убежище, и тут я, к моему великому удивлению, узнал черную рыбу-печатника (Melichthys ringons). Рыба с любопытством взирала на меня круглыми темными глазами. Она дышала очень часто, так что спинной плавник, отделенный от туловища белой полоской, непрестанно колыхался взад и вперед. Я сделал еле заметное движение, и рыба, двигаясь головой вперед, немедленно исчезла в щели. Только шипы хвоста, словно щупальца, остались торчать наружу. Я просунул руку в щель и схватил печатника у

основания хвоста. Рыба громко хрюкнула, все ее туловище начало вибрировать, и я, словно пораженный током, тотчас отдернул руку. И тут я вдруг понял, какое значение имеют лающие и хрюкающие звуки, издаваемые некоторыми рыбами при прикосновении к ним. Они выполняют - и, надо сказать, весьма успешно - оборонительную функцию. Впоследствии, на Мальдивских островах, я имел случай убедиться в том, что, помимо прочего, эти звуки есть предостережение об опасности. Как только один из многочисленных в тех местах Pomacanthodes im- perator замечал меня, он немедленно извещал своим "ток, ток!" о моем появлении. Находившиеся поблизости рыбы, приняв сигнал тревоги, поспешно прятались среди кораллов. По этой причине многие ценные экземпляры так и не украсили моей подводной коллекции.

Моя рыба-печатник довольно долго не могла оправиться от нанесенной ей обиды и оттого не хотела выйти наружу. Несколько раз она уже совсем было собиралась с духом и чуть высовывала голову, но, увидев меня, вновь забивалась в свою дыру. Плавала она почти исключительно благодаря колебательным движениям спинного и заднепроходного плавников. Это позволяло ей двигаться в щели, не наталкиваясь на окружавшие стены.

В противоположность перепуганной рыбе-печатнику большинство других рыб вовсе не боялось меня. Наоборот, на многих я действовал как магнит. Две зеленушковые, имевшие размеры карпа и оранжево-красные и мерные пятна на обеих сторонах туловища, медленными движениями мягких грудных плавников лениво подгребли ко мне и с любопытством уставились на мою физиономию, скрывавшуюся за очками. Острыми выдававшимися вперед зубами и выпуклым шишковатым черепом они живо напоминали мне бульдога. Затем мимо проплыла большая стая желтохвостых хирургов-рыб. Голубые тела рыб перетягивали две широкие темные ленты. Их сопровождали желтохвостые ангелы-рыбы с белой полоской на темных боках и желтой оторочкой на спинном и заднепроходном плавниках.

Сделав около меня несколько кругов, рыбы, словно отара овец, принялись щипать водоросли на соседней скале, и я отчетливо слышал производимый их челюстями шум "шраб-шраб-шраб". Неосторояшым движением я сдвинул камень, и он, громыхая, покатился вниз. Среди рыб возникла паника. Хирурги- рыбы, держась покатости склона, ринулись прочь, а остальные попрятались в скале. Вокруг меня явно воцарилась атмосфера страха, все живое притаилось, и даже мне стало как-то не по себе. Я невольно покрепче прижался к скале и подтянул ноги.

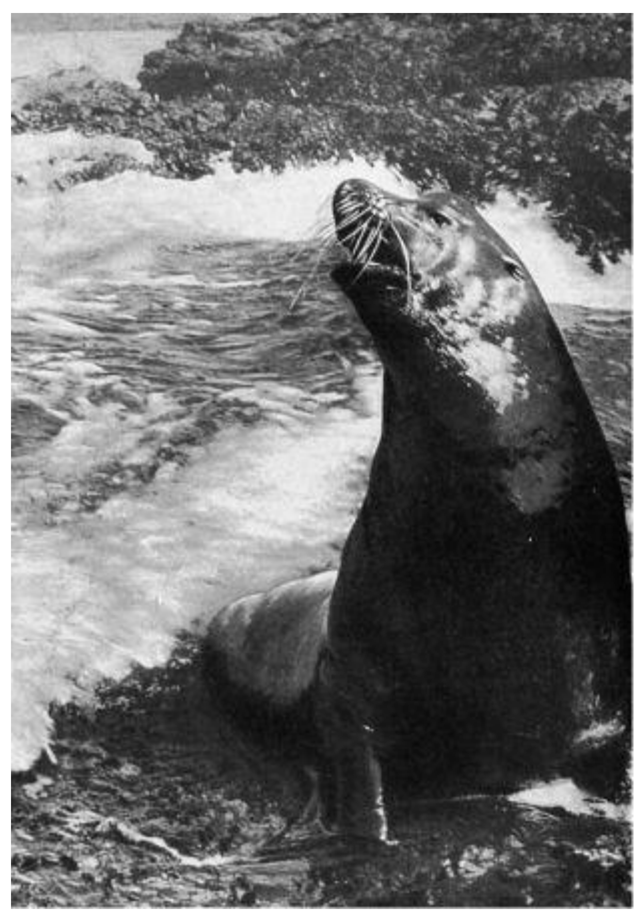
И действительно было чего бояться: из глубины моря поднялись три акулы. Подгоняемые неустанными ударами хвоста, они быстро скользили на широких грудных плавниках. Чтобы покрыть расстояние до скалы, им потребовалось всего лишь несколько секунд - вода словно бы не оказывала хищникам ни малейшего сопротивления. Нас разделяло только три метра. На неподвижной, как маска, морде ярко блестели голодные глаза. Я непроизвольно задержал дыхание, но светло-серые брюха акул проплыли надо мной. Впервые я видел полукруг акульей морды так близко от себя. Все три хищника принадлежали, очевидно, к виду черноплавниковых акул,- во всяком случае, острия их плавников были черные. Большая акула имела метра три в длину, остальные уступали ей, наверное, на метр, но двигались быстрее. Одна из хищниц, проплывая надо мной, не переставала дергать головой. Меня неприятно поразило это движение, хотя я не знал в тот момент, что оно означает. Только много времени спустя во время пребывания на Мальдивских и Никобарских островах я понял его смысл. Акула как бы имитирует пожирание добычи, когда, поймав крупное животное, она с быстротой молнии выпиливает зубами кусок из тела своей жертвы, не переставая при этом трясти головой. Подобное движение она воспроизводит и в тех случаях, когда хочет напасть на животное, но почему-либо не решается. Она словно бы предупреждает жертву о своем желании разделаться с ней. С нами ведь тоже случается, что при виде лакомств в витрине кондитерской мы сглатываем слюну. Хищница явно была не прочь выпилить из моего тела лакомый кусочек, но я сидел неподвижно, выставив вперед палку с железным наконечником, и акулы предпочли убраться

подобру-поздорову. Я лишний раз убедился в том, что короткая палка с железным наконечником - надежное оружие для отпугивания акул, особенно когда у вас защищена спина. Если акула все же осмеливается приблизиться, достаточно замахнуться на нее палкой, и она уплывает прочь.

На Мальдивских островах доктор Хасс и я, вооружившись только палками, кормили под водой хищниц. Мы решили проверить, действительно ли ацетат меди отгоняет акул,- ведь для этой цели он теперь употребляется довольно широко. Мы положили мешочек с ацетатом около приманки - ею служила окровавленная рыба,- но акулы жадно устремились на ее запах, преспокойно рассекая позеленевшую от ацетата воду. Средство оказалось лишенным какой бы то ни было практической ценности. Гораздо больше помогает неожиданный крик - это на своем собственном опыте проверил в Карибском море доктор Хасс. Но не все акулы реагируют на крик, поэтому самое верное средство - палка. Особую осторожность подводному пловцу следует проявлять при спусках и подъемах, когда его ноги влекут к себе хищников не хуже блесны, и акулы могут с любой стороны молниеносно атаковать пловца, лишенного прикрытия.

Но тогда, сидя под скалой Ги Фавка, я еще не знал всех повадок акул, и поэтому чувствовал себя не особенно уютно на выступе, однако, зачарованный совершенной красотой хищников, не мог двинуться с места. Обуреваемые любопытством, они плавали передо мной взад и вперед. Альбатроса называют царем воздуха, акула же несомненно безраздельная владычица морей. Красота ее создается обтекаемой формой туловища, приспособленного к непрерывному плаванию. Тяжелая рыба вынуждена беспрестанно находиться в движении, иначе, лишенная плавательного пузыря, она, остановившись, упадет на дно моря.

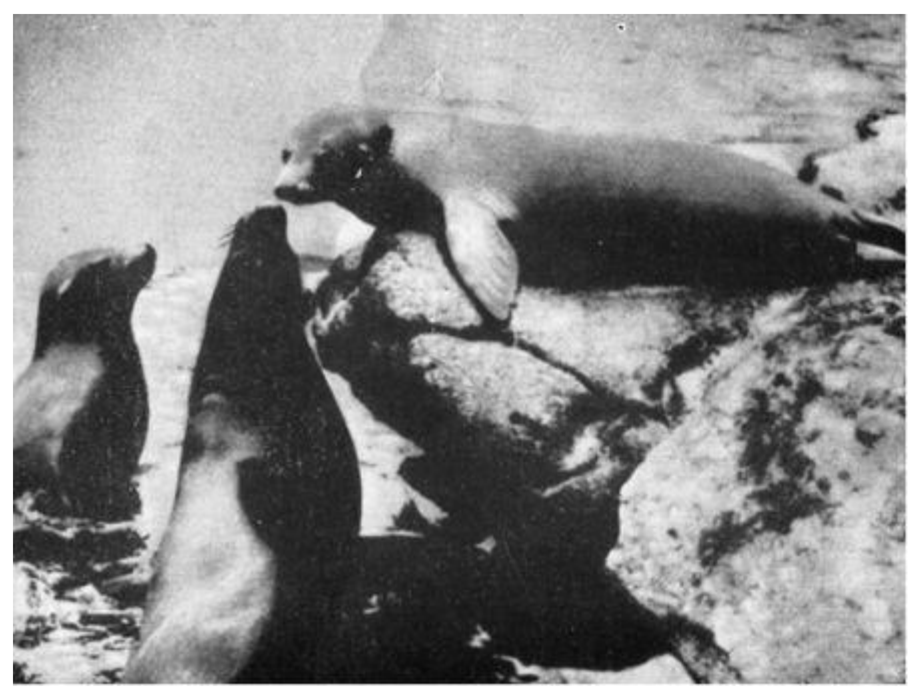
Каждую акулу эскортировала стайка лоцманов с черными и светло-желтыми кольцами вокруг тела, а под ее брюхом висела, кроме того, рыба-прилипала. Лоцманы всегда сопровождают акул и других крупных обитателей моря. Моряки даже утверждают, что эти рыбы наводят акул на добычу - отсюда, мол, их название "лоцманы". Наши наблюдения не подтвердили этого предположения. Плавают же лоцманы с китовыми акулами и мантами, которые ограничиваются тем, что, процеживая планктон, поедают из него лишь мелкие организмы. Легко, однако, понять, откуда пошли эти толки. Мы не раз замечали, что лоцманы, сопровождавшие акулу, при виде людей покидали ее и целеустремленно направлялись к ним. Сделав несколько кругов, они снова возвращались к акуле. Вот такое поведение и породило молву, будто лоцманы помогают акуле выслеживать добычу. На самом деле оно вызвано совсем иными причинами. Бывает, у одной акулы собирается слишком много лоцманов. Тогда те, что пристали последними, стараются найти себе другую большую рыбу, еще никем не занятую. Они действуют точно так же, как все животные, стремящиеся избежать перенаселенности своей территории. Естественно, лоцманы присматриваются к каждому крупному существу на их пути: нельзя ли к нему присоединиться?

Морские львы-самцы защищают свою территорию и от человека. Самец угрожает фотографу (Осборн, январь 1954 года)

Морской лев в окружении своих "невольниц". Справа на заднем плане самец с соседнего участка (Гарднер близ Худа, январь 1954 года)

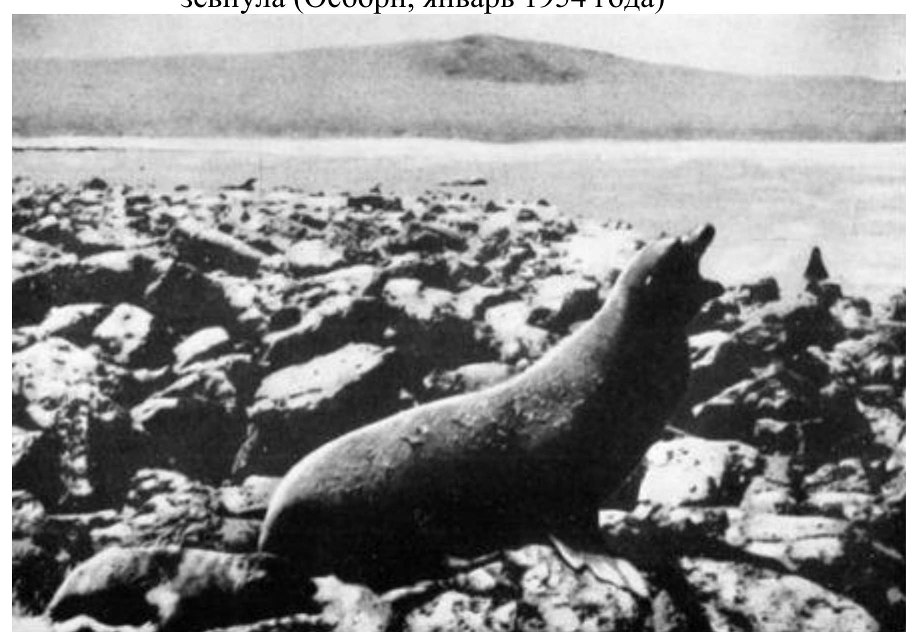
Самки морских львов на берегу Дункана

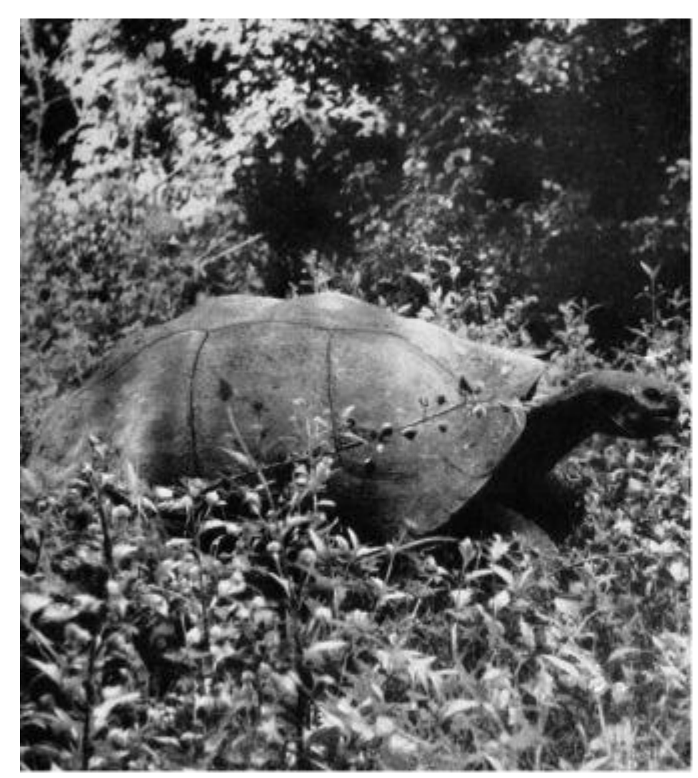
Морские львицы - нежные матери (бухта Элизабет, Альбемарль, сентябрь 1957 года)

Самка морского льва попыталась увести своего малыша, но вряд ли у нее были серьезные намерения: сделав несколько шагов, детеныш в изнеможении упал, а мамаша зевнула (Осборн, январь 1954 года)

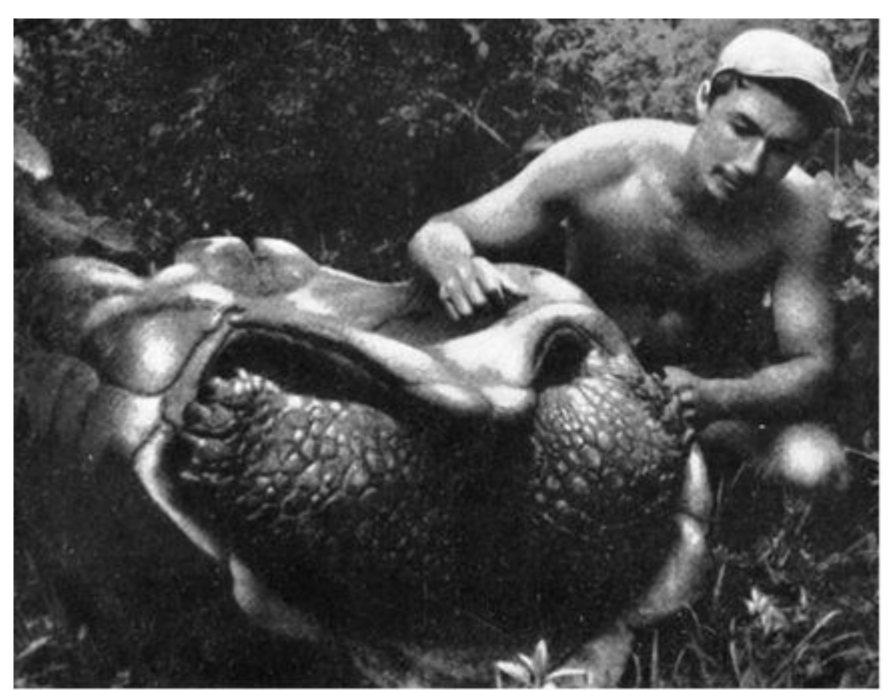
Самка морского льва попыталась увести своего малыша, но вряд ли у нее были серьезные намерения: сделав несколько шагов, детеныш в изнеможении упал, а мамаша зевнула (Осборн, январь 1954 года)

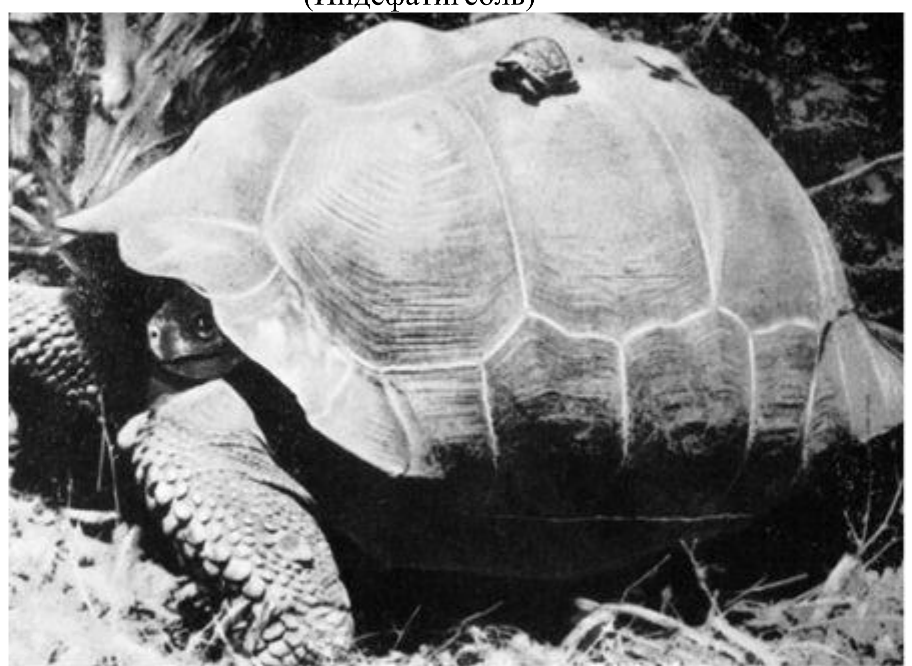
Гигантская черепаха во влажной переходной зоне острова Индефатигебль

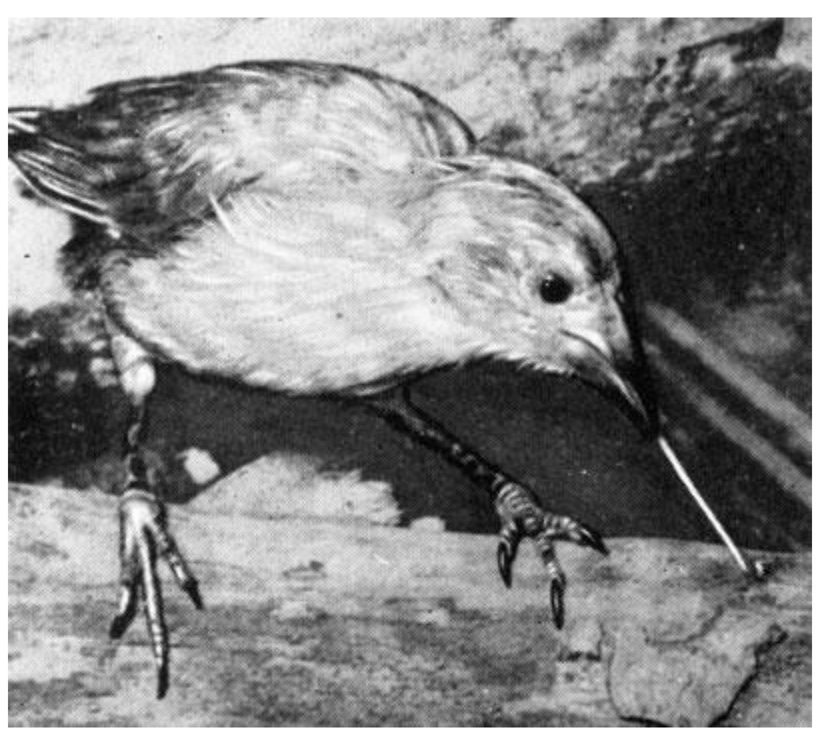
Черепаха в луже. Рядом остатки панциря убитой черепахи (Индефатигебль, июль 1957 года)

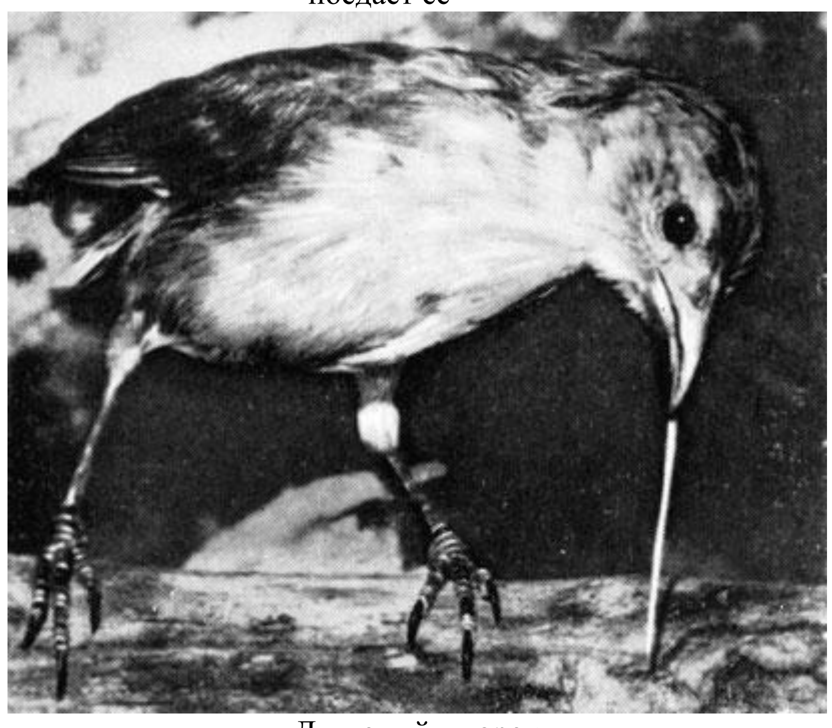
Гигантская черепаха оказалась настолько тяжелой, что даже вчетвером трудно было приподнять ее. По чашеобразному углублению в брюшном щите мы узнали самца (Индефатигебль)

На Индефатигебле черепахи еще продолжают размножаться. Детеныша черепахи, найденного нами у мыса Томайо, мы посадили на панцирь взрослой черепахи: так нагляднее видна разница в их размерах (Индефатигебль, октябрь 1957 года)

Дятловый вьюрок. Держа в клюве кактусовую иглу, он рассматривает выдолбленное отверстие в стволе дерева. Затем вставляет в него иглу, вытаскивает личинку и наконец поедает ее

Дятловый вьюрок

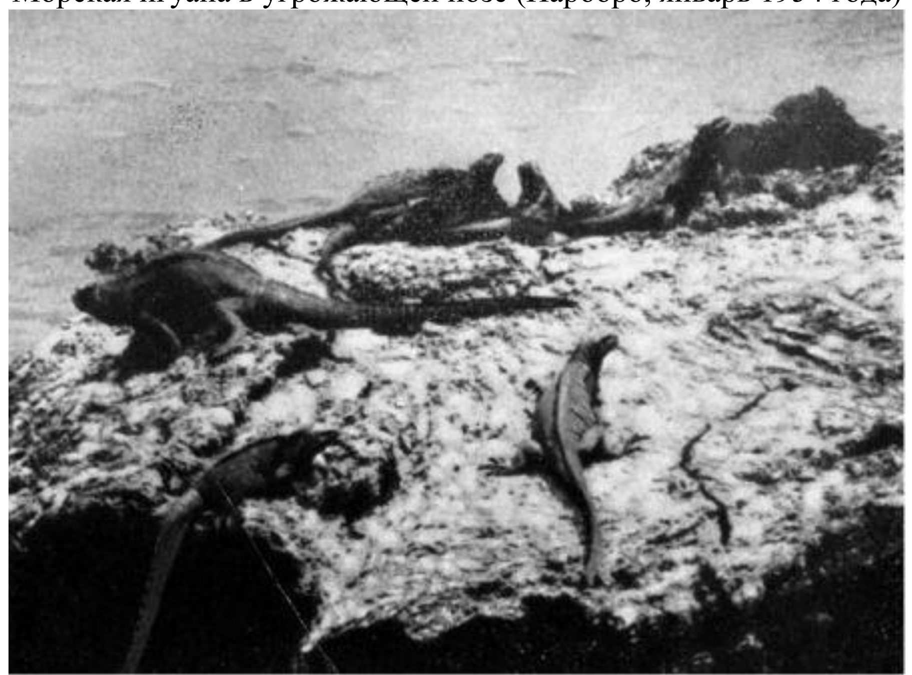
Дятловый вьюрок

Дятловый вьюрок

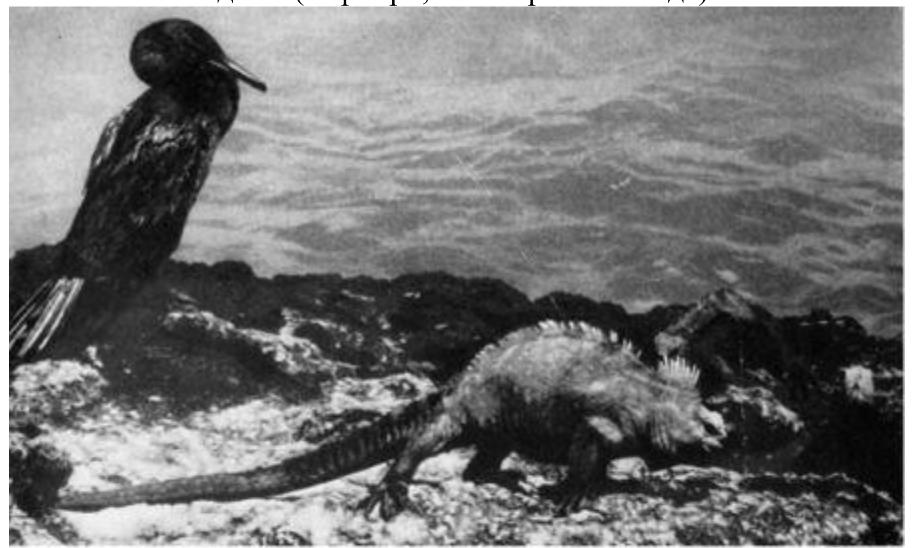
Морская игуана в угрожающей позе (Нарборо, январь 1954 года)

Самец морской игуаны (он более крупный) в своем "гареме" (Нарборо, январь 1954 года)

Самец морской игуаны разъярен при появлении соперника. Самки безучастно наблюдают (Нарборо, сентябрь 1957 года)

Хозяин территории расхаживает на выпрямленных ногах перед нарушителем границы. Слева сидит нелетающий баклан (Нарборо, январь 1954 года)

Если чужак не отступает, разгорается жаркая схватка: игуаны сталкиваются головами и

стараются сдвинуть друг друга с места (Нарборо, январь 1954 года)

Более сильный загоняет противника в щель. Побежденный принимает смиренную позу. Победитель прекращает борьбу и ждет, чтобы поверженный враг покинул поле брани (Нарборо, январь 1954 года)

Более сильный загоняет противника в щель. Побежденный принимает смиренную позу. Победитель прекращает борьбу и ждет, чтобы поверженный враг покинул поле брани (Нарборо, январь 1954 года)

Чета пеликанов на берегу Альбемарля (сентябрь 1957 года)

Одна из самых редкостных птиц архипелага - нелетающий баклан. Взрослая птица с двумя птенцами (Нарборо, сентябрь 1957 года)

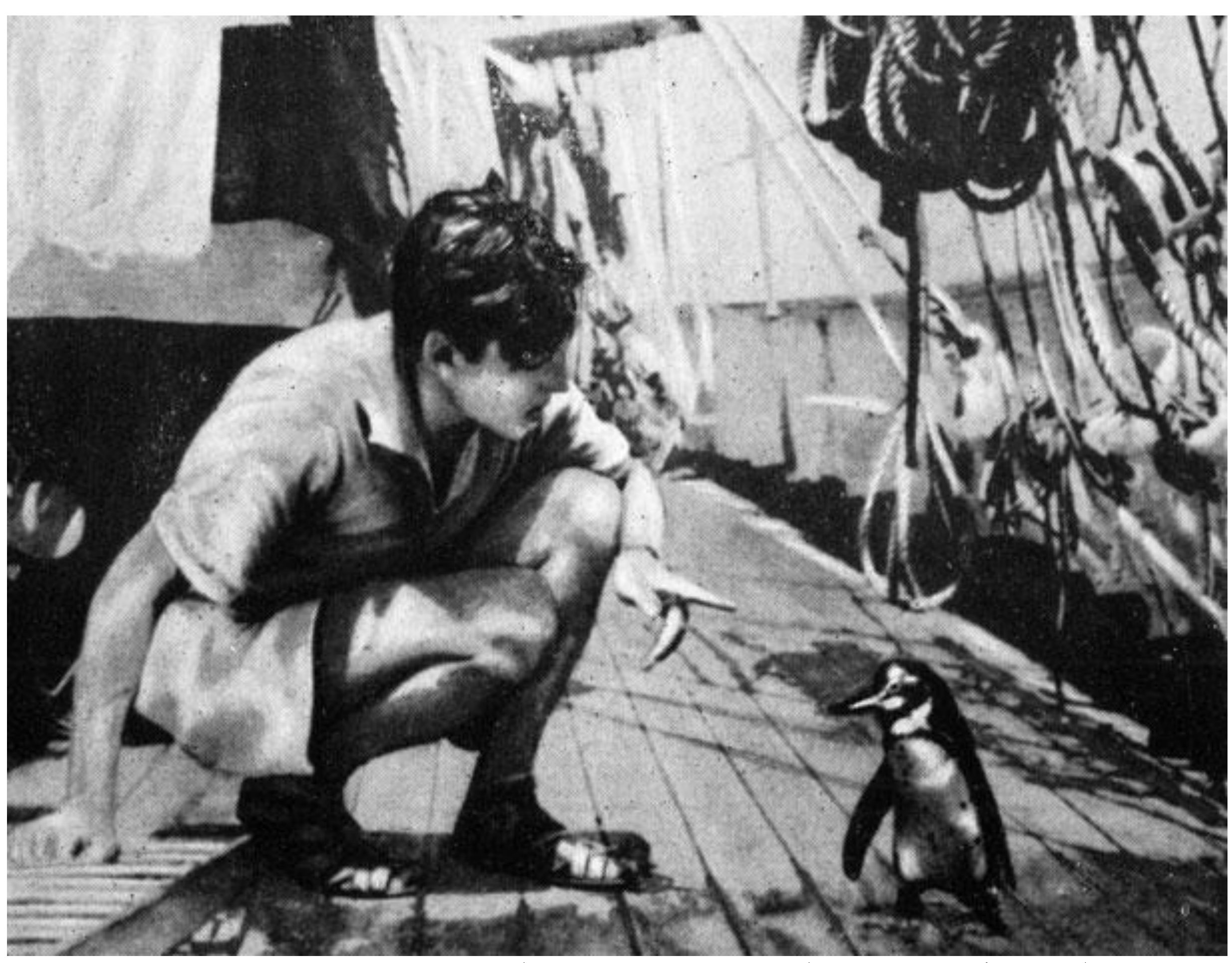
Баклан вместо приветствия приносит в подарок партнеру кустик водорослей или красивую морскую звезду (Нарборо, сентябрь 1957 года)

Баклан вместо приветствия приносит в подарок партнеру кустик водорослей или красивую морскую звезду (Нарборо, сентябрь 1957 года)

Баклан вместо приветствия приносит в подарок партнеру кустик водорослей или красивую морскую звезду (Нарборо, сентябрь 1957 года)

Чета галапагосских пингвинов (Нарборо, сентябрь 1957 года)

Наш судовой врач Хайно Зоммер беседует с Пенни на борту "Ксарифы". Обратите внимание, как мал галапагосский пингвин

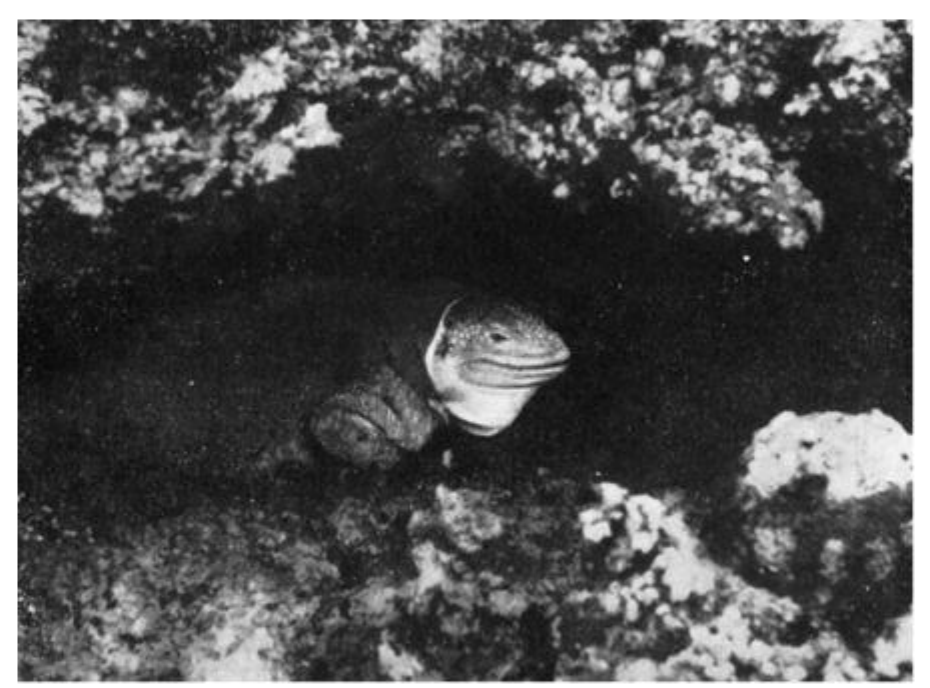
Подъем на Нарборо был трудным и долгим

Склоны вулкана Нарборо покрыты комьями застывшей лавы, которые подобны осколкам стекла

В углублениях застывшей лавы скапливается пыль и влага. Первыми здесь пускают корни кактусы, а вокруг них уже селятся насекомые и другие мелкие живые существа

Наземная игуана в лавовой пещере (Нарборо, 1000 метров над уровнем моря)

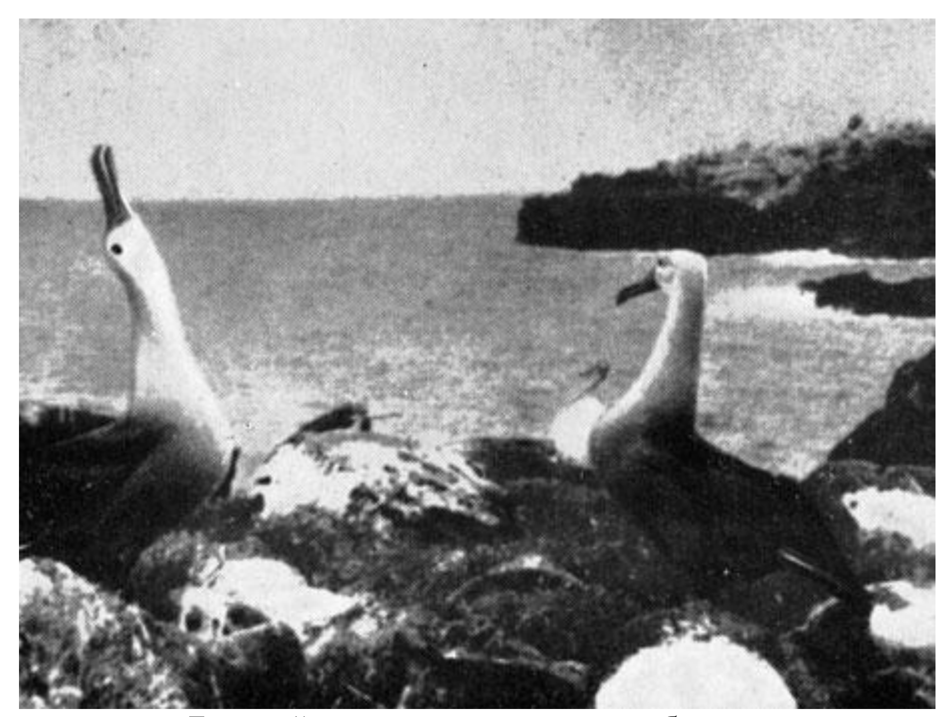
Самец редко встречающегося галапагосского котика (Джемс)

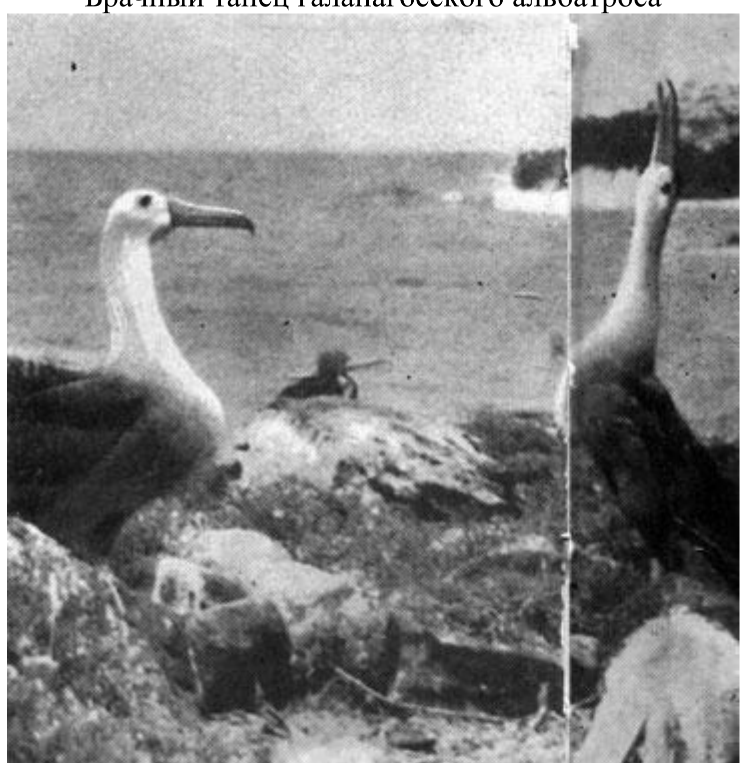
Брачный танец галапагосского альбатроса. Приблизившись, птицы трутся клювами. Они подавляют вспыхивающую агрессивность (поза угрозы), отворачивая клювы в сторону. Кланяясь, они предлагают друг другу сесть, после чего приступают к взаимной чистке оперения (Худ, сентябрь 1957 года)

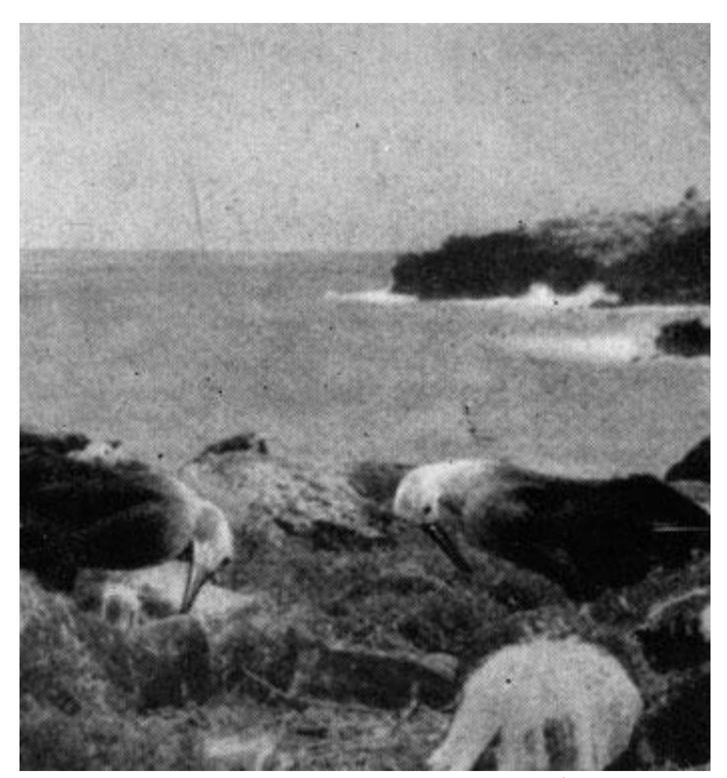
Брачный танец галапагосского альбатроса

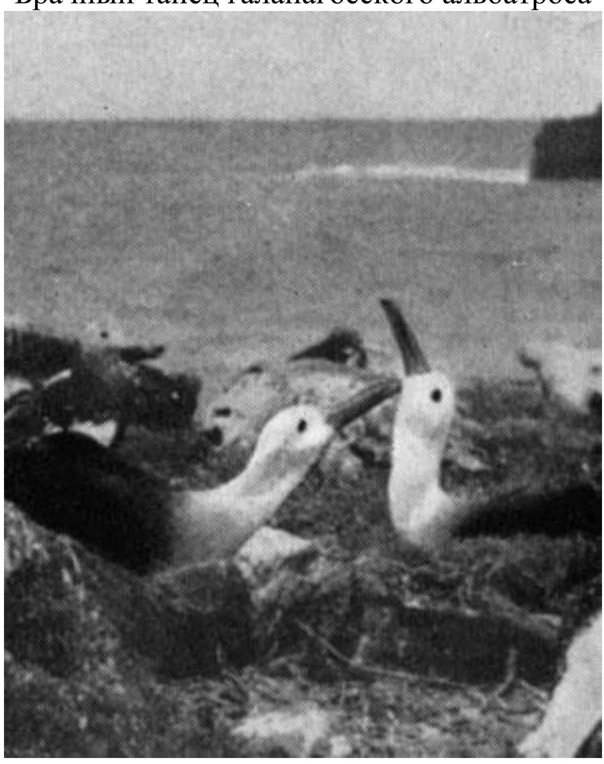
Брачный танец галапагосского альбатроса

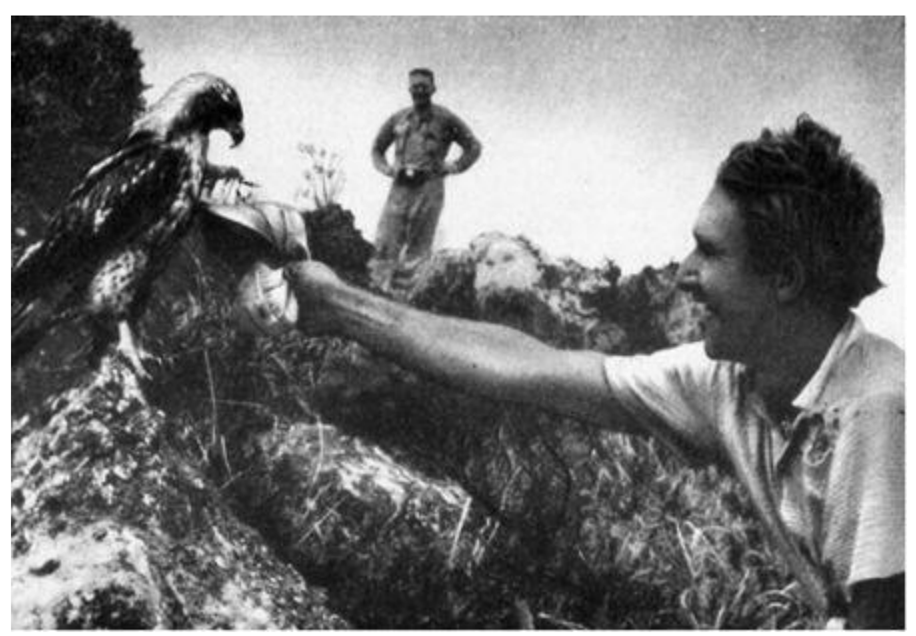
Брачный танец галапагосского альбатроса

Брачный танец галапагосского альбатроса

Брачный танец галапагосского альбатроса

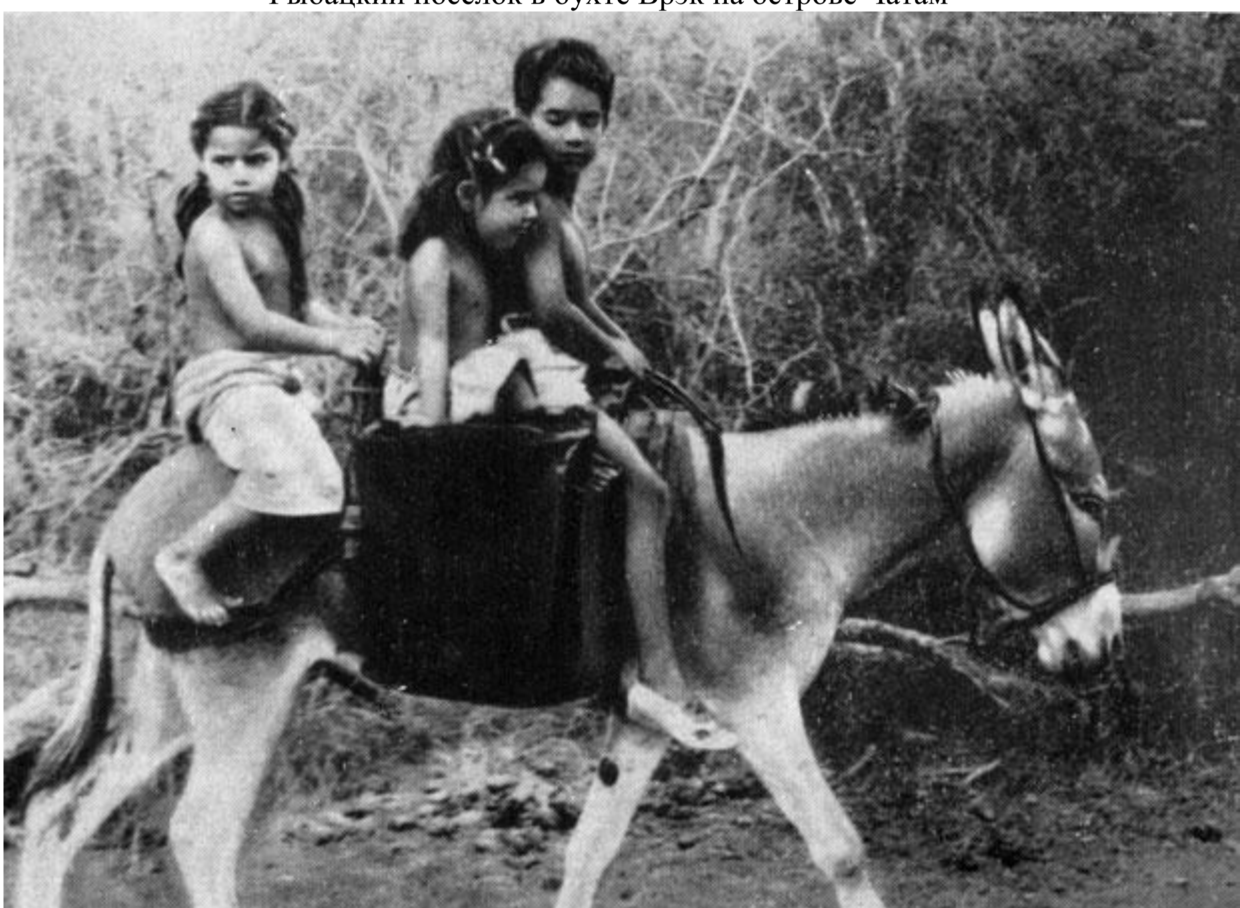
Отсутствие боязливости у галапагосских животных - одна из самых серьезных проблем в деле охраны природы. Галапагосский канюк доверчиво позволяет дотрагиваться до себя человеку

Морским львам также неведомо чувство страха

Рыбацкий поселок в бухте Врэк на острове Чатам

Дети поселенцев на Чарлзе

Мир царит в доме Карла Ангермайера: морские игуаны, живущие на побережье перед его домом, ведут себя как ручные; они едят из его рук, не обращая внимания на собаку и кошку, и не брезгуют остатками трапезы последних

Морские игуаны

Почему же лоцманы сопровождают акул? Прежде всего потому, что те служат им прикрытием, а следовательно, защитой от других хищников. Кроме того, лоцманы питаются экскрементами своего покровителя, а его зубы им не страшны - при своей ловкости они всегда сумеют избежать их. Большей частью лоцманы держатся под брюхом или около спинного плавника акулы и, только сопровождая безобидных китовых акул и мант, плавают перед самой их пастью. Однажды к югу от Цейлона доктор Хасс и я встретили в открытом океане китовую акулу. Перепуганные нашим внезапным появлением, лоцманы попрятались

в пасть и ноздри великана и дерзко выглядывали оттуда.

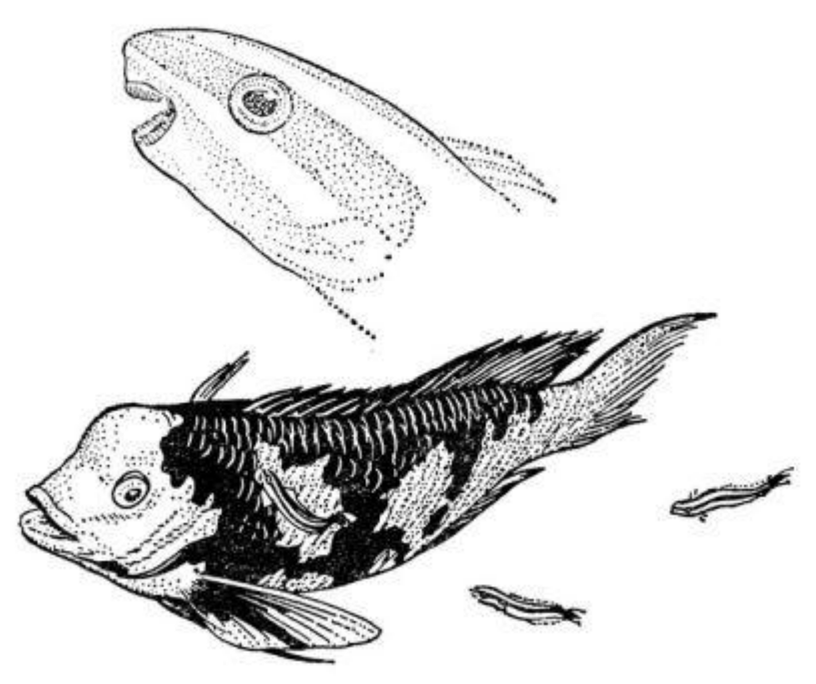
Причина, по какой рыбы-прилипалы пристают к крупным рыбам, аналогична, но по сравнению с лоцманами они достигли здесь большего совершенства. Их спинной плавник превратился в присоску, которой они прикрепляются к рыбам, правда не особенно прочно. Едва добыча появляется в пределах видимости прилипалы, как та освобождается от своих уз и кидается на промысел. Однако она ленива, плавать не любит, и, если приютившая ее акула попадается на крючок, она, оставшись без хозяина, присасывается просто к судну. Прилипалы и к нам пытались пристать. Никогда не забуду, как на Мальдивских островах одна такая рыба досаждала нашему инженеру Гиршелю. Она хотела не только основаться на его теле, но и во что бы то ни стало оторвать соски с груди бедняги. Отчаянная борьба взрослого мужчины с маленькой рыбкой являла собой весьма комичное зрелище, но Гиршель потом уверял, что зубы прилипалы не уступают рашпилю. Вид у инженера и в самом деле был весьма плачевный.

На Занзибаре прилипал используют для ловли черепах. Рыбаки привязывают веревку к хвосту прилипалы и закидывают за борт поблизости от спящей черепахи. Когда прилипала присасывается к черепахе, веревку подтягивают. Сам я на Занзибаре не был, но читал об этом в заслуживающих доверия работах.

Тем временем обитатели кораллов у скалы Ги Фавка один за другим покидали свои убежища. Их, очевидно, больше не страшили акулы, плававшие вверх и вниз метрах в двух-трех от скалы. Теперь, на виду у всех, они уже не представляли собой опасности - в любой миг от них можно было спастись бегством. Голодная акула, желающая полакомиться рыбой, которая живет в скале, нападает неожиданно и применяет особый охотничий прием. Я имел случай наблюдать его на Мальдивских островах. Акула, держась около самой скалы, пулей всплывала наверх, так что многие рыбы не успевали своевременно достигнуть спасительного рифа и, отрезанные от своего убежища, попадали хищнику в пасть. Понятно поэтому, что стоило акулам оторваться от скалы на два-три метра, как рифовые осмелели. Наиболее вызывающе вели себя радужные макрели, не достигавшие в длину и метра. Они стаей кружились около акул, словно желая присоединиться к сопровождавшей их свите, затем все, как по команде, устремились к самой крупной из них, поочередно потерлись о ее жесткую спину сначала одним, потом другим боком и молниеносно унеслись прочь. Так радужные макрели сбивали с себя паразитов. Акулам это явно не понравилось, и они исчезли в глубине моря.

Каждый, кто имел аквариум, замечал, что все рыбы очень страдают от кожного зуда и испытывают поэтому потребность чесаться. Обитатели рифов трутся о камни и кораллы, рыбы, живущие в открытом море, вынуждены помогать себе иными способами. Многие выпрыгивают из воды, а затем с силой ударяются о ее поверхность или же трутся о предметы, плывущие по течению, ну а для тех, у кого хватает ловкости использовать в своих интересах спину акул, проблема разрешается идеальным образом. Что может быть лучше для этой цели, чем жесткая, шершавая, как терка, акулья шкура?

Какая-то возня заставила меня взглянуть вниз. Пять рыбок длиной не больше семи сантиметров старались что-то сощипнуть с моих ног. Снова и снова накидывались они на меня, но я не ощущал боли и разрешал им резвиться в свое удовольствие, пока одна рыбка не обнаружила у меня на коже царапину. С удвоенной энергией она возобновила атаку, и тут я взвыл от режущей боли. Кровоточащая ранка привлекла ее товарок, а это было уже свыше моих сил. Не без труда я прогнал маленьких разбойниц. Они, выжидая, остановились поблизости над навесом скалы. Медленно выгибаясь то в одну, то в другую сторону, они, несмотря на течение, правда не сильное, удерживались на месте. Вскоре рядом появился добродушного вида подкаменщик (Bodianus eclancheris). Ничего не подозревая, он приблизился к рыбам, которые только того и ждали. Вся стайка вцепилась в его плавники. Подкаменщик на секунду замер на месте, а затем кинулся прочь как одержимый. Миниатюрные рыбки снова заняли свой караульный пост.

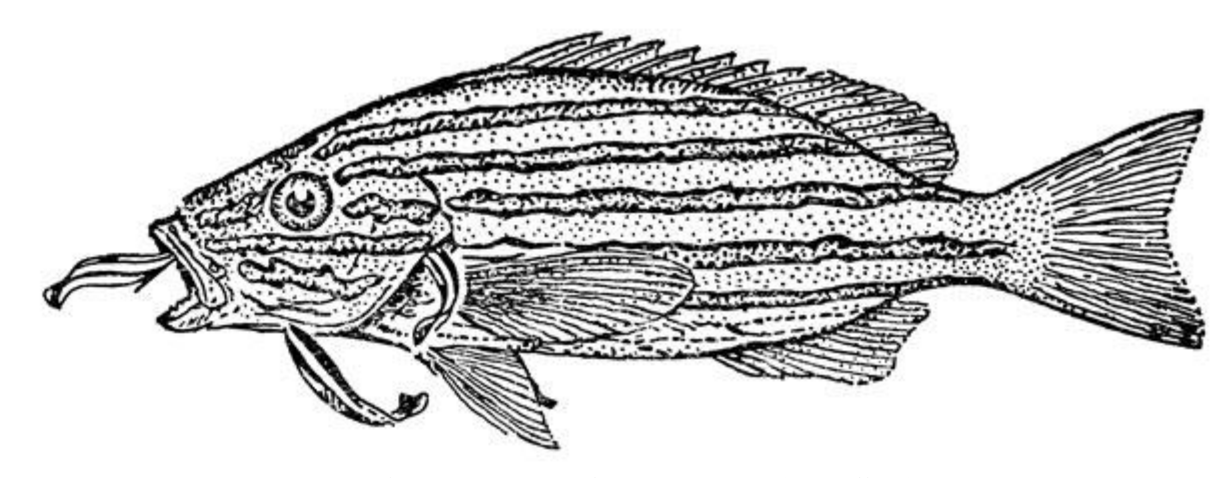

Юркие морские собачки атаковали подкаменщика. Рисунок в верхнем левом углу показывает, как грозно вооружена пасть этих маленьких рыбок

Я быстро всплыл наверх и достал из лодки предусмотрительно заготовленную палку с зарядом длиной 2,5 метра. Небольшой капсюль на конце ее я взорвал при помощи карманной батарейки. Возникающая при взрыве волна оглушает находящуюся поблизости рыбу, пловцу же она не причиняет вреда. Благодаря столь нехитрому инструменту я добыл многих редких рыб, которых по причине их небольших размеров не удавалось поймать ни на крючок, ни в сеть. Вскоре я завладел двумя маленькими разбойницами, из числа тех, что нападали недавно на подкаменщика. Только держа их в руках, я заметил, как они красивы. Оранжево-красный или лиловый спинной плавник венчала голубая каемка, заднепроходный и хвостовой плавники были оранжево-красные, и каждый луч в плавнике нес на конце утолщение нежно-голубого цвета. Спинка рыбки имела оливково-зеленую окраску, а бока украшали две продольные полосы - светло-желтая и темно-коричневая. Бросался в глаза выпуклый рот. Уже сидя в лодке, я рассмотрел рыбку в лупу и сразу понял, почему поспешил убежать подкаменщик: ее нижняя и верхняя челюсти были усажены рядом зубов, по остроте не уступавших лезвию. Этой хищной пастью, которую можно сравнить только с акульей, рыба без труда вырывает куски из тела и плавников облюбованных ею жертв. Впоследствии я не раз наблюдал близких сородичей этих рыбок, называемых морскими собачками (Runula). Они также нападали на жителей моря, особенно если замечали на их теле свежие или недавно затянувшиеся ранки.

Я поспешно опустил добытых рыб в раствор формалина и приготовил снаряжение, чтобы снова спуститься под воду. На этот раз я нырнул глубже. Проплыв 18 метров по вертикали, я нашел пещеру высотой в рост человека и длиной около трех метров. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что вся ее стена заросла губками и раковинами. На потолке у самого входа красовались морские лилии - три темных и одна лимон- но-желтая. Слабое течение колыхало их нежно очерченные окончания. Особенно прелестна была желтая лилия, выгодно выделявшаяся на серо-черном или зеленовато-синем фоне стен. Включив подводный карманный фонарь, я заметил, что на самом деле здесь преобладали красные тона, но вода поглощала красные лучи, и оттого в обычных условиях пурпур не был виден. Под самым потолком пещеры теснилась стайка большеглазых красных гусаров-рыб (Holocenthus). При свете фонаря они поражали роскошной окраской, но, стоило выключить его, становились непривлекательного темно-серого цвета. Красный тон был на этой глубине защитной окраской. Я обратил внимание, что большинство рыб плыло брюхом к потолку грота. Только когда я отогнал их ко входу в пещеру, они перевернулись. По-видимому, они

всегда обращают спину к свету, в пещере, следовательно, к светлому песчаному дну. Световой рефлекс рыб исследовал Хольст. По его наблюдениям, аквариумные рыбы неизменно поворачиваются спиной к подводимому сбоку источнику света, правда до определенного положения туловища. Но после удаления органов равновесия отпало и это ограничение, и рыбы двигались только спиной за источником света. Если их освещали снизу, они просто переворачивались вверх брюхом.

Губаны чистят рифового окуня (Evoplites)

Оглядевшись, я сел у входа в пещеру. Здесь скала образовывала крутой склон, состоявший из осколков коралла, камней и песка. Начало его терялось в мрачной глубине. Встречное течение мутило воду, оттого я мало что видел дальше 10 метров. Но и в этом коротком радиусе разыгралась захватывающая сцена, приковавшая меня к месту. Большой окунь из рода Evoplites, угрюмо поглядывая по сторонам, выруливал мягкими плавниками над дном пещеры и вскоре оказался недалеко от моих ног. Здесь он остановился над глыбой и широко раскрыл пасть, словно собираясь зевнуть. Одновременно он поднял жаберные крышки и замер в таком положении. К нему немедленно подплыли два изящных губана с широкой черной продольной полосой на боках. Двигаясь точно в танце, они - я не мог этого не заметить - направились прямо в пасть хищной рыбе и, я с трудом поверил своим глазам, мигом исчезли в ней. Я смотрел окуню прямо в рот и видел, как маленькие рыбки скребли и чистили его нёбо. Еще один губан проскользнул под жаберную крышку и столь же усердно принялся чистить полость рта окуня. Только теперь я увидел, как из нее в разные стороны разбегаются крошечные рачки. Вот почему окунь терпел губанов! Малютки освобождали его от назойливых паразитов. Через некоторое время окунь ощутил потребность вздохнуть. Он одним движением сомкнул челюсти - и я уже испугался, что он заглотнет своих маленьких помощников, но ничуть не бывало! Не закрыв пасть до конца, окунь снова широко распахнул ее, и по этому сигналу санитарная команда вышла наружу. Окунь сделал несколько сильных вздохов, после чего опять широко раскрыл пасть и разрешил чистить себя дальше. Наконец все происходившее ему надоело. Он вновь дал своим уборщикам понять, что пора бы им и честь знать. После этого он встряхнулся и уплыл. Губаны, которые, очевидно, очень хорошо поняли значение сигнала, возвратились в свое жилище. Там они принялись пританцовывать, раскачивая заднюю часть туловища, словно бы старались привлечь к себе внимание окружающих. И действительно, находившийся поблизости Evoplites virides только того, видимо, и ждал. Он также раскрыл пасть и поднял жаберные крышки, выражая этим желание подвергнуться гигиенической процедуре, и точно так же подал сигнал, когда захотел плыть дальше. Между этими двумя видами рыб явно установился настоящий симбиоз, регулируемый совершенно определенными сигнальными движениями.

Схожие до мелочей проявления симбиоза я наблюдал раньше в Карибском, а впоследствии в Средиземном морях, на Мальдивских и Никобарских островах. Следовательно, это явление широко распространено. Я установил, что почти все жители морских глубин, обитающие близ рифа, начиная от акул и кончая маленькими рыбами-

бабочками, позволяют другим рыбам чистить себя. И хищные, и миролюбивые рыбы разыскивают для этой цели торчащие из воды ветки кораллов или выступы скал, около которых привыкли селиться рыбы-"чистильщики". Последние обычно стараются своим поведением обратить на себя внимание "клиентов". Многие из губанов опрокидываются на голову, а некоторые виды рыб меняют при этом окраску - темно-синие назо, например, внезапно становятся голубыми. Все рыбы узнают "чистильщиков" и никогда не кормятся ими. Я сопоставил рыб-санитаров, жителей Карибского моря и Индийского океана. Хотя они принадлежали к различным семействам, мне бросилось в глаза их сходство в обличье. Я даже подумал, не является ли их внешнее своеобразие как бы униформой, благодаря которой другие рыбы опознают "чистильщиков". Это предположение подтвердилось позднее, когда я встретил на Мальдивских островах рыбу-имитатора. Деталями своего "костюма" и поведением она подражала живущим в тех местах губанам рода Labroides. Но это был "лжечистильщик" вида Aspidontus taeniatus. Он вводил рыб в заблуждение, чтобы суметь приблизиться к ним, и, если ему это удавалось, он набрасывался на свою жертву и выдирал куски из ее плавников, в точности как это делает морская собачка, о которой я рассказывал выше.

Постепенно усилившееся течение явно мешало работе подводных санитаров. Я подождал четверть часа, но обстановка все ухудшалась. К тому же тело мое медленно цепенело от холода, и я поспешил наверх, к свету и теплу. В лодке я снял с себя снаряжение и растянулся на солнце. Тепло приятно пронизало мои одеревеневшие ноги, и уже в полусне я краем глаза взглянул на синее небо, где фрегаты и олуши не переставали описывать бесконечные круги.

Дарвиновы вьюрки

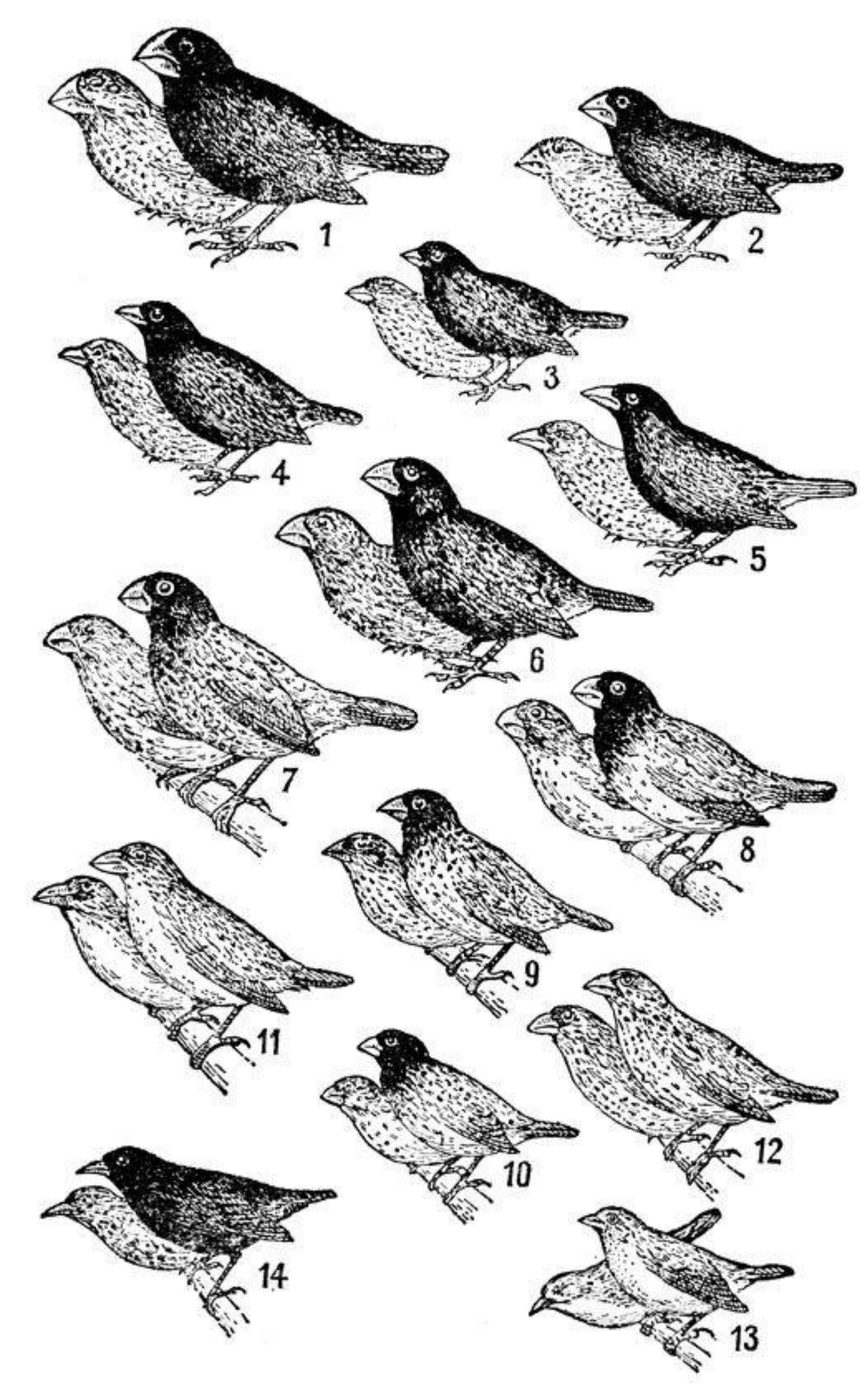
"Эти острова не отличаются многочисленностью наземных птиц, и те, которых я видел, не поражают ни новизной, ни красотой". Так писал в 1793 г. капитан Кольнетт о галапагосских вьюрках. К вышесказанному он добавил, что галапагосские вьюрки по размерам и форме тела напоминают яванских воробьев, но покрытых черными перьями.

Этой невзрачной немногочисленной группе птиц суждено было спустя несколько десятилетий произвести сенсацию в зоологии. После того как Дарвин на основании различий между черепахами с разных островов выявил существование островных рас, благодаря чему его мысли приняли то направление, которое привело к созданию теории изменчивости видов, он заинтересовался и местными вьюрками. В первом издании "Дневника путешествия на корабле "Бигль"" Дарвин ограничился короткой, лишенной особых комментариев заметкой о них и только много позже осознал, какая важная роль в понимании эволюции жизни принадлежит этим птицам. Когда, возвратившись домой, Дарвин сопоставил свои наблюдения, ему бросилось в глаза, что собранных им представителей разных видов вьюрков объединяет разительное сходство по структурным признакам. И напротив, даже близкие виды заметно отличались друг от друга по строению клюва.

У одних клюв был изогнут, как у попугая, другие обладали крепким клювом дубоноса или имели короткий клюв, типичный для вьюрков, иные напоминали формой клюва мухоловку или скворца. Но оперением и строением тела вьюрки так заметно походили друг на друга, что Дарвин не мог считать это сходство случайным. У него не оставалось сомнений в том, что вьюрки, как и черепахи, должны были иметь общего предка.

Сходство, таким образом, отражало родственное происхождение. Очевидно, некогда на Галапагосы попал один вид вьюрка. Он размножился, пока количество пищи не ограничило его дальнейшее распространение и на островах не установилось равновесие между численностью птиц и наличными пищевыми ресурсами. Мы не знаем, чем питались те вьюрки - зернами или насекомыми, да это и не столь важно. Важно другое: в тот момент, когда зерен или насекомых не стало хватать, среди птиц благодаря естественному отбору началось образование новых форм, приспособившихся к изменившимся условиям: вьюрки,

которым не хватало пищи, умирали с голоду или же переходили на новый корм. Остров мог прокормить только определенное число птиц, питающихся зернами, но еще оставалось много резервов для тех пернатых, которые, например, умели ловить насекомых, или разгрызать твердые орешки, или вытаскивать личинки из щелей в стволах деревьев, куда не могли проникнуть другие птицы, берущие насекомых. Так естественный отбор привел к образованию специализированных форм, которые благодаря разным способам добывания пищи заполнили все "запланированные" для певчих птиц места - их называют также экологическими нишами,- и на Галапагосах смогло существовать большое количество вьюрков. Возникли формы, сумевшие приспособиться к разным условиям, причем несходство в образе жизни отразилось прежде всего на форме клюва. Это показано на рисунке (стр. 107). В верхнем ряду представлены вьюрки, питающиеся почти исключительно насекомыми. Берущий насекомых вьюрок Certhidea olivacea живет как славка. Подобно ей, он обыскивает в поисках добычи ветки, листья, а также траву, и слабым длинным клювом ловит насекомых на лету. Другой насекомоядный вьюрок Cactospiza pallida выступает на Галапагосах в роли отсутствующего здесь дятла. Он ползает вверх и вниз по стволам деревьев и расширяет крепким прямым клювом трещины и щели. Дятел, как известно, выдолбив в коре дырку, достает оттуда личинки подвижным длинным языком, к которому жертвы пристают, как к смоле. Некоторые виды дятлов пронзают насекомое языком, как гарпуном. У галапагосского дятлового вьюрка длинного языка нет. Он действует единственно возможным для себя способом: обнаружив в расширенной им щели или под корой насекомое и убедившись, что он не в силах вытащить его, дятловый вьюрок схватывает кактусовую иглу и, держа ее в клюве за один конец, тычет другим в дырку до тех пор, пока насекомое не выползет наружу. Тогда вьюрок бросает иглу и хватает свою добычу. Замечательный пример того, как птицы пользуются орудиями!

Дарвиновы вьюрки, расположенные по степени их сходства. 1 - большой земляной вьюрок, Geospiza magnirostris Gould; 2 - средний земляной вьюрок, G. fortis Gould; 3 - малый земляной вьюрок, G. fuliginosa Gould; 4 - остроклювый земляной вьюрок, G. difficilis Sharpe; 5 - кактусовый земляной вьюрок, G. scandens Gould; 6 - большой кактусовый земляной вьюрок, G. conirostris Ridgway; 7 - толстоклювый древесный вьюрок, Camarhynchus crassirostris Gould; 8 - попугайный древесный вьюрок, C. psittacula Gould; 9 - большой древесный вьюрок, C. pauper Ridgway; 10 - малый древесный вьюрок, C. parvulus (Gould); 11

- дятловый древесный вьюрок. Cactospiza pallida (Sclater et Salvin); 12 - мангровый древесный вьюрок, C. heliobates (Snodgrass et Heller); 13 - славковый вьюрок, Certhidea oliracea (Gould); 14- кокосовый вьюрок, Pinaroloxias inornata (Gould)

Некоторые вьюрки даже заготавливают иглы перед охотой, чтобы воспользоваться ими при первой же надобности.

Очень похожий клюв имеет мангровый вьюрок - Cactospiza heliobates, также питающийся насекомыми. Курио и Крамер недавно установили, что он, как и дятловый вьюрок, пользуется орудием для ловли добычи. Эта птица водится исключительно в зарослях мангровых на побережье океана.

Попугайный древесный вьюрок (Camarhynchus psittacula), большой древесный вьюрок (Camarhynchus pauper) и малый древесный выорок (Camarhynchus parvulus) не ограничиваются одним видом пищи. Предпочитая насекомых, они берут также ягоды, листья. Сходство их клюва с клювом растительноядного Camarhynchus crassirostris отображает их близкое родство, но вовсе не одинаковый образ жизни. Остроклювый земляной вьюрок (Geospiza difjicilis) водится подобно нашему черному дрозду во влажных лесах, растущих на островах Джемс, Индефатигебль и Абингдон. Длинный острый клюв увеличивает его сходство с дроздом. Земляной вьюрок обшаривает им землю, разыскивая в листьях насекомых и червей, но не брезгует и ягодами. На Кулпеппере, Уэнмане и Тауэре он живет на сухих равнинах и питается семенами, а на Кулпеппере, кроме того, еще и кактусами, а также, как недавно установил Боумэн, кровью олушей, кожу которых прокусывает между перьями.

У видов, предпочитающих растительную пищу, например у большого, среднего и малого земляного вьюрка (Geospiza magnirostris, G. fortis, G. fuliginosa), клюв обычно более твердый. Основной их корм составляют семена, питаются они также плодами, нектаром цветов и изредка насекомыми. Большой земляной вьюрок с твердым клювом ведет себя как наш дубонос. Большой кактусовый земляной вьюрок (Geospiza conirostris) регулярно поедает семена, но не прочь полакомиться также плодами кактуса и насекомыми. Этот вид, как, впрочем, и некоторые другие вьюрки, образует различные расы и на самом северном острове - Кулпеппере - заменяет отсутствующего там большого земляного вьюрка. Соответственно и клюв у него более твердый.

Особая специализация наблюдается у кактусового земляного вьюрка (Geospiza scandens). Длинным клювом он ковыряет в цветах, высасывает нектар, достает насекомых, вскрывает сочные плоды кактусов и поедает их содержимое вместе с семенами. А вот толстоклювый древесный вьюрок (Camarhynchus crassirostris) - вегетарианец. Его клюв напоминает клюв попугая; питается он исключительно листьями и плодами и лишь изредка подбирает насекомых.

Адаптация формы клюва дарвиновых вьюрков. 1 - дятловый вьюрок, использующий орудия; 2 - насекомоядный вьюрок; 3 - мангровый вьюрок; 4- попугайный древесный вьюрок (насекомоядный); 5 - большой древесный вьюрок (насекомоядный); в - малый древесный вьюрок (насекомоядный); 7 - остроклювый земляной вьюрок; я -большой земляной вьюрок; 9 -средний земляной вьюрок; 10 - малый земляной вьюрок; 11 - большой кактусовый земляной вьюрок; 12 - кактусовый земляной вьюрок; 13 - древесный вьюрок-вегетарианец

Эта группа неприметных маленьких птиц действительно может служить одной из наиболее ярких иллюстраций к истории образования видов. У Чарлза Дарвина мы читаем по этому поводу: "Наблюдая эту постепенность и различие в строении в пределах одной небольшой, связанной тесными узами родства группы птиц, можно действительно представить себе, что вследствие первоначальной малочисленности птиц на этом архипелаге был взят один вид и видоизменен в различных целях"1. А годом раньше Дарвин писал в письме, что картина распределения животных на Галапагосских островах и характер найденных в Южной Америке ископаемых останков млекопитающих настолько поразили его, что он стал упорно собирать всевозможные факты, которые могли бы тем или иным путем решить вопрос, что, собственно, представляет собой вид. "Наконец на меня нашло просветление, и теперь я почти убежден (совершенно наперекор моему первоначальному мнению), что виды (это похоже на признание в совершении убийства) не неизменны"

1 (*Ч. Дарвин, цит. соч., стр. 408. - Прим. ред.*).

В кактусовом лесу за поселком на берегу Академической бухты я часами с удовольствием наблюдал за неутомимыми птицами. Малые земляные выорки (Geospiza fuliginosa) - самец черный, самка каштановая - выклевывали семена из трещинок в почве. На соседней опунции бодро прыгали два кактусовых вьюрка (Geospiza scandens). Они были немного больше других земляных вьюрков, и клювы у них были длиннее и толще. Орудуя ими, как пинцетом, выорки пытались извлечь насекомых из щелей в коре. Но, должно быть, на кактусе удача не сопутствовала им, потому что вскоре они перешли на дерево эритрины, щеголявшее убором из красных цветов на голых ветках. Там, по-видимому, птицы нашли богатую добычу. Выорки шумно возились меж цветов, и среди них славковый вьюрок, (Certhidea olivacea), который сидел на сучке и каждый раз чуть взлетал кверху, чтобы схватить насекомое, в точности как это делает наша северная мухоловка. Этот маленький вьюрок по внешнему виду очень далеко отошел от своих собратьев. Его темная каштановая спина отливала оливково-зеленым, брюхо было светло-серым, а горло и "лицо" до самых глаз - оранжевыми. По ярко окрашенному горлышку я понял, что вижу самца. Клюв у него был тонкий и острый. У моих ног самец вьюрка Camarhynchus crassirostris клевал листья кротона. У птицы был массивный крепкий клюв, голова и шея черные, все остальное тельце серо-коричневое с более темными пестринами. Когда поблизости показалась самка - ее нельзя было не узнать по однотонному серо-коричневому оперенью,- самец прекратил клевать и направился к ней. Она стояла как бы в ожидании и разрешила ему кормить себя. Самец и самка явно хорошо знали друг друга. После обмена любезностями они взлетели на высокий куст кордии и исчезли в закрытом гнезде.

Все вьюрки строят шарообразные гнезда. Крыша, видимо, служит для защиты яиц от действия солнечных лучей. Английский ученый Давид Лэк, наблюдавший дарвиновых вьюрков в неволе и в естественных условиях, сообщил некоторые интересные подробности о том, каким образом очень схожие между собой вьюрки опознают членов своего вида. Они используют при этом различия в клюве. Особи вида, обладающие очень своеобразными клювами, узнают друг друга с первого взгляда. Если же они допустили ошибку, то она выявляется при приветствии: вьюрок выражает свою нежность тем, что кормит партнершу, обхватывая ее клюв своим клювом. Кстати говоря, кормление представляет собой символическое действие, при помощи которого самец заявляет, что готов заботиться о будущем потомстве.

Первая встреча с дятловым вьюрком навсегда врезалась мне в память. Неприметного серого цвета вьюрок усердно долбил клювом кору. Время от времени он прикладывал ухо к стволу, словно старался расслышать шорохи насекомых. Так он продвигался вдоль гнилого сука, пока не обнаружил ход, проделанный личинкой жука, и не вскрыл его. Затем вьюрок подлетел к соседнему кактусу, долго выбирал подходящую иглу, наконец сорвал ее и вернулся на свое рабочее место. Держа в клюве один конец иглы, он принялся другим шарить в ходе личинки, пока не наколол насекомое на иглу. Вытащив личинку наружу, он снял ее с иглы, иглу отбросил в сторону, а личинку съел. Впоследствии я ближе

познакомился с техникой использования орудий вьюрками. Тыча веточкой в дерево, вьюрок способен выгнать из убежищ даже движущихся насекомых. Точно так же мы в детстве соломинкой заставляли стрекоз выходить из ямок, где они до того старательно прятались. Но чаще всего вьюрок овладевает своей добычей, прижимая ее кактусовой иглой или веточкой к стенке хода и медленно поднимая к краю лаза.

Орудие часто служит зондом вьюрку, когда он ищет себе пропитание в щелях и трещинах стволов.

Примечательно, что выорок и сам умеет делать нужное ему орудие. Если он не находит подходящей по длине веточки, он берет более длинную и укорачивает. От веточки, имеющей форму вилки, он отламывает боковой отросток, превращая ее таким образом в зонд.

Дятловый вьюрок применяет свое орудие в зависимости от обстоятельств столь различными способами, что поневоле начинаешь подозревать, не действует ли он в какой-то мере сознательно. Об уме этой птицы, бесспорно, свидетельствует ее манера развлекаться. У меня был ручной самец дятлового вьюрка. Наевшись, он вынимал из миски оставшихся хрущаков, прятал и тут же доставал их при помощи орудия, но лишь для того, чтобы снова спрятать. Его игра напоминала в этом смысле забавы некоторых высокоорганизованных млекопитающих, например собаки, которая приносит мяч на возвышенность, кладет на край откоса и скатывает вниз движением лапы, затем мчится под гору и там ловит мяч. Поразительно, что дятловый вьюрок все время сам воссоздает исходные условия, необходимые для его игры.

Позднее я завел пару вьюрков. Они развлекались тем, что, стоя по бокам расщепленного во многих местах бревна, веточкой, зажатой в клюве, толкали друг другу хрущака, которого до этого сами же спрятали.

Молодой самец, попавший в неволю вскоре после того как он вылетел из гнезда, не умел пользоваться орудием. Правда, он брал в клюв веточку и шарил ею по клетке, но стоило ему увидеть в щели насекомое, как он бросал ее и старался достать добычу одним клювом. Только постепенно он научился использовать веточку для обшаривания щелей. Сначала самец пытался употребить для этой цели мягкую жилку листа, слишком толстую или слишком длинную щепочку и другие неподходящие предметы. Это доказывает, что природа наделяет животных только сознанием необходимости применять орудие, а техникой пользования им они должны овладеть сами.

По наблюдениям ученых, лишь очень немногие животные умеют применять орудия. Когда ягнятник с большой высоты бросает на скалу кость, чтобы раздробить ее, или певчий дрозд разбивает о камень панцирь улитки, то они лишь используют в своих интересах твердое основание. Чтобы вскрыть орех лещины, пестрый дятел зажимает его в развилку ветки или в щель в коре и выдалбливает его содержимое. Иногда он прежде сам мастерит себе кузню.

Применение орудий в полном смысле этого слова мы наблюдаем у беседковых птиц Австралии и Новой Гвинеи. Мой друг Сильман недавно сделал фильм об этих птицах. В период токования самцы некоторых видов строят беседки и украшают их камушками, цветами, панцирями улиток. Особи двух видов с помощью нехитрых "кистей" разрисовывают стены беседок своей окрашенной слюной. Хохлатая беседочница (Sericulus chrysocephalus) употребляет для этой цели обрывки листьев, сине-черная листовка (Ptilonorhynchus violaceus)-кусочки коры, которые она предварительно разжевывает.

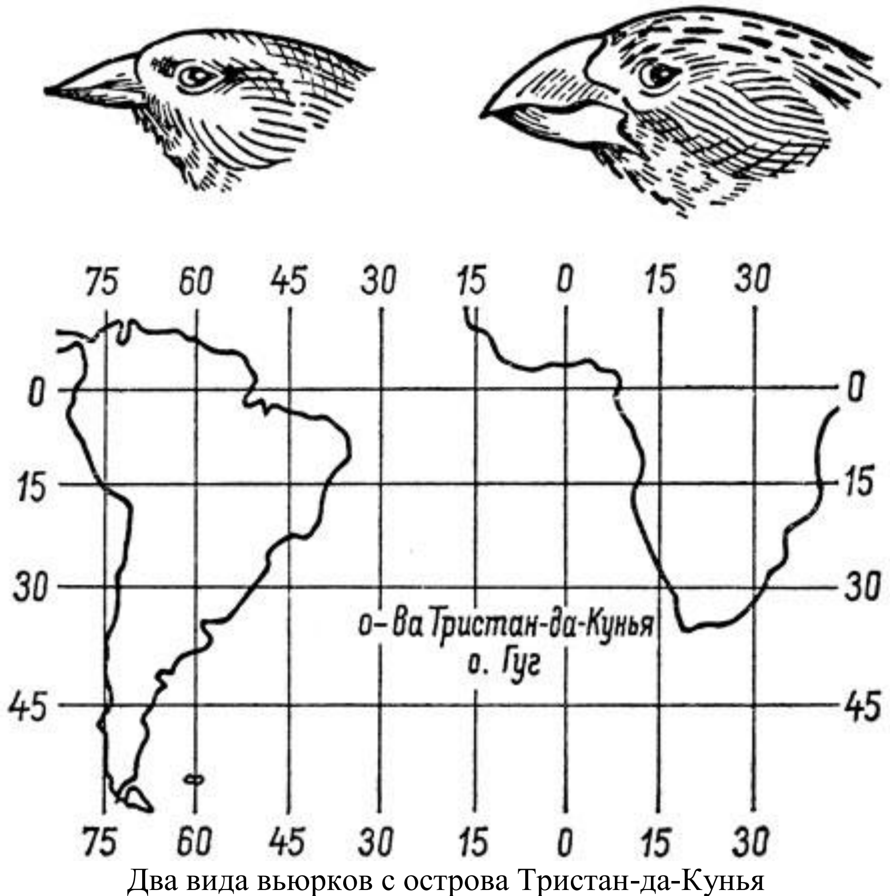
Даже среди млекопитающих редкие виды обладают способностью пользоваться орудиями. Каланы разбивают раковины о плоский камень, который они, плывя на спине, ловко удерживают на животе. Каланы, обитающие у берегов Калифорнии, запасаются камнем еще до начала поисков пищи и зажимают его между задними лапами или между задней лапой и хвостом. Известно, наконец, сколь разумно пользуются орудиями шимпанзе, причем не только в неволе, но, как показали недавние исследования, и в естественных условиях.

"Сознательное" применение орудий, присущее дятловому вьюрку, встречается

исключительно редко. Потому-то я потратил много часов, наблюдая птиц в их природной среде.

Как-то раз в кактусовом лесу возникло сильное волнение: на одно из деревьев опустился канюк. Вьюрки, чувствовавшие себя в безопасности под прикрытием кустов, заверещали со всех сторон, некоторые даже отважились сделать вид, будто собираются напасть на хищника. Канюк не выдержал и улетел. Он и сова - единственные враги взрослых вьюрков, птенцам же еще угрожают змеи. Многие певчие птицы подымают вокруг хищников шум, который их пугает и в конце концов заставляет улететь прочь.

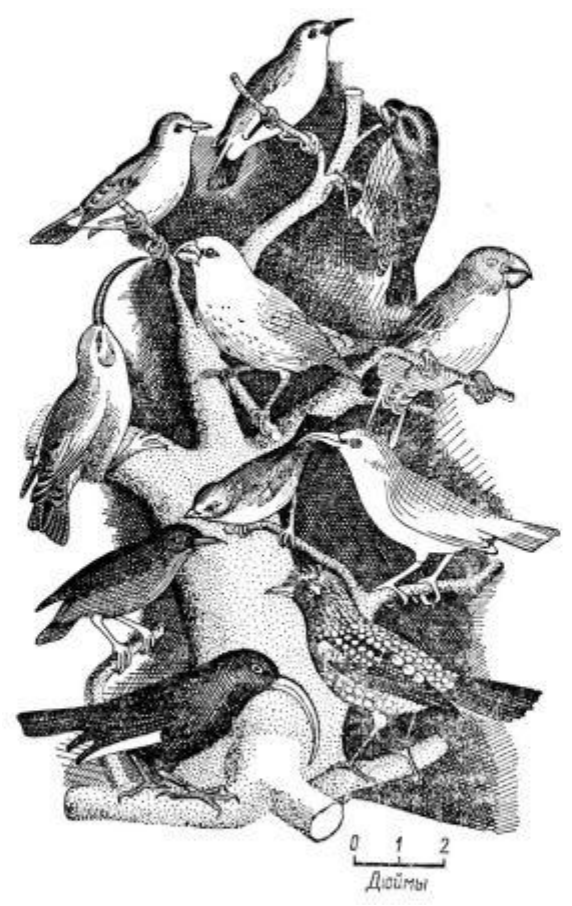
По мнению Давида Лэка, на Галапагосских островах насчитывается 13 видов вьюрков, объединенных в три рода. Отдельные виды, кроме того, образуют на некоторых островах многочисленные подвиды. Сварт, проведший сравнительное изучение всех подвидов, признает существование 37 островных форм. Все дарвиновы вьюрки - маленькие короткохвостые птицы с серо-коричневым оперением, самцы иногда целиком или частично черные. Наиболее отличительной внешностью обладают вьюрки-мухоловы. Все строят закрытые гнезда, откладывают белые яйца с розовыми крапинками и живут парами. Каждый самец занимает определенную гнездовую территорию, где он поет и ухаживает за самкой; таскает материал для постройки гнезда и вкладывает корм в клюв подруги.

Два вида вьюрков с острова Тристан-да-Кунья

Как это ни странно, на многих других океанских островах, например на Азорах, не существует форм, параллельных дарвиновым вьюркам. Только на двух архипелагах - Тристан-да-Кунья и Гавайях - у наземных птиц, подобно тому, как это произошло у галапагосских вьюрков, от первоначального вида в результате эволюции откололись и развились специально приспособленные к окружающей среде многочисленные формы. На островах Тристан-да-Кунья в южной части Атлантического океана, представляющих собой в какой-то мере Галапагосы в миниатюре, живут два вида вьюрков рода Nesospiza, которые по величине, форме клюва и, уж конечно, по образу жизни явно отличаются друг от друга. Вид, для которого характерны меньшие размеры, распадается, кроме того, на три островные расы. Второй пример - гавайские цветочницы (Drepanididae), обитающие на Гавайях. Эти острова первоначально были колонизованы пятью воробьиными птицами: вороной (Corvus),

мухоловкой (Chasiempsis), дроздом (Phaeomis), медососом, который модифицировался в два рода - Chaetoptila и Moho, и, наконец, гавайской цветочницей. Последняя дала начало множеству форм, несходство между которыми еще более разительно, нежели между дарвиновыми вьюрками. Праотцом гавайских цветочниц также был вьюрок, но в процессе эволюции некоторые из существующих в настоящее время 18 видов сильно отошли от первоначальной формы. Среди обитателей Гавайев одни питаются насекомыми, другие - семенами, третьи, подобно дятлам, в поисках добычи долбят деревья, четвертые уничтожают плоды, пятые высасывают нектар, и все они имеют клювы различной формы. Очень своеобразным клювом обладает разно- клюв - Heterorhynchus: его подклювье короткое и острое, как долото, а надклювье зондообразное, в два раза длиннее и загнуто вниз. Как и наш дятел, эта птица ползает по стволам деревьев и охотится за личинками жука-дровосека. Короткой острой половиной клюва она пробивает в стволе щель, а длинной, загнутой достает личинки.

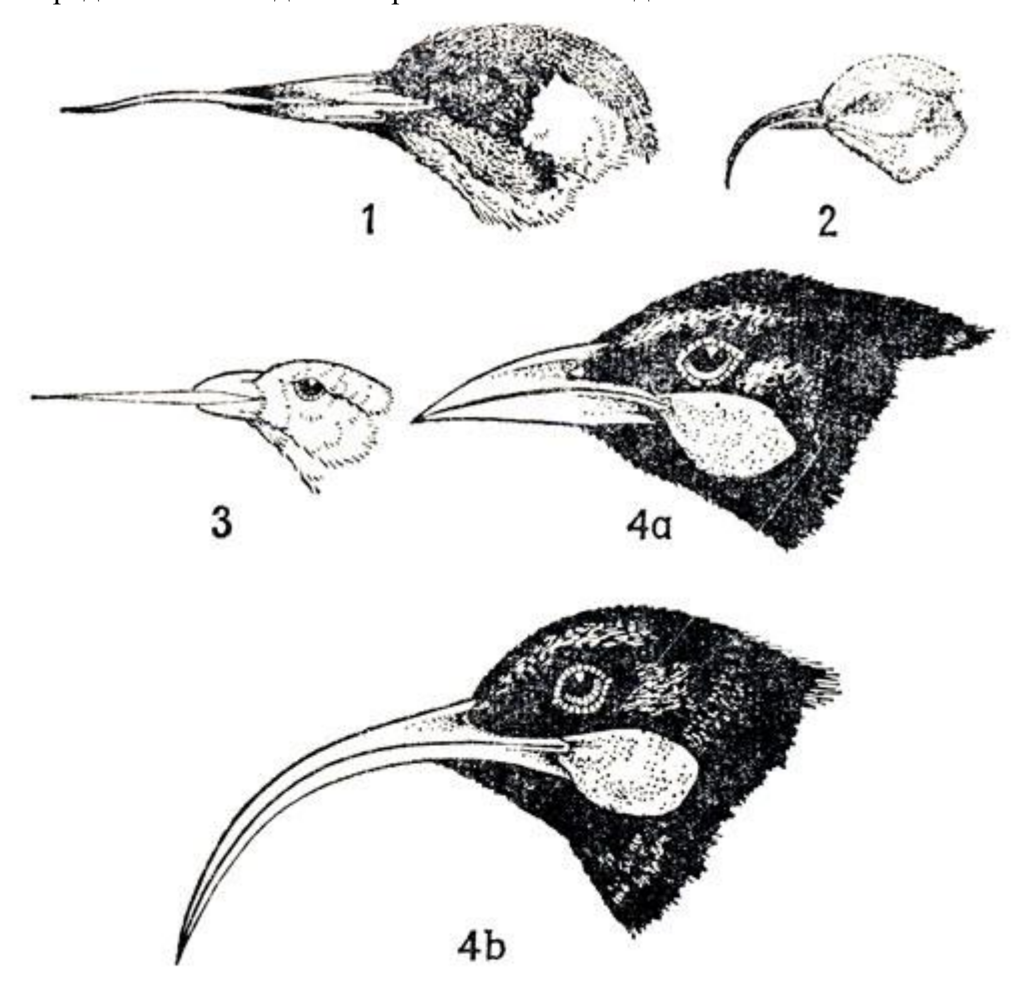
Гавайские цветочницы, параллель дарвиновых вьюрков

Это третий из известных нам способов добывания насекомых из ствола дерева. Северные дятлы достают себе пропитание, ударяя по дереву клювом и зондируя трещину длинным языком; галапагосский вьюрок пользуется для этой цели клювом и кактусовой иглой, а гавайский разноклюв - попеременно подклювьем и надклювьем. Кстати, мы можем рассказать и о четвертом способе: самец вымершей, к сожалению, новозеландской гуйи1 (Iieterolochia acutirostris) имеет прямой и короткий, как у дятла, клюв, а самка - вытянутый и загнутый книзу, как у гавайского Heterorhynchus. То, что последний делает один, чета новозеландских "дятлов" одолевает совместными усилиями. Самец долбит ствол, самка зондирует дырку в поисках насекомых.

1 (*Птица недавно была вновь обнаружена*)

Пестрые гавайские цветочницы и неприметные маленькие галапагосские вьюрки приближают нас к пониманию великой тайны происхождения видов. Ученые еще не пришли к окончательным выводам относительно того, может ли вид выделять новые виды и расы без хотя бы временной географической изоляции. Для образования видов необходимо, чтобы

обмен генами внутри расщепляющейся на новые виды популяции был сведен к минимуму. Поэтому многие авторы считают географическую изоляцию необходимым условием. Предполагается, что вид, представленный на двух островах, на каждом развивается своим путем, даже если оба они ведут одинаковый образ жизни и вообще существуют в сходных условиях. Случайные наследственные изменения со временем закрепляются, и в конце концов популяции этих островов могут настолько отойти друг от друга, что животные, встречаясь, не скрещиваются между собой. Если впоследствии эти животные попадают в одно местообитание и в одинаковые условия, то один вид вытесняет другой или же под влиянием естественного отбора имеющиеся незначительные различия - например, в способе добывания пищи - усугубляются и обе формы все больше соответствуют различным экологическим нишам. Это можно наблюдать и на Галапагосах. На острове Чарлз живут попугайный и средний древесный вьюрки (Camarhynchus psittacula и C. pauper), так похожие друг на друга, что, существуй они на различных островах, мы бы имели право говорить о двух подвидах одного вида. Но раз они сосуществуют не смешиваясь, значит, здесь имеется два самостоятельных вида, которые происходят от двух докатившихся в свое время до островов волн представителей одного первоначального вида.

Способы извлечения насекомых из коры деревьев различными птицами. 1- дятел долбит клювом, зондирует длинным языком; 2 - разноклюв (Heterorhynchus) пробивает дерево коротким подклювьем, зондирует длинным надклювьем; 3 - дарвиновый вьюрок (Camarhynchus) долбит клювом, зондирует иглой кактуса; 4а - гуйя-самец (Heterolochia) долбит коротким клювом; 4b -гуйя-самка зондирует длинным клювом

О чем рассказывают килехвосты

Человека вечно снедает любопытство! Его влекут к себе неведомые края, но стоит ему

взглянуть на чужую жизнь, как он уже горит желанием проникнуть в ее историю. Вот и нас занимал вопрос: когда и как возникли Галапагосские острова? Подняты ли они из морской пучины вулканическими силами недр или же представляют собой остатки древнего материка, имевшего некогда сухопутную связь с Южной Америкой? Ископаемых остатков найдено слишком мало, чтобы по ним можно было с уверенностью судить о возрасте островов. Геология тоже бессильна нам помочь: кроме высоко поднятых раковинных банок, датируемых плиоценом, все следы древности уничтожены бурной вулканической деятельностью. Однако мы все же в состоянии заглянуть в глубь веков, стоит лишь внимательнее присмотреться к удивительной фауне Галапагосов. Сразу же бросается в глаза, что на архипелаге нет амфибий и - за исключением летучей мыши и крысы - наземных млекопитающих, а змеи представлены только одним родом. Из 89 птиц, гнездящихся на архипелаге, 37 принадлежат к различным видам и подвидам дарвиновых вьюрков, которые, как мы уже говорили, ведут начало от одной первоначально заселившей острова формы. Многие семейства животных, богато представленные в Южной Америке, здесь полностью отсутствуют. Такие же пробелы наблюдаются и в наземной флоре. На островах, например, вовсе не растут лилейные и голосеменные. Из всего этого можно заключить, что Галапагосы никогда не были соединены с американским материком посредством суши, в противном случае на архипелаге была бы распространена значительная часть типичных южноамериканских животных и растений. Галапагосы, вне всякого сомнения, поднялись со дна океана, следовательно, всем переселенцам, чтобы достигнуть островов, приходилось преодолевать долгие километры открытого моря, что могли выдержать очень немногие.

Этой точки зрения придерживались многие ученые, в том числе Дарвин, Уоллес, Агассис, Вагнер, Снодграсс и Таунсенд. Американский энтомолог Фрэнсиз Уильяме, изучавший бабочек Галапагосов, также высказался в пользу океанической теории. "Остров континентального происхождения при условии, что фауна его не была уничтожена в результате какой-либо катастрофы, должен был бы иметь сравнительно большое число видов... а поскольку, очевидно, климат в течение долгого периода времени не изменялся, сохранилась бы флора, родственная растительности того континента, от которого отделился остров. В таком случае выжило бы по крайней мере множество насекомых, а мы убедились в том, что мир насекомых на Галапагосах весьма беден. Напротив, материк в любой его части - будь то Мексика, Панамский перешеек или области Южной Америки- по сравнению с Галапагосами изобилует бабочками". К этому можно добавить слова ботаника Стюарта: "Конечно, при отделении острова от континента, когда между ними пролегают огромные морские просторы, условия жизни на острове изменяются, но все же не настолько, чтобы одни семейства вымерли целиком, а в других число родов и видов уменьшилось в такой степени, в какой это произошло на Галапагосах".

Имеется, однако, ряд естествоиспытателей, считающих, что когда-то между Галапагосами и одним из континентов существовал сухопутный мост. Американский зоолог Ван Денбург, изучавший галапагосских черепах, пришел к выводу, что гигантские рептилии перешли на острова по сухопутному перешейку:

"Черепахи, правда, способны, по крайней мере в течение нескольких дней, находиться в морской воде, но при этом они совершенно беспомощны. Не умея плавать, они целиком оказываются во власти ветров и течений. Если волны и выносят их на берег, то с такой силой бьют о скалы, что животные получают тяжелые увечья, в результате которых могут прожить лишь несколько дней. Тот факт, что каждый остров, за исключением Альбемарля, обладает одной-единственной хорошо выраженной островной расой, доказывает, что обмен черепахами между островами отсутствует, в противном случае подобный обмен воспрепятствовал бы образованию островных рас или привел бы к сосуществованию нескольких форм на одном острове.

Но коль скоро черепахи не перемещаются с острова на остров, трудно допустить, что в отдаленном прошлом они оказались в состоянии преодолеть обширное океаническое пространство, отделяющее Галапагосы от любого континента, и достичь каждого из 11

островов, на которых они и обосновались. Пример с черепахами - серьезный довод против сторонников гипотезы океанического происхождения островов, считающих, что они в разное время и вне зависимости друг от друга поднялись из вод океана и постепенно заселялись животными, которых волна прибивала к их берегу. Логичнее предположить, что острова представляют собой остатки огромного некогда существовавшего массива суши, на котором, по-видимому, обитали черепахи. В результате постепенного опускания суши ее возвышенные части оказались разделенными водой. Вследствие изоляции черепах на этих островах из первоначальной формы позже развились отчетливо различающиеся между собой расы или виды".

На доводы Ван Денбурга можно многое возразить. Прежде всего, черепахи вовсе не так беспомощны в воде, как он это себе представляет. Биб, бросивший черепаху в море, был поражен ее умением плавать:

"Я был удивлен тем, как легко и хорошо плыла черепаха. Она приблизилась к моторной лодке, в которой я сидел, но, убедившись, что ей не подняться на высокий борт, повернула и направилась к "Номе", все время держа шею высоко над водой. Она взяла курс на трап, повинуясь только своему желанию и не сообразуясь с тем, плывет она по течению или против, хотя здесь оно было довольно сильное. Эти животные прекрасно владеют в воде своим телом, во всяком случае какое-то время".

Наличие островных рас вовсе не доказывает, что между островами в прошлом не происходило обмена. К тому же не обязательно черепахи попадали на каждый остров в отдельности. Как мы увидим ниже, многое говорит в пользу мнения, разделяемого и Ван Денбургом, что когда-то эти острова соединялись между собой сушей, но никогда не были связаны с Южноамериканским континентом. Если это предположение верно, то для распространения на Галапагосах черепах достаточно, чтобы единожды за много миллионов лет к их берегу прибило лишь одну оплодотворенную черепаху.

Важнейший аргумент приверженцев гипотезы сухопутного моста сводится к тому, что столь отдаленные острова не могут быть обязаны своей фауной и флорой только морскому течению.

Но это вовсе не так невероятно. Достаточно посмотреть, какие гигантские деревья выносят реки в моря при наводнениях, чтобы убедиться в том, что на их стволах животные могут совершать далекие путешествия. В наше время течение Гумбольдта донесло бы подобный плот на Галапагосы за 2-4 недели. Полинезийские острова, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, Сейшельские и многие другие, были заселены именно таким образом, и ни одному исследователю не пришло в голову соединять каждый островок сухопутным мостом с сушей. Наконец, убедительный пример заселения морским путем дает индонезийский остров Кракатау. Как известно, в 1883 г. здесь произошла катастрофа. Часть острова взлетела в воздух, а то, что осталось от него, было погребено под многометровым слоем раскаленного пепла. Все живое погибло. Через три года, однако, на Кракатау уже обнаружили синие водоросли, 11 видов папоротника и 15 различных видов цветковых растений. Спустя еще шесть лет, в 1889 году на острове собирали пауков, жуков, бабочек, клопов и варанов рода Varanus bivittatus. В 1906 году на Кракатау насчитали 114 видов растений, а в 1908 году - 240 видов членистоногих, 2 вида пресмыкающихся, 16 видов птиц и 4 вида наземных улиток. В 1921 году число видов животных, обитающих на острове, увеличилось до 573. Среди них было 26 видов птиц, 2 вида летучих мышей, домашняя крыса и змея Python reticulatus. Переселение живых существ на Кракатау происходило так быстро потому, что соседний остров Сибезиа находится от него всего лишь в 19 километрах. Обитателям Галапагосов пришлось, конечно, преодолеть куда больший путь, но в их распоряжении были миллионы лет. Предполагается, что острова возникли в раннее третичное время, а за столь длительный период на них могло быть занесено и значительно больше животных и растений.

Сегодня, несмотря на отсутствие в наземном органическом мире Галапагосов многих характерных групп животных и растений, на островах установился хорошо уравновешенный

биоценоз. Это объясняется тем, что пришельцы, например вьюрки, хорошо вписались в свободные экологические пиши.

Большинство галапагосских животных и растений имеет или имело близких сородичей на Южноамериканском континенте, значит, их родину, бесспорно, следует искать там. И только один моллюск - наземная улитка - происходит из Полинезии. Он проделал путь в 3000 морских миль! Но поскольку этот вид - единственный полинезийский элемент в галапагосской фауне, никто не собирается возводить мост между архипелагом и Полинезией. Таким образом, животные и растения Галапагосов представляют собой как бы живой учебник истории.

Какие же еще сведения мы можем почерпнуть из него? Нам помогут в этом маленькие подвижные килехвосты, а также змеи и геконы, которые на каждом острове образуют самостоятельные расы, более или менее отличающиеся одна от другой. Мы сейчас будем говорить о том, что это значит, но предварительно несколько слов о ящерицах и змеях.

Все наземные змеи Галапагосов принадлежат к роду Dromicus, встречающемуся также на Южноамериканском континенте. Известны три круга форм, включающие в себя восемь островных рас. Одну из этих рас автор открыл на острове Чатам, где до того наземные змеи не были обнаружены. Наземные змеи водятся в засушливом прибрежном поясе, где охотятся на килехвостов и крыс. Змеи очень пугливы, не ядовиты, обычно не длиннее метра, имеют коричневую кожу с двумя светло-желтыми полосками или двойным рядом параллельных квадратных пятен на спине.

Килехвосты принадлежат к роду Tropidurus, также распространенному в Южной Америке, но все виды, обитающие на Галапагосах, являются эндемичными формами. Самцы - их предельная длина 30 сантиметров, хотя чаще всего они этих размеров не достигают,- как правило, темно-серого цвета, с черными пятнами на спине, красноватыми боками и брюхом и темным, часто черным горлом. Окраска, однако, у разных видов варьирует. Затылок и спину украшает гребень. Туловище самок, обычно уступающих самцам по величине, большей частью оливкового тона, а голова и глотка - кирпично-красные. Килехвосты предпочитают сухие районы прибрежных пустынь. На Альбемарле и Индефатигебле они редко поднимаются выше 300 метров. А вот на Нарборо я поймал килехвоста на самом краю кратера, возвышающегося более чем на 1400 метров над уровнем моря. Питаются они насекомыми. Килехвостов преследует множество врагов - лавовые змеи, канюк, зеленая цапля. Не удивительно, что они пугливы и немедленно оставляют преследователю свой хвост, если тот успевает за него ухватиться. В брачный период самцы расхаживают перед своими избранницами на выпрямленных ногах с высоко поднятым гребнем. При этом они качают головой, приседают в суставах, сгибая переднюю часть тела, и раздувают зоб. Самка выражает готовность к спариванию, ложась плашмя перед самцом.

Килехвосты островов Индефатигебль, Сэймур, Баррингтон, Джемс, Джервис, Альбемарль и Нарборо принадлежат к одному виду. По сути дела, их невозможно различить. Но чем дальше мы отдаляемся от центральной группы островов, тем разительнее проступает отличие между ящерицами. Более всего отклоняются от общего типа ящерицы Абингдона, Биидло и Чатама. За ними следуют обитатели Худа, Чарлза и Дункана. На самых северных островах - Уэнмане, Кулпеппере и Тауэре - ящериц, черепах и змей нет вообще. Это явление натолкнуло американских зоологов Ван Денбурга и Слевина на мысль, что на пространстве, занимаемом ныне Галапагосским архипелагом, располагался когда-то один большой остров, который постепенно погрузился в море, и только его возвышенности остались торчать из воды, образовав нынешние острова архипелага.

В каком порядке обособлялись острова, можно судить по тому, как распределяются сегодня различные расы ящериц. Северные острова Уэнман, Кулпепиер и Тауэр выделились, очевидно, в первую очередь, еще до того как ящерицы Tropidurus достигли центрального острова. Позже океан отрезал Абингдон п Биидло, на которых водятся ящерицы, но нет змей. Затем наступила очередь Чатама - живущие на нем ящерицы резко отличаются от своих собратьев с центральных островов, но на нем уже имеются змеи и черепахи. Змей я

обнаружил, повторяю, в 1957 году. Все собранные мною образцы хранятся в музее имени Сенкенберга во Франкфурте-на-Майне.

Далее океан изолировал острова Худ, Чарлз и, может быть, Дункан, причем первые два некоторое время еще составляли один большой остров, о чем свидетельствуют очень сходные между собой по внешнему виду змеи и гекконы одного и того же вида.

Мы сопоставим только расы крупных островов, ибо на небольших утесах иногда происходит очень резкая дифференциация, в результате которой быстро образуются совершенно новые формы (см. стр. 77). Возможно, это объясняет, почему ящерицы с Дункана столь сильно отличаются от своих сородичей близ расположенных островов Альбемарль и Индефатигебль. Ван Денбург предполагает, что крохотный Дункан, лежащий между этими двумя островами, обособился задолго до их разделения. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что Дункан мог стать автономным только при наличии глубокой бухты между Альбемарлем и Индефатигеблем. Я поэтому склоняюсь к мнению, что Дункан изолировался одновременно с Альбемарлем и Индефатигеблем, а резко эндемичная форма его ящериц скорее всего результат их немногочисленности на этом маленьком острове, которая благоприятствовала развитию видоизменений в сравнительно короткий срок.

Центральные острова распались много позже. Ящерицы не дают никаких свидетельств по этому поводу, но при изучении змей оказывается, что тс виды, которые обитают на Альбемарле, Дункане и Нарборо, обладают сходством между собой, а им противостоит группа змей, встречающихся на Индефатигебле, Джемсе и Баррингтоне, как если бы центральный остров раскололся сначала на две части Нарборо - Альбемарль и Джемс - Индефатигебль. Следовательно, изучение островных рас наталкивает ученых на многие полезные идеи, и вопрос только в том, будет ли еще у нас через несколько десятилетий возможность продолжить в этом уголке Земли исследования такого рода. Даже маленькие ящерицы попадаются все реже. На Чарлзе я в результате двухдневных поисков нашел только трех. Одичавшие кошки, собаки и крысы уничтожили там всех пресмыкающихся. То же самое произошло на Дункане, где свирепствуют крысы1.

1 (*В настоящее время сохранению островных рас угрожают еще поселенцы и неосмотрительные ученые, перевозящие животных с одного острова на другой. Так, на Индефатигебле появились морские ящерицы с Худа, наземные игуаны с Баррингтона, килехвосты неизвестного происхождения и галапагоссике голуби с Джемса. Такое искажение фауны лишит Галапагосский архипелаг значения лабаратории по изучению видов*)

Осенью 1960 года, когда я вновь побывал на Галапагосах с моим другом Хайнцем Сильманом, мне посчастливилось стать на Индефатигебле свидетелем ранее никем не наблюдавшейся борьбы килехвостов. Соперники, кивая головами, стояли друг против друга, затем один выскочил вперед и что было сил ударил своего противника хвостом, так что раздался треск. До сих пор я наблюдал только, как ящерицы обороняются таким образом от своих естественных врагов, здесь же удары входили в церемониал турнира. С молодыми сородичами килехвосты расправляются быстро: они их просто пожирают.

На Нарборо я видел, как килехвосты выискивали насекомых в оперении бакланов, сидевших на яйцах. Биология этих ящериц из семейства игуановых представляет собой большой интерес для исследователя. В марте 1966 года я как-то раз сидел на веранде станции имени Чарлза Дарвина (Индефатигебль) и кормил ручного килехвоста. Самец Фиц-Герберт без страха брал мух из моих рук. Совершенно ручной зверек чувствовал себя хозяином на большей части веранды и регулярно посещал жилые комнаты. На другой стороне веранды жил второй самец. Он был моложе первого, тоже охотно наносил визиты в наш дом, по, завидев Фица-Герберта, поспешно скрывался. Достаточно было тому издать угрожающий звук, как юнец убегал.

4 марта Фиц-Герберт в результате какой-то неприятности лишился хвоста. На первых порах он по-прежнему сохранял чувство собственного достоинства, но постепенно молодой

соперник стал замечать перемену и 7 марта вызвал Фица-Герберта на поединок. Тот принял вызов, развернулся грудью к противнику и изогнул спину, готовясь нанести удар хвостом. Через несколько мгновений он и в самом деле ударил, но увы! - короткий обрубок, оставшийся на месте хвоста, оказался малодейственным оружием. Фиц-Герберт на миг сник, а затем, качая головой, ретировался. В последующие дни директор станции Роже Перри не раз наблюдал, как молодой самец преследует Фица-Герберта. Чтобы не дать ему восторжествовать полностью, приходилось каждый раз выливать на него стакан воды. 15 марта я видел, как Фиц-Герберт через всю комнату убегал от врага. Но тут события приняли неожиданный оборот. Когда молодой самец в очередной раз настроился по отношению к Фицу-Герберту агрессивно, тот, не растерявшись, в мгновение ока схватил врага за хвост и не отпускал его. Это было, очевидно, абсолютно не по правилам, но возымело действие. Правда, противник попытался укусить Фица-Герберта, но не смог его схватить. Зубы его соскользнули с гладкой поверхности туловища, а хвоста, за который можно было бы ухватиться, у Фица-Герберта не было. А он между тем продолжал сильно и энергично тянуть своего врага за хвост, и четыре минуты спустя тот сдался. Он уполз прочь, а Фиц-Герберт еще целый метр преследовал его. С тех пор он снова стал безраздельным властителем веранды.

Эти наблюдения ставят ряд интересных вопросов. Когда ящерица обнаруживает, что она лишилась хвоста? Все ли пытаются сначала вести борьбу, пользуясь хвостом, которого уже нет, и только после неудачных попыток вступают в кровопролитный бой? Как, наконец, изменяется впоследствии поведение животного по мере отрастания хвоста?

Поездка на Кокос

Примерно на полпути между Галапагосами и Панамой, на 7° с. ш. лежит маленький островок Кокос. Покрытый, как и подобает тропическому острову, пышной растительностью, он выглядит изумрудом на лазурной глади моря. Остров омывают теплые экваториальные течения, над его крутыми склонами почти каждый день проносятся тропические грозы. Кокос роднит с Галапагосскими островами кокосовый вьюрок Pinarolaxlas inornata, единственный представитель семейства дарвиновых вьюрков Geospizidae, встречающийся за пределами архипелага Галапагос. Иногда Кокос посещает ласточкохвостая чайка. В прошлом остров был опорным пунктом пиратов и оттого, как и Галапагосы, привлекал к себе искателей кладов. Примечателен он и тем, что стоит на подводном хребте, который в последнее время считают остатком сухопутного перешейка, возможно некогда простиравшегося от Коста-Рики и всего на 100 миль отстоявшего от Галапагосов. На этом основании Винтон попытался в 1951 году перебросить мостик между теориями происхождения животного мира Галапагосов, о которых говорилось выше. Исходя из предпосылки, что континент почти примыкал к Галапагосам, он приводит соображения, позволяющие сблизить точки зрения сторонников теории сухопутного моста и океанической гипотезы. Нынешний профиль дна Тихого океана говорит в пользу его аргумента. На новейших морских картах нанесены два невысоких подводных горных хребта, вытянувшихся от Коста-Рики и Панамы в Тихий океан. Относительно короткий Панамский хребет обрывается на уровне острова Мальпело, а хребет Коста-Рика - Кокос почти достигает Галапагосов. Если допустить, что дно океана поднялось до отметки, при которой Галапагосы предстали бы одним неделимым массивом суши, то невысокий горный хребет, начинающийся от Коста-Рики, сомкнётся с Галапагосским архипелагом. Такая коса направила бы к Галапагосам все морские течения, идущие из Центральной Америки и Карибского моря, которое когда-то было связано с Тихим океаном.

Предполагаемый сухопутный мост между континентом и Галапагосскими островами

Понятно, что мне очень хотелось собственными глазами взглянуть на Кокос. Найдем ли мы доказательства того, что он является остатком гипотетического моста? В 1954 году, возвращаясь с Галапагосов на родину, мы ненадолго зашли на остров.

Мы бросили якорь в бухте Уофера. Справа и слева от нас поднимались чуть ли не к самому небу отвесные залесенные склоны, с вершин которых низвергались серебристые водопады. Пышность здешнего леса напоминала нам Центральную Америку. Стройные кокосовые пальмы склонялись над черными глыбами лавы на берегу, за ними простирались буйные заросли кустов и деревьев, соединенных воедино неисчислимыми перемычками лиан. Даже высохшие ветви мертвых гигантских деревьев казались живыми - на их трухлявой коре неистовствовали папоротники, мхи, бромелиевые и орхидеи. Это было зрелище бьющего через край изобилия, какое на континенте встречается только в дождевых лесах. Однако первое впечатление при ближайшем рассмотрении оказалось ошибочным. Стюарт пришел к выводу, что папоротники, чьи крохотные споры легко разносятся ветром,- наиболее богатая видами группа растений на Кокосе, напротив остальные семейства представлены лишь несколькими видами, а в общем видовой состав здесь не превышает и одной шестой того разнообразия, какое наблюдается на Галапагосах. На этом основании ботаник сделал заключение, что Кокос - остров, поднявшийся со дна океана и никогда прежде не имевший связи с материком. К тому же возник он не очень давно - только 8,6 процента его растений эндемичны, на Галапагосах подобных форм насчитывается 41 процент.

Молодость острова можно усмотреть и в слишком тонком слое земли, покрывающем скалы, и в том, что быстрые ручьи острова едва углубили свое ложе в твердой породе. Стремительные водопады, срывающиеся с уступов гор в бездну, лишь слегка поскребли их скалистую поверхность. Немногочисленность бухт скорее всего также говорит о том, что остров был невелик с самого начала, а не то чтобы он уменьшился под воздействием моря.

Окончательно я убедился в океаническом происхождении острова, когда, побродив по его дымящимся испарениями лесам, увидел, сколь беден его животный мир. В мокрой листве не прыгали лягушки. Из ящериц только маленькая Anolis townsendi шуршала в траве и в ветвях. Вскоре я свел знакомство с четырьмя единственными на Кокосе видами наземных птиц. Небольшие желтые птички из семейства древесниц относились к виду Dendroica petechia aureola, встречающемуся также и на Галапагосах. В густой листве почти терялись оливково-зеленые мухоловы Nesotriccus ridgwayi. Часто попадавшиеся кокосовые вьюрки прилежно искали на земле и деревьях насекомых. Что они принадлежат к дарвиновым вьюркам, бросалось в глаза с первого взгляда. Угольно-черные самцы напоминали многих представителей этой группы, а темное оперение самок украшали типичные оливковые и коричневые пестрины. Клювы у вьюрков были вытянутые, острые. С живущей на Кокосе кукушкой - Coccyzus ferrugineus - я познакомился только по ее голосу. Все остальное пернатое население дождевых лесов составляли морские птицы. Красноногие олуши - мы уже наблюдали этот вид на Тауэре - сидели на раскачивающихся лианах, на которых естественнее было бы видеть попугаев. Мне казалось, что они попали сюда случайно, как и маленькие волшебные крачки, которых я здесь увидел впервые. На Галапагосах я не встречал эту хрупкую птичку с ослепительно белыми перьями, черным клювом и лапами цвета шифера. Примечательно, что морские крачки под белоснежным оперением имеют черную кожу, по-видимому защищающую их от интенсивных лучей солнца. Явно снедаемые любопытством, крачки часто пролетали около самой моей головы, что, надо полагать, характерно для этого вида: точно так же ведут себя, судя по сообщениям, атлантические волшебные крачки. В полете они кажутся совершенно невесомыми, подобными миниатюрным призракам. И гнездятся они необычно: убежищ не строят, а откладывают яйца на голую скалу или, что еще более удивительно, на толстый шероховатый сук. И как это ни странно, ветер не сдувает с него яйца. А уж против птенцов он и вовсе бессилен - они цепко держатся за ветвь крепкими когтями.

Было очень жарко, и я искупался в пресноводной речке. Давно я не испытывал такого удовольствия! Для полноты счастья я выпил освежающего кокосового молока. В речной воде плавали крупные бычки. Брюшными плавниками, служившими им присосками, они удерживались за гальку, обратившись головами против течения. Я присел отдохнуть и вдруг, изумленный, увидел, как просеку переходит стадо виргинских оленей. До сих пор не знаю, кто высадил на остров этих красивых животных.

Продвигаясь дальше, мы вспугнули стадо диких свиней. По- видимому, их завезли сюда неудачливые поселенцы. Вся земля кругом была взрыта свиньями. Они шарахались от нас в стороны, но вскоре наш судовой врач и радист-любитель Хайно Зоммер имел возможность убедиться, что эти боязливые четвероногие при случае могут быть назойливыми до наглости. Дело в том, что еще ни один любитель не посылал в эфир сигналы с Кокоса, а сделать это первому для радиста-любителя означает то же самое, что для альпиниста подняться на непокоренную вершину. Однако выгрузить тяжелую рацию на сушу оказалось совсем не просто: из-за сильного прибоя лодка не могла подойти вплотную к берегу. Мы взвалили увесистую рацию на плечи и побрели по воде к суше, в то время как совсем рядом, во взбаламученной воде акула охотилась за рыбами. Мы заметили ее, только когда были почти у цели, иначе, конечно, ни за что не спустились бы в воду. Зоммер разбил палатку прямо на берегу и отсюда до самой ночи посылал - и не без успеха - сигналы, после чего лег спать. Примерно в полночь он проснулся оттого, что его палатка ходила ходуном и из каждого угла раздавалось сопение и хрюкание. Зоммер выскочил наружу, но тут же растянулся во весь рост, споткнувшись о взрослого кабана, который, испугавшись не менее его, бросился бежать. Но как только Зоммер улегся, непрошеный гость объявился снова. В конце концов

Зоммеру пришлось с палкой в руках усесться перед палаткой, чтобы защитить аппаратуру от свиней. Можно было подумать, что духи острова сокровищ вознамерились прогнать чужака.

В гуще зарослей я набрел на ящик с динамитными шашками. Заржавелая плита, сгнившая кровать и остатки барака из волнистого железа указали мне место, где капитан Гислер прожил без малого 20 лет, одержимый страстью найти богатый клад, до сих пор скрывающийся в земле где-то поблизости. Стройные пальмы бросали тень на бывшее пристанище капитана. Их стволы сплошь заросли эпифитами, листья которых поворачивались к солнцу своей внутренней стороной, то красной, то желтой, то сине-зеленой.

Клад, за которым охотились многие, спрятан в надежном месте. Зарыл его в 1820 году Бенито, португальский офицер, долгое время угрожавший судам в Карибском море и на западном побережье Южной Америки. Вскоре после этого его поймали и казнили вместе с командой. Спастись удалось двоим - Томпсону и Чепеллу. Несколько лет спустя Томпсон стал капитаном английского шлюпа, стоявшего в порту Кальяо. Перу в то время отделилось от Испании; в стране вспыхнула гражданская война. Так как крепость находилась под угрозой, значительную часть многомиллионных сокровищ церкви и жителей Лимы погрузили на судно Томпсона. Соблазн был слишком велик. Ночью Томпсон и его матросы перебили перуанскую стражу, подняли якорь, ушли на Кокос и там закопали сокровища. Однако недалеко от Панамы их поймали, и опять же только Томпсону и одному его соучастнику удалось избежать кары. Их пощадили, чтобы они могли показать, где зарыт клад, но они бежали под покровом ночи и спрятались на английском китобое. Томпсон больше никогда не возвращался на Кокос, но поведал свою тайну некоему Китингу, а тот впоследствии с капитаном по имени Бог отправился за кладом. Беда их была в том, что они не умели держать язык за зубами. Матросы проведали о цели плавания, недалеко от Кокоса взбунтовались и потребовали себе долю сокровищ. Китинг и Бог согласились с их притязаниями, но ночью тайком спустили за борт большую лодку, нагрузили ее водой и провиантом и покинули судно. Они направились прямо к берегу, откопали клад и, сколько могли, захватили с собой. Материка, однако, достиг один Китинг. Он сообщил, что его друг перегрузил лодку золотом и вместе с ней пошел ко дну. Что случилось на самом деле, никому не известно. Китинг продавал золотые пластины и монеты, но это, конечно, могла быть только ничтожная часть клада, и многие кинулись на поиски оставшихся сокровищ. Самым терпеливым оказался

Август Гислер: он с женой прожил па острове 20 лет, но так ничего и не нашел.

Такое место окружено своеобразным очарованием, против которого не в силах устоять даже естествоиспытатель. Найдя на берегу ржавую лопату, я сел и попытался вообразить себе сцены, которые, наверное, разыгрывались на этом отдаленном острове. Следы кладоискателей мы встречали повсюду - даже под водой. В бухте Уофера на глубине 18 метров мы обнаружили останки большого трехмачтовика. Прибой разбил остов корабля, а его днище и палубные надстройки заросли изумительно красивыми кораллами. Еще сохранились каюты, и в них жили угрюмые Evoplites virides и красные Holocentrus.

Клада мы не нашли, но тем не менее уехали, уверившись в том, что остров порожден океаном. Именно бедность животного мира Кокоса убедила нас в этом.

Когда я уже возвращался к морю, остров окутали мрачные тучи, небо открыло свои шлюзы, и я в один миг промок до костей. Но я давно не слышал шума дождя, и поэтому теплый тропический ливень был мне только приятен. На самом берегу Кокос одарил меня еще одним маленьким открытием. На темной лавовой скале сидели, омываемые прибоем, большие плакофоры и сифонарии. Стоило дотронуться до них, и они так крепко присасывались ко дну, что я долгое время не мог оторвать одну из них от основы. Только после нескольких неудачных попыток я нашел способ, как овладеть ею. Надо выждать, пока она поползет, и тогда сильно сжать панцирь с боков. Присмотревшись к улиткам, я заметил, что на большинстве сидит еще по нескольку маленьких сифонарий, как выяснилось позднее - детенышей этого же вида. При дальнейшем наблюдении я обнаружил, к моему великому удивлению, что каждый из трех детенышей улитки занимал на ее панцире определенное спальное место, на которое неизменно возвращался. Эти ложа были немного углублены и

соответствовали контурам туловища маленьких улиток так точно, что в каждом могла помещаться лишь та, для которой оно предназначалось. Малыши, очевидно, сами сделали себе углубления в раковине старой улитки. Можно было даже разглядеть слабый отпечаток ноги моллюска. По-видимому, они постоянно жили на панцире улитки, которая бескорыстно кормила их. Оставались верными своему месту и старые улитки. Правда, они не смогли выточить углубление в камне - думаю, им нелегко растворять лаву,-но очертания их панциря почти сливались с неровностями скалы, и казалось, будто они срослись с ней. Надо полагать, они всегда возвращались спать на постоянное место.

Джемс - остров пиратов и котиков

Коричневая птичка, изящная как эльф, парила так низко над пенистыми волнами, что я все время опасался, как бы ее не поглотил набегавший вал. Но крошечный комочек перьев поднимался и опускался точно в ритме волн. Я сидел на самом носу катера, наблюдал за резвыми забавами качурки (Oceanod- roma castra), а мыслями весь был обращен к галапагосскому котику, на розыски которого мы отправились сегодня утром.

Морские львы встречаются в большом количестве на всем архипелаге, котики же попадаются очень редко. Американский зоолог Таунсенд, обстоятельно изучивший животный мир Галапагосов, писал в 1930 году: "Своеобразный галапагосский котик, некогда изобиловавший на островах, теперь, наверное, почти истреблен. В последние годы мало кто видел это животное. По имеющимся у меня данным, с 1816 по 1897 г. с Галапагосов было вывезено 17 485 котиков. Их находили на большинстве островов и часто били прямо на лежках". В 1932 году экспедиция Аллена Хэнкока обнаружила маленькое стадо котиков на берегу Тауэра, а мы в 1954 году видели отдельных животных в бухте Дарвина. Неужели это последние и котиковых лежбищ здесь больше нет?

Мы осмотрели берега Чатама, Худа, Чарлза, Индефатигеб- ля, Баррингтона, Альбемарля, Дункана, Джервиса, Нарборо, но ни на одном не обнаружили котиков. От поселенцев я, однако, узнал, что они должны быть на Джемсе. Поэтому мы наняли небольшой рыболовецкий катер и снова пустились в путь. Я напряженно всматривался в приближавшийся остров. Его изломанный силуэт уже проглядывал сквозь голубоватую дымку. До бухты Джемса было еще несколько часов пути, но я не скучал.

Мимо меня волны несли целые стаи физалий. Изумительно красивые нежно-розовые воздушные пузыри поднимались над синей гладью моря. Каждый пузырь, имевший в диаметре около 10 сантиметров, слегка был сжат с боков. Обратившись широкой стороной к ветру, они без малейших усилий дрейфовали по морю. Под пузырем висели эластичные щупальца, вооруженные стрекательными органами. С их помощью физалии добывают пищу. Добычу оглушает яд, выделяемый стрекательными органами, который может причинить ожог даже человеку. Мальки лоцманов умело пользуются этим свойством физалпй. Они прячутся между щупальцами, где чувствуют себя в безопасности. Правда, насколько известно, лоцманы не обладают иммунитетом против яда физалпй и вынуждены проявлять всю свою ловкость, чтобы избежать соприкосновения со щупальцами.

Физалия с первого взгляда производит впечатление одного живого существа. Но изучение ее строения и истории развития показывает, что это скорее целая колония многочисленных живых организмов, каждый из которых специализируется на определенном занятии. В ее состав входят медузы, поглощенные делом продолжения рода,-полипы, вбирающие пищу, и даже воздушный пузырь есть не что иное, как видоизмененное самостоятельное животное. Но ни один из членов колонии уже не может существовать вне ее, и каждый выполняет только одну функцию. Они превратились как бы в органы животного, находящегося на более высокой ступени развития.

Между физалиями плавали крошечные комочки пены. Они привлекли мое внимание тем, что не исчезали. Из любопытства я зачерпнул один такой комочек сачком и, взяв его в руки, с удивлением обнаружил, что составлявшие его пузырьки воздуха не лопались. У меня

в руках был маленький пенистый поплавок, который состоял из одних пузырьков воздуха, окруженных твердой оболочкой. А под поплавком сидел тот, кто произвел его на свет: моллюск небесно-голубого цвета-янтина. Другое животное, сидевшее на моллюске, сбежало.

Янтины водятся во всех тропических морях. Пассивно носятся они по их поверхности. Наталкиваясь на мелких обитателей моря, они обхватывают их хоботком, усеянным зубами, и заглатывают. Чтобы построить поплавок, янтина касается поверхности воды ногой и выделяет слизь. Затем она вставляет в комочек слизи ногу, а краями "ноги" прикрывает наполненное воздухом углубление и обволакивает его немедленно затвердевающей слизью. Воздушный пузырек готов. За 30-40 секунд янтина производит их столько, что они, скрепленные между собой той же слизью, образуют настоящий миниатюрный плот. Он не только служит моллюску удобным средством передвижения, но и надежно маскирует его: среди многочисленных хлопьев пены, всегда плавающих по морю, он совершенно незаметен.

Я лег на живот и принялся черпать воду сачком. По второму заходу я выловил и пассажира, который путешествовал вместе с янтиной и в первый раз ускользнул от меня. Им оказался небесно-голубой крабик, сидевший на голубом поплавке моллюска светлым брюшком кверху. Сначала я решил, что их совместное содружество дело случая, но под каждой янтиной, которую мне удавалось поймать, я обнаруживал такого же иждивенца, явно приспособившегося к тому, чтобы передвигаться вместе с ней. Крабики пользовались защитой поплавка, терявшегося среди клочков морской пены.

Вдруг от неожиданности я чуть не выронил сачок из рук! Из-под лодки всплыло, вернее взметнулось из глубины, нечто огромное, черное, с ходу выпрыгнувшее из воды и окатившее меня брызгами с головы до ног. Это был крупный дельфин. За ним последовали его товарищи. Тихо попискивая, они резвились вокруг носа нашей лодки. Блестящие спины этих представителей семейства зубатых китов то и дело выныривали прямо у моих ног. С шумом, напоминавшим раскупоривание бутылки шампанского, открывалась непарная ноздря в верхней части головы, короткий вдох - и удивительное существо снова исчезало. Иногда животные появлялись из глубины со скоростью 50 километров в час и прыжком возносились высоко над водой. При этом они непрестанно пищали. Благодаря позывным эти животные, живущие стаями, поддерживают связь с себе подобными. Теперь известно также, что дельфины посылают ультразвуки и по принципу эхолота определяют местонахождение косяков рыбы. Дельфины на редкость коллективные животные, помогающие друг другу в минуту опасности. Не раз наблюдали, как дельфины выталкивали на поверхность воды своего раненого товарища и некоторое время несли его на себе, как они дружно нападали на акул и совместными усилиями прогоняли их. О малышах они проявляют трогательную заботу. Матери долго тащат на себе мертвых детенышей, пока не убедятся в бесполезности своих усилий.

При первом взгляде на эти рыбообразные существа трудно поверить, что они происходят от наземных четвероногих млекопитающих. Об этом, однако, убедительно свидетельствуют незначительные рудименты таза. К тому же дельфины теплокровны, выкармливают детенышей молоком, дышат посредством легких.

Зубатые киты с их разбойничьими замашками наводят ужас на рыб, как некогда ихтиозавры. Даже акула, тигр морей, не чувствует себя в безопасности от больших китов. Кашалот, например, ночью опускающийся на большую глубину, охотится также и на акул. У пойманного близ Азорских островов шестнадцатиметрового кашалота мы нашли в желудке вместе с несколькими гигантскими каракатицами трех акул, проглоченных целиком. Самая большая имела в длину более трех метров.

Стая дельфинов исчезла так же неожиданно, как появилась. Словно по команде, все разом нырнули под воду, быть может, обнаружили косяк рыб.

В преддверии вечера мы вошли в бухту Джемса - одну из самых живописных бухт архипелага. Она поразила нас своей первозданной, суровой красотой - свидетельство необузданных вулканических сил нашей планеты. Весь обрывистый берег Джемса, примерно на полпути к вершине, был разворочен подземными взрывами. На площадь, измеряемую не

одним десятком километров, через многочисленные кратеры излилась лава. Смертоносная черная река пробилась к самому морю. Вся средняя часть бухты представляла собой мрачную лавовую пустыню, на которой не росли даже кактусы-цереусы. Черный поток резко контрастировал с зеленой растительностью холмов. С его южной части справа поднимался небольшой симметричный вулкан, сложенный красно-коричневым пеплом. С севера бухту прикрывали скалы причудливых очертаний, а под ними песчаный пляж перемежался с зарослями мангровых. Совсем иначе выглядела южная часть бухты. Здесь море вымыло из песчаника крутой берег высотой 10-15 метров, и в камне, подвергшемся воздействию неодинаковой силы волн, образовались ниши и пещеры самых фантастических форм. За берегом простиралось плато, поросшее высохшей травой и низкими акациями. Редкие зеленые деревца выделялись на фоне желтой травы. Вдали маячили два симметричных красно-коричневых вулкана. Мы вырулили к песчаниковому берегу, к тому месту, где в край острова глубоко вгрызлось русло реки, сейчас безжизненно сухое. Здесь мы высадились и раскинули лагерь. Пока над костром жарилась только что подстреленная коза, я отправился на разведку ближайших окрестностей. По обеим сторонам нашего лагеря тянулась чуть волнистая травянистая равнина. Выветрившийся песчаник покрывал лишь тонкий слой перегноя, а кое-где на поверхность выступал голый камень. На скалистом ложе под лучами вечернего солнца нежились килехвосты. Дальше я набрел на груду черепков красной неглазированной глины. Кучи битой глиняной посуды были разбросаны повсюду в этой стране, но местами их заглушали буйные травы. Я находился на бывшей стоянке пиратов. В сосудах из такой глины они хранили продукты. Я живо представил себе, как лет двести назад здесь горели костры, а вокруг них бородатые парни пили, играли и делили добычу, в то время как в бухте тихо позванивали цепью толстопузые галеоны.

Я натолкнулся на маленький памятник. Камни были нагромождены в виде квадратного сужающегося кверху цоколя, а сверху лежал большой осколок глины, на котором было нацарапано несколько имен. "Карл Ангермайер,- прочел я,-Эрлинг Гаффер, Тур Хейердал".

Верно. Два года назад поиски следов древней индейской культуры привели сюда Хейердала. Он полагал, основываясь на преданиях, что остров в доиспанский период посещали инки. Открыл острова во время путешествия по Тихому океану король инков Тупак Юпанки. Сохранилось упоминание об огненном островке - может быть, в то время король стал свидетелем извержения вулкана на одном из Галапагосских островов. Конкретным поводом к поездке Хейердала послужил доклад капитана Лорда, который был посвящен его находке на Чарлзе каменного изваяния лица, размером в рост человека. Хейердал специально приехал в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на докладе, вызвавшем ожесточенные споры между археологами. Оппоненты Лорда, в частности, утверждали, что демонстрировавшиеся им снимки были сделаны на острове Пасха. Тогда Хейердал решил съездить на Галапагосы и самому осмотреть каменный лик. На Чарлзе он встретился с семьей немецких поселенцев Виттмеров, которые дали ему точные сведения о происхождении изваяния; их достоверность не вызывает сомнений. Выяснилось, что глава семьи собственноручно вырезал скульптуру из туфа, чтобы показать своему сыну Рольфу, как работать на камне. В 1948 году, когда капитан Лорд увидел скульптуру, она уже была порядком изъедена дождем и ветром, обросла мхом и поэтому походила на произведение древних времен.

Капитан Лорд сфотографировал свою находку со всех сторон и расспросил о ней сына Виттмеров. Мальчик плохо понимал по-английски и на все вопросы отвечал бодрым "yes", единственным английским словом, которое он хорошо усвоил. Не исключено, что капитан Лорд справлялся у мальчика и о том, находилось ли изваяние на острове до прибытия туда Виттмеров.

Хейердал, несомненно, был глубоко разочарован. Однако при осмотре местности он обнаружил около курятника Виттмеров глиняные черепки, которые он датировал доиспанским периодом. Ученый объездил острова и в бухте Джемса среди черепков - результат хозяйничанья пиратов - нашел осколки глиняных сосудов, бесспорно индейского

происхождения. Правда,

Хейердалу не удалось найти никаких следов индейских поселений, но тем не менее он считал, что его находки убедительно доказывают, что в доиспанский период остров посещали жители Южной Америки. Я не совсем уверен в правильности рассуждений Хейердала. Не исключено, что пиратам, двести лет назад совершавшим набеги на берега Южной Америки, понравились индейские сосуды своеобразной формы; они привезли с собой эти сосуды, которые во время попойки были разбиты.

Длинный список пиратов открывает группа во главе с Джоном Куком. Среди них люди, чьи имена вошли в историю пиратства,-Уильям Демпир, Амброис Коули, Лайонель Уофер и Эдвард Дэвис. В свое время они отчалили от Чеспика. У побережья Гвинеи пираты захватили датское тридцатишестипушеч- ное судно, которое впоследствии нарекли "Усладой холостяка", а старое свое судно сожгли. Через Магелланов пролив пираты вышли в Тихий океан и в его водах овладели тремя испанскими кораблями, на борту которых оказались только мука и восемь тонн мармелада. С этой добычей они поплыли к Галапагосским островам. Быть может, глиняные черепки, валяющиеся сегодня на берегу бухты Джемса, всего лишь остатки незадачливой добычи.

Коули использовал пребывание на Галапагосах, чтобы составить карту островов, которым он дал названия. Смеха ради он окрестил их именами официальных врагов английских пиратов, ибо на Ямайке, Нассау и Бермудах английские власти получили от Карла II приказ совместно с Испанией преследовать пиратов. Однако никто не относился серьезно к повелению монарха, и английские власти наперекор Испании закрывали глаза на проделки морских разбойников.

Коули не преминул отблагодарить их за это. Уэнман и Браттл названы в честь лорда Уэнмана и Николла Браттла, подвизавшихся на Ямайке, Биндло - в честь лейтенанта Роберта Биндлосса, члена Совета Ямайки. Чарлз окрещен по имени короля Карла II, Джемс - короля Якова II1. Альбемарль обязан своим названием герцогу Альбемарлю (Джорджу Монку), который возвел на престол Карла II и покровительствовал пиратам. Остров к западу от Альбемарля назван в честь знаменитого мореплавателя того времени Джона Нарборо. Абингдон посвящен графу Абингдону. Наконец, крошечный, скромный островок между Джемсом и Альбемарлем Коули нарек своим именем, которое сохранилось до сих пор. По этому поводу Коули писал: "Между островами Йорк и Альбемарль лежит островок, для которого я придумал название "Зачарованный остров Коули". Мы смотрели на него с разных сторон, и каждый раз он представлялся нам иным, напоминая то разрушенную крепость, то большой город".

1 (*Сначала Коули назвал Джемс островом Герцога Йорка. Вскоре, однако, он узнал, что Йорк наследовал умершему Карлу II и переименовал остров*)

В этой связи Мелвилл пишет: "Не увидел ли Коули в изменчивом облике островка, который словно подтрунивал над ним, самого себя? Не следует отвергать эту возможность, особенно если вспомнить, что его современником и к тому же близким родственником был поэт Коули, не чуждый мечтательности и легкой иронии над самим собой. Такие свойства у человека в крови и они могут проявляться у пирата с такой же силой, как у поэта".

Пока Коули придумывал названия островам, его спутник Демпир занимался тем, что подробно описывал увиденных им животных и растения. В один из дней пираты укрыли в надежном месте запасы продовольствия и отплыли к берегам Южной Америки. Здесь они разделились. Демпир на "Усладе холостяка" примкнул к пирату Свану, также имевшему собственный корабль. Уофер остался с Дэвисом, преемником умершего тем временем капитана Кука. Сохранились его сообщения о последующих визитах на Галапагосы. В 1685 году пираты пристали к островам, чтобы запастись мукой из закопанного хранилища, а в 1687 году занимались здесь дележкой добычи после разграбления Гуаякиля.

В 1709 году капитан Вудс Роджерс повел на Галапагосы каперы1 "Герцог" и "Герцогиня". Штурманом был Уильям Демпир. В декабре 1708 года они обогнули мыс Горн. С острова Хуан-Фернандес они сняли шотландца Александра Селкирка, которого четыре

года назад высадил там за строптивый характер капитан Стредлинг. Демпир знал Селкирка как хорошего штурмана и доверил ему капер, а сам принял деятельное участие в штурме Гуаякиля. 8 мая "Герцог" и "Герцогиня" вышли с четырьмя захваченными судами в район Галапагосов. Команда страдала от жажды, на борту было много больных, но все попытки отыскать пригодные для питья источники не увенчались успехом. Роджерс, основываясь на сообщениях путешественников, был уверен, что найдет на островах воду, и горько сетовал на неточные данные.

1 (*Торговое морское судно, вооруженное для целей грабежа самим хозяином с разрешения правительства. - Прим. ред.*)

"Если бы мы сделали достаточные запасы в Пунта-Арене, нам наверняка хватило бы времени, чтобы найти остров Св. Марии де л'Аквада. По имеющимся у нас сведениям, это один из Галапагосских островов, где сколько угодно хорошей воды, топлива, наземных и морских черепах. Вероятно, такой остров существует на самом деле: английский капитан Дэвис, пиратствовавший в этих водах, стоял у его берегов несколько месяцев и запасся всем, что только его душа хотела; по его словам, на острове росли деревья, из которых они изготовляли великолепные мачты. Но люди такого рода, да и другие, с кем мне приходилось беседовать или чьи книги я читал, рассказывают небылицы о своих странствиях и о своей жизни на Галапагосах. По-видимому, исходя из того что острова расположены далеко от материка и, следовательно, проверить достоверность их сообщений невозможно, они частенько вводят доверчивых людей в заблуждение. Я тоже попался на их удочку и теперь ясно вижу, что никаким подобным сведениям доверять нельзя. Поэтому я не желаю больше говорить об этих островах, ничуть, по-моему, не похожих на описания посетивших их людей".

Попади Роджерс на острова в тот короткий промежуток времени, когда идут сильные ливни, он бы убедился, что люди, на которых он жалуется, не погрешили против истины. Отчего Галапагосы и оставались долгое время излюбленным, не лишенным удобств местом пристанища пиратов. На Чарлзе и некоторых других островах до сих пор можно видеть каменные скамьи и приспособленные для жилья пещеры.

Мелвилл приводит впечатление, какое произвели Галапагосы на одного путешественника. Оно весьма схоже с тем, что чувствовал я при посещении этих мест, поэтому мне хочется процитировать отрывок полностью: "Прогулка под деревьями, хотя они не отличались высотой и не радовали глаз своими плодами, доставила мне большое удовольствие, понятное тем, кто долго плавал по морям. Я наслаждался умиротворяющим пейзажем. На краю поляны, у тенистого склона горы, возвышавшейся над тихими окрестностями, я заметил - и сначала даже не поверил своим глазам - остатки каменных скамей. Они были словно предназначены для брахмана или, пожалуй, президента Общества по поддержанию мира на земле. Время не пощадило каменных творений, и все же они были прекрасны. Судя но правильным пропорциям скамей, люди, их складывавшие, заботились о приятном отдыхе. Одно из сидений имело, наподобие дивана, спинку и подлокотники. Трудно найти более подходящее ложе для поэта Томаса Грея! По многим признакам можно было судить, что поставлены здесь скамьи давным- давно и бесспорно флибустьерами.

Да, они иногда на многие месяцы задерживались на острове, здесь они хранили своп запасы продовольствия, паруса и бочки, но вряд ли обосновывались по-домашнему. Их жилищем оставались корабли, и ночевали они, как правило, на борту. И все же, имея в виду это обстоятельство, я не могу не прийти к выводу, что романтическую обстановку для отдыха, подобную встретившейся мне здесь, могли создать только миролюбивые натуры, любящие и тонко чувствующие природу. Что же иное могло руководить ими?

Конечно, флибустьеры были отпетыми головорезами, совершавшими гнуснейшие преступления; но несомненно и то, что время от времени среди них оказывались такие люди, как Демпир, Уофер, Коули, ставшие пиратами по воле рока: в результате ли обрушившегося на них несчастья, тайных ли козней недругов, когда не знаешь с кем расквитаться и от кого защититься, или несправедливых преследований. Им оставалось только искать грустного

уединения или забвения в разгульной стихии пиратства. Как бы то ни было, но полуразвалившиеся скамьи на Баррингтоне по сей день еще свидетельствуют о том, что не все флибустьеры потеряли облик человеческий.

Продолжая бродить по острову, я вскоре обнаружил другие остатки имущества рыцарей кинжала, и уж они-то как нельзя лучше соответствовали общепринятому - и, безусловно, довольно верному - представлению о пиратах. Будь это только ржавые скобы и обручи для бочек, они бы навели меня на мысль всего лишь о бондаре или судовом плотнике, но я нашел также старые абордажные крючки и кинжалы, правда до неузнаваемости изъеденные ржавчиной, но все же бесспорно свидетельствовавшие о безудержном разбое и насилии. Эти кинжалы чья-то недрогнувшая рука вонзала когда-то меж ребер испанцев. Другие мои находки напоминали о веселых попойках, происходивших на острове. На берегу там и сям валялись вперемешку с раковинами неровные осколки кружек.

С ржавым обломком кинжала в одной руке и обломком винной кружки в другой я сел на полуразвалившуюся скамью, всю увитую зеленью, и погрузился в глубокие раздумья. Неужели могло статься, чтобы пираты одни день грабили и убивали, другой - предавались безумному веселью, а в третий, разнообразия ради, преображались в созерцательных философов и пасторальных поэтов и складывали каменные ложа? А почему бы, собственно, и нет? Зная, как изменчива природа человека, следует допустить и такую возможность. Но я - пусть это покажется странным - твердо придерживаюсь утешительной мысли, что среди этих авантюристов были люди и тонкой души и высоких помыслов, действительно способные к философским размышлениям и истинной добродетели".

Мы провели в бухте Джемса три дня. 15 первый день мы предприняли вылазку к большому застывшему потоку лавы и близлежащему вулкану. В течение получаса тили мы по травянистой степи, поросшей акациями, а затем вступили в лес, состоявший из высоких деревьев бульнезии. Воздух был пропитан запахом пряного дерева, землю почти сплошь покрывали стручковые, усыпанные желтыми цветами. Здесь я впервые на Галапагосах увидел множество бабочек. Вокруг порхали крохотные коричневые мотыльки, а один вид очень напоминал нашу лимонницу. Через час мы были уже у кратера и быстро поднялись к его вершине. Внутри кратера лежало сине-зеленое озеро круглой формы, обхваченное двумя кольцами растительности - темным и светлым. Посередине этого явно мелкого озера стояли два розово-красных фламинго; первые фламинго, встреченные нами на Галапагосах! Обрадованный, я поспешно спустился по склону к воде, очевидно слишком поспешно, ибо птицы поднялись в воздух. Они сделали несколько кругов, и я начал опасаться, как бы они не улетели, но в конце концов фламинго сели на противоположном берегу. Ко мне со всех сторон ковыляли любопытные галапагосские утки. В двух метрах от меня они затеяли брачные игры, напоминая четкостью и изяществом движений заводные игрушки. Но я уже насладился этим зрелищем на Нарборо и теперь лишь мельком взглянул в их сторону - меня интересовали фламинго. Я до боли в глазах рассматривал красивых птиц в бинокль. По сравнению с их ярким оперением наши европейские фламинго показались бы блеклыми. Медленно ступая длинными ногами, они делали несколько шагов по прибрежному илу, затем останавливались, пригибали длинные шеи к земле и рылись в грязи клювами. У обоих видов птиц, не связанных между собой даже отдаленным родством, клювы вооружены пластинками. Питаются фламинго личинками насекомых и другими мелкими существами, размножающимися в соленом иле. Галапагосские фламинго принадлежат к среднеамериканскому виду, но есть ли между ними внутривидовые различия, пока неизвестно.

Кроме этой пары, других фламинго в кратере не было, но впоследствии мне посчастливилось наблюдать еще нескольких таких птиц. В лагуне бухты Джемса я видел пять фламинго, в северной части Индефатигебля - трех, а на его южном берегу, также в лагуне, двух взрослых птиц и грех годовалых юнцов. Это, к сожалению, все. Фламинго теперь встречаются редко - в том повинны охотники, которых прельщает мясо фламинго, по

отзывам поселенцев, очень нежное на вкус. При виде нас фламинго вели себя по-разному, по почти все проявляли признаки страха, и только одна птица подпустила меня к себе на 15 метров. Она, очевидно, единственная избежала в прошлом встречи с человеком. Гнездовий мы не нашли, и даже местные жители не могли сообщить, где фламинго строят из ила гнезда-конусы1.

1 (*В 1960 году мы посетили лагуны Джемса, близ бухты Сюлливан, и обнаружили там множество молодых фламинго*)

Обратно я пошел по лаве. Кое-где она застыла плотными лепешками, и на них можно было смело наступать, не боясь провалиться, но случалось, я набредал иа неприметные сверху пустоты. По опыту восхождения на Нарборо я знал, что их следует опасаться. Лава и здесь представляла собой одно гигантское кладбище. Чаще других попадались кузнечики, завязшие в лаве, а затем высохшие на солнце. Над лавовой пустыней кружил канюк - по-видимому, искал кузнечиков, разумеется живых. То тут, то там стоял канделябровый цереус или толпились небольшими группами низкие колоннообразные кактусы. Иногда это были настоящие оазисы в миниатюре. Под верхним застывшим слоем лавы таились многочисленные большие и малые туннели и пещеры. В них накапливалась влага, и через проломы в лаве к свету рвались зеленые папоротники и мхи.

В пещерах и расселинах Галапагосских островов есть еще много интересного для исследователя. Это, например, подземные потоки, наподобие тех, что выступают местами наружу в глубоких щелях около Академической бухты. В одном таком пресноводном болотце я обнаружил раков, пресноводных насекомых и рыб многих видов. Некоторых мне удалось поймать, но я, к сожалению, упустил самого редкостного обитателя подземного водоема: рыбу-альбиноса из рода Eleotris, на миг высунувшую широкую голову из-под камня. Интересно, водятся ли здесь в подземных болотах пещерные рыбы2?

2 (*В 1965 году М. Поль и Н. Лелеун сделали описание неизвестных дотоле слепых рыб из симейства бротулидовых (Caecogilbia galapagosensis), обитающих в пищерных водах Индефатигебля*)

Посреди этой безрадостной каменистой пустыни мы наткнулись на новорожденного козленка. Мать убежала при нашем появлении, бросив малыша на произвол судьбы. Ему было не больше двух часов от роду, он еще как следует не обсох, плохо держался на ногах, но сразу же по неопытности побежал к нам. Мы поспешили уйти. Не прошли мы и 20 метров, как канюк, все время сопровождавший нас, кинулся вниз на козленка. Он несколько раз проделывал виражи, стараясь из глубокого пике клюнуть малыша, но тот успел забиться в щель. К счастью, коза была еще недалеко и, заслышав блеяние детеныша, прибежала ему на помощь.

На следующий день мы совершили обход побережья, ставший у нас чуть ли не традицией. От бухты Джемса мы двинулись вдоль берега на юг. Море сверкало темной синевой. На черных нагретых солнцем глыбах лавы лежали морские игуаны. По очертаниям тела они напоминали своих сородичей с Худа, но имели более скромную окраску. Коричневая кваква с темным теменем и двумя длинными белыми перьями на затылке подстерегала крабов. Темно-зеленая цапля еще меньших размеров сновала между валунами. Цапли, казалось, не замечали друг друга и почти не выказывали страха перед людьми. Эти два вида часто соседствуют на побережье, но кваква привязана к морю - в образуемых приливом заводях она ловит рыбу и крабов,- а зеленая цапля нередко проникает и в глубь суши. В кактусовых лесах Индефатигебля я наблюдал, как она охотится за ящерицами-тропидурусами. Кроме того, она уничтожает тараканов и другую нечисть, и поэтому всегда желанный гость в поселке на берегу Академической бухты. На Галапагосах гнездится также голубая цапля, очень похожая на нашу серую цаплю. В отличие от первых двух она весьма пуглива.

Было время отлива, и на освободившихся из-под воды водорослях пестрой стаей собирались птицы. Здесь были пересмешники и малые земляные выорки (Geospiza fuliginosa), прилежно подбиравшие зернышки на морских скалах. К ним присоединились

темная чайка (Larus fuliginosus) и парочка голубей. Под конец я оказался со всех сторон окружен птицами, которые доверчиво прыгали у самых моих ног, хотя иные упорно держались на почтительном расстоянии от меня. Робость длинноногого ходулочника (Iiimantopus) и маленькой камнешарки (Arenaria) с коротким клювом выдавала в них недавних поселенцев Галапагосов. Камнешарка гнездится па севере, а острова посещает только в зимнее время, ходулочник же обрел здесь свой дом, но по-прежнему очень осторожен. У этих птиц имеется пока мало признаков, говорящих о том, что они на пути к образованию островной расы.

На берегу большие бурые пеликаны сушили свои крылья, другие рядом ловили в воде рыбу. Ныряли они на редкость неуклюже. По образному сравнению Делано, пеликаны в воде уподобляются узлу с бельем, который матрос, желая выстирать свою одежду, бросает с палубы на веревке в море: тюк распадается - штаны тянут в одну сторону, рубаха - в другую, блуза - в третью.

Порой пеликаны кидались в воду с высоты не менее 20 метров и, в падении переворачиваясь, касались воды не грудью, а спиной. Иногда они перед погружением в воду перегибались головой вниз, принимая почти вертикальное положение. Часто они целиком уходили под воду, но тут же пробкой выскакивали на поверхность и наклоняли голову вперед, чтобы дать вылиться воде, набравшейся в горловой мешок,- не меньше нескольких литров. Только после этого пеликаны заглатывали свою добычу. Коричневый пеликан - единственный среди своих сородичей - умеет нырять под воду. Остальные ловят рыбу на поверхности.

Бурого пеликана мы встречали у берегов всех крупных островов Галапагосского архипелага. В сентябре - октябре 1957 года мы находили гнезда с птенцами на южном берегу Индефатигеб- ля, на Нарборо и западной стороне Альбемарля. Птицы гнездятся на высоких кустах мангровых. Кладут ли они также яйца на землю но примеру бурых пеликанов, обитающих на суше, нам не удалось установить. По мнению Мерфи, бурые пеликаны Галапагосских островов - скорее всего типичная для этого района раса.

Мы пошли дальше. За нами последовали несколько пересмешников и голубей. Они быстро семенили за мной, и только когда я отрывался от них на несколько метров, пролетали это расстояние. Я и раньше замечал, что многие здешние птицы взлетают неохотно. Может быть, это объясняется отсутствием врагов на земле. Здесь нет куниц или лис, от когтей которых можно спастись только в воздухе, от канюка и совы же надежнее укрыться в кустах. А как известно, летные навыки, безусловно, выработались вследствие необходимости спасать жизнь бегством. В этом нас убеждает пример летающих рыб, летучих драконов и змей, яванской лягушки и летучих белок. Но на Галапагосских островах, где нет источника опасности, исчезает первопричина, заставляющая животных подниматься в воздух, а раз так, то у многих птиц пропадает стремление летать, некоторые же, например бакланы, и вовсе утратили эту способность.

Примерно через час неторопливой ходьбы мы достигли небольшого мыса, обогнули его и едва смогли удержать крик радости: перед нами возникли смешные тупорылые морды и толстые затылки галапагосских котиков. Котики, чем-то напоминавшие медведей, были настроены в высшей степени дружелюбно, и даже самцы только поворачивали в нашу сторону головы и пялили на нас большие, круглые, немного грустные глаза. Их печальное выражение усугублялось сильным слезовыделением. Секрет глазных желез, вытекавший из внутреннего угла глаза, оставлял на коричневом мехе влажные темные следы. Это выглядело так, как если бы котики плакали. Значение интенсивного слезовыделения, которое я уже наблюдал у морских львов, еще не изучено.

Котики - близкие родичи морских львов, по толстый подшерсток придает их шкуре более красивый вид и делает ее дороже. Это обстоятельство имело для котиков роковое значение. К моей великой радости, на Джемсе котиков водилось еще предостаточно, и я принялся наблюдать за редкими животными. Они вели себя тише и были менее подвижны, чем морские львы. Только детеныши развлекались теми же играми с той лишь разницей, что

они имели больше возможностей совершенствоваться в искусстве плавать. Дело в том, что слой лавы на берегу был на значительных участках подмыт снизу морем. Заметить это можно было, только остановившись над провалом, в котором неожиданно открывалась кристально чистая синяя лужица морской воды. Котики умели находить эти ямы. Но предварительно им приходилось иногда проплывать несколько сот метров под скалами, через пещеры и туннели, что бесспорно требовало большого напряжения сил. Придя к цели, котики пробкой выскакивали из воды и с фырканьем и сопением играли какое-то время в луже. Вскоре они, как правило, снова исчезали в подводном лабиринте, и лишь пузырьки воздуха на поверхности воды говорили о том, что здесь только что плескались шаловливые животные.

Котики, как и морские львы, живут стадами, правда небольшими. Вокруг каждого самца я насчитал не больше трех-четырех самок, и охранял он их не так бдительно. Я даже заметил самцов, которые доверчиво спали рядом. Это, однако, вовсе не означает, что котики более миролюбивые животные. Скорее их поведение объясняется тем, что я попал к ним между двумя циклами спаривания. Новорожденных не было, а следовательно, самцам не к чему было проявлять особую бдительность. Сейчас, в начале августа, они наслаждались отдыхом.

Котики благосклонно терпели наше присутствие. Только одна самка перепугалась, когда я, сев рядом, разбудил ее. Она угрожающе раскрыла пасть и несколько раз хрипло пролаяла, но тут же улеглась на место и успокоилась. Изредка она открывала один глаз и подозрительно косилась в мою сторону. Котиков и в самом деле, наверное, еще легче уничтожать, чем морских львов; не удивительно поэтому, что они стали такими редкостными животными. Но при известной энергии их, конечно, можно спасти. Убедившись, что берег довольно густо заселен котиками, мы возвратились на катер и отправились на поиски других редких животных. На этот раз нас интересовал галапагосский альбатрос.

Брачный танец альбатросов

На юге Галапагосский архипелаг завершается равнинным островом Худ: высота его холмов не превышает 200 метров над уровнем моря. Весь остров имеет 14 километров в длину и 6 километров в ширину и, по моим наблюдениям, представляет собой опаленную солнцем пустынную степь. Правда, на карте адмиралтейства США оптимистично указаны несколько речушек и даже приметное озеро в центре острова, но, вероятно, это озеро и эти речушки - всего лишь мимолетное явление в жизни острова, который в остальное время года остается землей древовидных кактусов и голых кустов бульнезии, типичных растений засушливой зоны.

Мало привлекательный своими ландшафтами, Худ, однако, примечателен своеобразным зоологическим мирком. На его скалах дремлют под солнцем наиболее яркие из всех виденных нами морских игуан, на холмах щиплют траву черепахи - особая раса с седлообразными панцирями изумительной красоты, а ящерицы, змеи, вьюрки и пересмешники образуют островные формы, заметно отличающиеся от своих сородичей, обитающих на других островах архипелага. И все же самым редкостным достоянием Худа следует признать большого галапагосского альбатроса, гнездящегося только здесь. Строго говоря, эту птицу, достигающую в размахе крыльев 230 сантиметров, можно только условно причислить к наземным обитателям острова, поскольку большую часть своей жизни она проводит в воздухе. Часами парит альбатрос над морем, почти не шевеля крыльями. Ритмично поднимаясь и опускаясь, он словно играет с ветрами, умело используя разницу в скорости движения слоев воздуха. То он стремительно падает с попутным ветром вниз, входя в более медленные воздушные потоки, то, почти достигнув морской волны, резко поворачивается против ветра и без единого взмаха крыльями взмывает ввысь. Чем выше, тем стремительней воздушные течения и тем больше скорость полета альбатроса относительно

окружающей среды.

Каждый летчик познал в своей практике чудодейственную силу ветра. Самолет, движущийся равномерно, попадая в более сильный встречный поток, испытывает на себе одновременно торможение, вызванное сопротивлением воздуха, и его подъемную силу, увлекающую машину вверх до тех пор, пока не восстановится ее первоначальная скорость. Но стоит встречному ветру ослабеть - скорость самолета уменьшается и он теряет высоту. То же происходит и с планером: встречный ветер гонит его вверх, где он попадает во все более убыстряющиеся потоки воздуха.

Итак, альбатрос, повернувшись против ветра, поднимается ввысь. Но вот он достиг наивысшей точки своего полета. Теперь он подставляет бок или спину ветру и отдается в его власть. Он несется вниз, пересекая на своем пути замедляющиеся по мере приближения к земле слои воздуха и приобретая все большую скорость. Внизу птица повторяет весь маневр сначала: поворачивается против ветра, и ветер услужливо подталкивает ее кверху, где его дуновения сильнее. Достигнув уровня, выше которого скорость воздушных потоков не нарастает, альбатрос снова ныряет вниз. И так при ничтожной затрате энергии он часами летает над морем, вылавливая каракатиц и других морских животных.

В своих странствиях галапагосский альбатрос достигает берегов Чили и Перу, но со свойственным этому виду птиц постоянством гнездится только на Галапагосских островах. Он единственный из семейства альбатросов,- а их известно 13 видов,- живет исключительно в тропиках. Из остальных видов девять обитает в умеренной и субантарктической зоне южного полушария. Они тысячами гнездятся на отдаленных необитаемых островах, где им не угрожают отсутствующие здесь наземные хищные млекопитающие. Альбатросы на редкость привержены к насиженным местам и изгнать их оттуда почти невозможно. Недавно американцы попытались очистить авиабазу от альбатросов, мешавших взлету и посадке самолетов1. Птиц вывозили на судах, но они неизменно возвращались обратно, хотя, по сообщениям газет, гибли тысячами. В отличие от своих сородичей, которые гнездятся в период южной весны - между сентябрем и январем,- галапагосский альбатрос предпочитает для этой цели май и июнь. Его своеобразие и в том, что он не строит гнезд, а кладет яйца прямо на голую землю.

1 (*Rice, Birds and Aircrafls on Midway Islands, 10Г)7/19о8. Investigations USF and WS, "Spec. Sci. Rep. Wildlife", № 44, 1959*)

Галапагосский альбатрос, имеющий в размахе очень узких крыльев 2,5 метра, принадлежит к "меньшим" видам (странствующий альбатрос - Diomedea exulans - превосходит его на целый метр).

Для строения тела альбатроса (а также буревестника) характерна одна важная особенность: его ноздри заканчиваются трубочками. Прежде считали, что они служат для ориентации в воздушном пространстве, на самом деле их назначение - выводить наружу выделения так называемых соляных желез (стр. 50). Без этих трубочек встречный поток воздуха препятствовал бы выделению секрета железы при длительных полетах над открытым морем. Трубочки, действующие наподобие водяного пистолета, нейтрализуют воздействие ветра.

Насколько известно, галапагосский альбатрос гнездится только в юго-восточной части Худа1 и именно там в годы войны потребовалось построить радарную станцию. Ранее мне уже приходилось наблюдать последствия пребывания войск на юге Сэймура, и потому я был настроен весьма пессимистично, когда мы бросили якорь в бухте Гарднер, на северном берегу Худа.

1 (*Позднее, в I960 году, мы имели возможность установить, что альбатросы гнездятся также в южной и юго-западной частях Худа*)

Желтые холмы и заманчивый белый пляж Худа лежали перед нами. Слева, на западе от него, находился островок Осборн - на его приветливых берегах три года назад я познакомился с морскими львами. Время от времени ветер доносил до меня их отдаленный рев. Властвует ли еще старый самец в своем гареме?

Высадка в бухте Гарднер оказалась вопреки ожиданиям нелегким предприятием. Когда я приблизился к берегу, мой проводник-эквадорианец, прибывший на своей лодке раньше меня, развешивал на кустах штаны, рубашку и носки. Его лодку повернуло поперек мертвой зыби, и волна опрокинула ее. Пока проводник, слегка омраченный происшествием, обсыхал на солнце, я отправился на поиски раковин. Впрочем, едва ли мои действия можно назвать поисками. Казалось, что кто-то разложил перед нами все драгоценности Востока. Между тысячами улиток с желто-коричневыми пятнами, желтых каури и ярких конусообразных улиток, перемежавшихся красными и синими клешнями больших лангустов, лежали нежные зеленые и розовые сифонарии. Уже в первое мое посещение острова я не без удовольствия ворошил эту россыпь. На сей раз я имел задание - непременно привезти раковин на ожерелье моей трехлетней дочурке.

Пересмешники и вьюрки суетились вокруг меня, по-видимому, надеясь чем-нибудь поживиться.

Набив полные карманы ракушек, мы пошли в восточном направлении. Вначале мы держались берега, и там, на скалистых участках, я увидел моих старых знакомых - пестрых морских игуан. Зона прилива кишела наземными змеями.

То и дело мы пересекали следы морских черепах, которые по ночам выползают на берег, чтобы отложить в песок яйца. Не распознать эти следы было невозможно: по обеим сторонам широкой борозды, оставляемой брюшным панцирем, тянулись глубокие отпечатки плавникообразных лап, на которые опираются животные. На Галапагосах эти животные еще многочисленны, но поселенцы усердно собирают их яйца и тем самым уничтожают потомство.

Высокий утес преградил путь вдоль берега, и нам пришлось свернуть в глубь острова, на юго-восток. Мы шли к мысу Севаллос, юго-восточной окраине острова, и, пересекая остров, сильно сокращали себе дорогу. Идти было нетрудно. Козы - а они водились здесь в несметном количестве - протоптали тропки во всех направлениях. Их запах стоял в воздухе, вновь и вновь мы встречали и самих животных. Они производили впечатление здоровых крепких созданий. Козлов, темно-коричневых с красноватым оттенком, с черной полосой на спине, отличали большие выступающие вперед рога, слегка загнутые в спираль, пышные бороды и гривы. Среди коз также преобладала красновато-коричневая масть, изредка встречалась черная. Пятнистые животные попадались редко.

Козам и в самом деле жилось здесь на удивление привольно. Они, очевидно, как нельзя лучше приспособились к существованию в безводной пустыне. Жажду они утоляли, поедая стволы кактуса, а кроме того, по свидетельству многих наблюдателей, научились пить морскую воду. Как я писал выше, ее в состоянии усваивать только морские млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся, обладающие соляными железами. У коз их функцию выполняют почки, о деятельности которых известно пока мало.

Эти безвредные как будто создания наносили большой ущерб растительности. Со всех кустов кротона были обломаны сучья и объедены концы веток, повсюду проступали явственные следы начинающейся эрозии. Многие козьи тропы превратились в русла для ручьев, правда, в это время года в них не было ни капли воды. В противоположность большинству галапагосских животных, которые ведут себя как ручные, козы проявляют боязливость.

Через час мы снова услышали шум моря, но теперь он доносился с другой стороны. Выйдя из кустов, я увидел огромную колонию морских птиц. На черных скалах камню негде было упасть. Насколько хватало глаз, повсюду сидели ласточкохвостые чайки, фрегаты и синеногие олуши. Хриплые крики взлетающих и садящихся на скалы птиц наполняли воздух и заглушали даже рев прибоя. Небо было закрыто низко нависшими над землей облаками, и тонкая сетка дождя серой пеленой затянула и без того мрачную картину.

Отчетливее всего мне врезались в память три больших альбатроса. Они были так заняты общением между собой, что меня просто не заметили, хотя стояли передо мной, так сказать, лицом к лицу. Быстро поворачивая голову из стороны в сторону, они каждый раз

сталкивались клювами. Немного погодя все трое склонились в низком поклоне, затем выпрямились и принялись расхаживать рядом по кругу. Каждая птица была больше взрослого индюка. Серо-коричневое оперение оживляли легкий белый налет на спине и серые крапинки на брюхе. Голова и шея были желтовато-белые, крепкий клюв - желтый, лапы - голубоватые.

Я обошел всю колонию, следя за каждым своим шагом, чтобы не наступить на яйца. Иной раз мне приходилось перешагивать через головы сидевших на яйцах фрегатов или олушей - так тесно здесь было. Ни одна не пожелала уйти с моего пути, а наиболее задиристые старались ущипнуть меня. Дважды я натыкался на молодых альбатросов. Бесформенные толстые птенцы, покрытые коричневым пухом, буквально сливались с неровной поверхностью. По величине они почти не уступали взрослым фрегатам. При моем приближении смешные детеныши-великаны в страхе отбегали на полметра за камень и оттуда грозились раскрытым клювом.

Альбатросов было немного. Я насчитал всего четырнадцать взрослых птиц и пять птенцов. Стоял октябрь, а в этом месяце альбатросы не спариваются. В марте птенцов было бы больше. Большинство альбатросов токовало. Это выглядело очень забавно, я сел около одной пары и принялся наблюдать.

Оба начали одновременно: медленными раскачивающимися шагами они танцевали, и в такт движениям каждый раз глубоко склонялись к тому боку, который выставляли вперед. При этом они так сильно опускали голову, что устремленный к земле клюв касался плеча. После непродолжительного танца птицы остановились одна против другой и начали быстрыми боковыми движениями головы соприкасаться клювами. Вдруг один альбатрос поднял клюв кверху и хрипло затрубил. Его партнер поступил точно так же, но затем, нагнувшись, вытянул клюв вперед. Ему ответили широко раскрытым клювом, который, впрочем, тут же со стуком сомкнулся. Впечатление было такое, будто альбатрос усмотрел угрозу в поведении партнера, и мне думается, что "указующий" клюв и в самом деле обозначает угрозу. Если я прав, то ответное постукивание клювом следует толковать как оборонительный жест. Ведь птицы нередко проявляют в брачных танцах признаки агрессивности. Объясняется это тем, что сначала они, очевидно, испытывают страх и робость и только постепенно преодолевают эти чувства во время токования. По сути дела, смысл токования в том и заключается, что оно помогает птицам избавиться от страха.

Между тем альбатросы принялись стучать клювами, как это делают аисты, и вытягивать вперед шеи. Постучав, они неизменно поднимали рывком шею, так что она становилась трубой, и, издав протяжный крик, вскидывали вверх голову. Однако клюв птицы по-прежнему был обращен к партнеру. Пока один стучал, его визави касался клювом плеча партнера и застывал в этой позе. Когда прекращал первый, наступала очередь второго. Он закидывал голову и быстро барабанил половинками клюва одна о другую.

Закончив стучать, птицы снова потерлись клювами, низко поклонились, и каждая прокричала "го-го-го-го!", после чего обе уселись на землю, показывая этим, видимо, что они готовы вить гнезда. Они опять потерлись клювами, а затем погладили друг другу горло и затылок и заботливо причесали отдельные перышки. Так птицы некоторое время занимались туалетом. Наконец они встали, и все началось сначала. Я не заметил строгой последовательности в порядке "па", но мне показалось, что движения танцующих становились все более синхронными, так что в конце концов они одновременно поднимали головы, постукивали клювами и склонялись в поклоне.

Только немногим из забавных фигур брачного танца я мог найти объяснение. Поза импонирования - вытягивание совершенно прямой шеи кверху - очень распространена среди птиц. Серые цапли, приветствуя, делают подобное движение. Возможно, это церемониальное выражение дружественных намерений. Во всяком случае, такое толкование - его дал большой знаток птиц Оскар Хайнрот - вполне убедительно. Этот жест, как мы уже показали на нескольких примерах, прямая противоположность позе угрозы.

Склоняясь в глубоком поклоне, альбатрос, по-видимому, совершает ставшее

ритуальным движение, которым указывает место, пригодное для гнезда. Взаимные похлопывания клювом, безусловно, порождены движениями, которыми альбатросы чистят друг другу перья на голове. Такое поведение птиц выражает готовность к "социальному" контакту, поэтому оно часто сопутствует брачным танцам или приветственным церемониям.

Какое большое значение вкладывают животные в эти жесты, показывают наблюдения Отто Антониуса, бывшего директора зоологического сада в Шенбруне. В числе экспонатов сада был персидский жеребец кулана. По необъяснимой причине некоторые служители зоологического сада и сам Антониус вызывали у животного приступы ярости. Завидев директора, кулан кидался в его сторону и в состоянии возбуждения впивался зубами в решетку, издавая крики, или же набрасывался на другого жеребца, посредством которого служители старались отвлечь его внимание и успокоить. В один из таких случаев строптивое животное повернулось к Антониусу крупом, так что Антониус смог достать до него рукой через решетку. Антониус воспользовался моментом и почесал жеребца у основания хвоста ключом от клетки. "Ласка" возымела волшебное действие. Жеребец мигом, словно его ударило током, оставил своего соседа в покое, всем своим видом показывая, что почесывание доставляет ему наслаждение. Антониус продолжил это занятие до тех нор, пока жеребец снова не обернулся к нему и не попытался его укусить. Но на сей раз вспышка длилась недолго да и носила, очевидно, символический характер - кулан вскоре отвернулся, ожидая, чтобы его вновь приласкали. С этого момента его отношение к директору радикально изменилось: завидев Антониуса, он уже не подлетал в ярости к решетке, а приходил в радостное возбуждение и поворачивался к нему крупом, явно надеясь, что тот его почешет.

Не следует поэтому удивляться, что именно движения, которыми животные чистят друг другу кожу, утвердились зачастую как традиционные приветствия. Правда, подчас они претерпевают большие видоизменения, и только путем сравнения с поведением родственных видов можно выявить их истинный смысл. Лемур-монгоц в виде приветствия трещит языком и быстро снует нижней челюстью, при этом он даже не дотрагивается до своего партнера, а просто делает утрированные движения, какие совершает, когда прочесывает мех, и лижет воздух. Движения, которыми он очищает кожу, полностью отделились от своей первоначальной функции и превратились в приветственную церемонию. Этот пример показывает, что жесты, которые вне сомнения выражают у животных расположение, вражду или иное состояние возбуждения, в процессе образования видов могут превратиться в ритуализированные позы. Видный фотограф животных Хайнц Сильман недавно показал, что некоторые повадки дятлов, имеющие для них жизненно важное значение, берут начало от постукивания клювом по стволу дерева, которое явно передает настроение к спариванию. Известный всем нам стук, оглашающий весной буковые леса, имеет символическое значение: он предупреждает соперника: "Здесь уже строят гнездо",- и одновременно приманивает самок. Такое же происхождение имеет и другая сигнализация: когда супружеская чета мастерит гнездо в дупле и один из супругов хочет, чтобы другой его сменил, он медленно и звучно стучит у входа в дупло, что должно означать: "Теперь иди-ка ты поработай". У черного дятла этот жест получил еще более широкое значение - он выражает просьбу сменить партнера не только при постройке гнезда, но и во всех прочих случаях. Испытывая голод, птица стучит изнутри по стенке дупла, и только потом поднимается и уступает место своему товарищу.

Очень часто жесты, при помощи которых детеныши побуждают матерей оказать им помощь, с большими или меньшими изменениями фигурируют в брачных танцах самцов. Токование альбатросов начинается "сражением на клювах", схожим с движениями, которыми птенцы выпрашивают пищу: они быстро крутят головами из стороны в сторону и одновременно стучат по клюву родителя. Токующие альбатросы проделывают оба эти движения, а так как партнеры вертят клювами из стороны в сторону, те быстро ударяются.

Самцы усатой синицы при токовании также воспроизводят движения проголодавшихся птенцов. Хомяк добивается благосклонности своей избранницы тем, что бежит за ней,

издавая "крики брошенного", то есть подражая крику детеныша, выпавшего из гнезда и зовущего мать на помощь. А кто из нас мог бы без смущения выслушивать свои признания в любви, тайком записанные на пленку? Не говорят ли употребляемые нами в таком случае инфантилизмы о том, что многие изученные закономерности поведения высокоорганизованных животных присущи и людям?

Познание повадок животных действительно дает нам в руки зеркало, в котором мы яснее различаем многие порой трудно постигаемые особенности собственного поведения.

Вторжение в рай

Галапагосский архипелаг посещался регулярно уже с конца XVIII века сперва пиратами, потом китоловами. В 1793 году Англия направила капитана Джемса Кольнетта разведать возможности расширения китобойного промысла в Тихом океане. 24 июня 1793 года он увидел Галапагосские острова. В отчете о путешествии капитан описал местные ландшафты, животных и растения. Он назвал острова Худ и Чатам в честь двух лордов, а Баррингтон, Дункан и Джервис по именам адмиралов. К этому периоду относится возникновение "почтамта" в Почтовой бухте на Чарлзе. Китоловы клали письма в старую бочку, привязанную к дереву, а суда, возвращавшиеся на родину, забирали их с собой. Этот обычай сохранился и поныне. Немецкая колонистка Маргерет Витмер ставила на письме особую печать, которая сегодня является предметом вожделения всех филателистов.

В 1812 году американский капитан Давид Портер нарушил мирную жизнь Галапагосов. Капитану было поручено изгнать из этого района английских китобоев. Прежде всего он направился в Почтовую бухту, вынул из бочки письма английских моряков и но ним определил число английских судов. После этого он занялся их розысками, на что ему потребовалось 14 дней. "Утром 29 апреля громкие голоса подняли меня с койки, на которой я провел почти бессонную ночь. Судно сотрясалось от криков: "Парус впереди! Парус впереди!" В один миг вся команда высыпала на палубу. Парус принадлежал большому судну, которое держало курс на запад. Мы бросились в погоню. Через час мы обнаружили еще два судна, также внушительного вида. Они шли на юго-запад. Я не сомневался в том, что это были английские китобои, и надеялся захватить их в полдень, когда обычно наступает затишье. Я продолжал преследовать судно, которое мы увидели первым, и в 9 часов, подняв английский флаг, приблизился к нему. Корабль оказался английским китобоем "Монтесума". На его борту находилось 1400 бочек китового жира. Командовал им капитан Бакстер. Я пригласил капитана на борт "Эссекса", потом захватил в плен его команду, а на "Монтесуму" послал офицера с людьми, сам же продолжал идти вслед остальным двум судам, которые изо всех сил старались избежать погони. В 11 часов утра, как я и предполагал, наступил штиль. Теперь нас разделяло 13 километров. В 2 часа наши лодки подошли к кораблям примерно на полтора километра. Те подняли английский флаг и открыли стрельбу. Лодки выстроились в боевой порядок и направились к более крупному судну. Приближались они под прицелом корабельных орудий, но это не помешало им подойти почти вплотную. Была отдана команда взять суда на абордаж. Когда до забортного трапа оставалось несколько метров, лейтенант Даунс потребовал, чтобы англичане сдались. Они тут же спустили флаг".

Последнее судно последовало примеру двух первых. Портер отмечает, что, помимо морального удовлетворения, победа принесла ему все необходимое: снасти, краски, провиант... Не было только воды.

Капитану Портеру обязаны мы сообщением о первом поселенце на Галапагосских островах, жившем на Чарлзе. В литературу он вошел под прозвищем Оберлюс, хотя на самом деле его звали Патрик Уоткинс. Имя выдает в нем ирландца. В 1800 году Оберлюс дезертировал с английского судна и обосновался поблизости от Почтовой бухты. Жил он в пещере, сажал картофель, табак и тыкву. По описанию Портера, вид у Оберлюса был весьма неприглядный: рыжие волосы всклокочены, одежда превратилась в лохмотья и кишела

паразитами. У моряков с заходивших на остров судов он обменивал продукты со своего огорода на ром. После каждой такой сделки он целыми днями валялся в беспамятстве пьяный на земле.

Тем не менее Оберлюса одолевали честолюбивые планы. Завладев в один прекрасный день старым мушкетом, он решил провозгласить себя властителем острова, но для этого ему недоставало подданных. Он попытался похитить негра, охранявшего шлюпку своих товарищей. Негр сначала проявил полную покорность, но стоило Патрику зазеваться, напал на него, связал и . притащил на корабль. Оберлюсу дали плетей, жилище его разрушили, а все запасы забрали. Отныне он был одержим жаждой мести. Как и прежде, он вел торговлю с проходившими судами и спустя некоторое время смог подпоить пятерых доверчивых матросов и захватить их в плен. Оберлюс глаз не спускал со своих рабов, а, укладываясь спать, связывал их. Однажды ему удалось похитить шлюпку с китобоя. Теперь он мог покинуть остров. 29 марта 1809 года он вместе со своими пленниками отчалил от его берегов. В Эквадор, однако, Оберлюс прибыл один: воды было мало и на всех не хватило.

В 1832 году генерал Хозе Влламил заложил на Чарлзе первые большие посадки полезных растении. Он привез на далекую землю 80 солдат, которых спас на континенте от казни. Когда три года спустя Дарвин посетил остров, число его жителей приближалось к 300. Виламил назвал колонию "Asilo de La Paz"1, но мира в ней не было. Преемник Виламила так терроризовал своих подданных, что в конце концов те, не в силах более сносить насилия, взбунтовались. Полковнику пришлось бежать, а колония распалась. Часть колонистов обосновалась на Чатаме, и в 1849 году их насчитывалось здесь 45 человек. Впоследствии поселок разросся. Сейчас на Чатаме проживает около 1000 жителей. В 1870 году снова была предпринята попытка заселения Чарлза. Сначала она как будто удалась, но прошло немного времени и остров был превращен в каторжную колонию. Однажды заключенные захватили оружие, убили основателя колонии сеньора де Валдизиана и установили жестокий террористический режим. В конце концов более благоразумные среди них объединились и в решающей стычке разбили бунтовщиков. Однако вскоре после этого они покинули Чарлз. В 1893 году Антонио Джиль вновь попытался создать поселение, но опять неудачно. Поселенцы один за другим перебрались на юг Альбемарля и расположились в деревне Сан-Томас.

1 (*"Обитель мира" (испан.).- Прим. перев.*)

На Чатаме Мануэль Кобос основал в 1869 году селение "Progreso", что означает "Прогресс". Первые жители, такя^е осужденные, существовали тем, что собирали лакмусовый мох, из которого в то время добывали красители. В 1880 году Кобос разбил на острове большие плантации. Тремястами своими подданными, видимо всеми на континенте забытыми, он правил тиранически. Кобос даже чеканил свои деньги. За малейшие провинности он запарывал людей до смерти или расстреливал. Некоторых он высаживал на необитаемые острова. Такая судьба постигла некоего Камило Казанова, который провел больше трех лет в страшных лишениях на Индефатигебле. Казанова снабдили бочонком воды, двумя ножами и самой необходимой одеждой. Он питался сырыми черепахами и игуанами, нередко пил их кровь. В конце концов он даже умудрился построить себе хижину. За три с половиной года на остров дважды заходили английские суда, но напрасно Казанова умолял моряков взять его на борт. И лишь позднее он узнал причину проявленной жестокости: на другом берегу острова Мануэль Кобос велел поставить щит с надписью, предупреждавшей каждого, что здесь живет опасный преступник.

Нет ничего невероятного в том, что у несчастных жителей "Progreso" иод конец иссякло терпение, и они зарубили тирана мачете на том самом месте, где он незадолго до того застрелил пятерых их товарищей.

Мощная волна переселенцев хлынула на Галапагосы в 30-е годы нашего века. Случившемуся немало способствовала книга Уильяма Биба "Галапагосы, конец света". Нарисованная в ней яркая картина полных очарования островов увлекла многих обездоленных людей, мечтавших обрести новую родину. Норвежец Гарри Рандалл

разработал целый план колонизации островов. Совершенно ослепленные люди внимали только своим вожакам, которые убеждали их, что плодородная земля Галапагосов может легко прокормить и сто и тысячу человек. Никто будто и не слышал тех слов, что большая часть островов покрыта безжизненными пустынями, где растут одни кактусы, и что сам Биб страдал от недостатка воды и обилия острых камней. Люди отметали в своем сознании все, что могло бы их разочаровать. Первая группа поселенцев высадились на Чарлзе. "Едва они увидели берега, на которых кое-где торчали стволы кактусов и виднелись покрытые шипами акации, ощутили запах колючего кустарника муиуи, пропитавшего воздух над Черным Заливом, как сразу поняли, что их обманули. Апельсиновые рощи обернулись зарослями кактусов, а богатая земля, якобы способная прокормить сто тысяч человек, обнаженной каменистой почвой. Галапагосские острова и в самом деле оказались концом света. Уильям Биб ничего не преувеличил. Это был ад в его первозданном виде" (Hagen, 1949).

И все же наиболее отважные решили попытать счастья. Они соединили скудные источники воды и построили маленький завод рыбных консервов. Но очень скоро поселенцы перессорились между собой, одних скосила смерть, другие покинули острова. Из 22 человек, прибывших из Нарвика, 18 в первые же полгода бежали отсюда, 12 из них умерли в Гуаякиле. Однако несчастья других не остановили новых смельчаков. За два года на Галапагосы прибыло 124 норвежца, почти столько же, очевидно, уехало, если они до этого не нашли покой иод глыбами лавы. К 1929 году на всем архипелаге оставалось три норвежских поселенца. Попытка основать на Индефатигебле сахарный завод кончилась неудачей. Котел взлетел в воздух, и так как норвежцы не смогли выполнить своих обязательств перед правительством Эквадора, последнее конфисковало суда, оборудование и постройки.

За 400 лет на Галапагосском архипелаге побывало множество людей. Из их рассказов сложилось довольно полное представление о климате и условиях жизни на островах. Теперь известно, что на возвышенностях архипелага встречаются плодородные участки, но они страдают от чрезмерной влажности. На некоторых островах разгуливают на воле бездомные свиньи, козы, коровы, ослы, но это еще не делает рая. Прелестей тропических стран здесь не. найти. Галапагосы красивы суровой дикой красотой, для всякого любителя природы это настоящий Эльдорадо новых интересных сведений, но тому, кто захочет осесть надолго, придется вести непрерывную борьбу за насущный хлеб и воду. И все же многие люди, введенные в заблуждение, искали на негостеприимных островах желанный рай. Такую ошибку совершил и зубной врач из Берлина Фридрих Риттер, чья трагическая судьба одно время занимала издателей иллюстрированных журналов. Мы были на том месте, где прежде стояла его ферма, на которой он искал покоя, а нашел скорую смерть. От плантации осталось всего несколько пальм, но ветер сорвал с них верхушки, и стволы без кроны, точь-в-точь телеграфные столбы, грустно смотрели в небо. Мы нашли каменную скамью - здесь Риттер любил посидеть в тени деревьев и помечтать,- а неподалеку и его простую могилу. Над небольшим холмиком торчал сколоченный из реек крест. На прибитой к нему дощечке стояло имя покойного и дата смерти.

Сейчас на Галапагосах проживает около двух тысяч человек, почти все это эквадорцы, в жилах которых течет значительная доля индейской крови. Есть, однако, и европейские поселенцы: на Чатаме, Чарлзе, Индефатигебле и в южной части Альбемарля. Они живут в небольших селениях, где каждый сам удовлетворяет все свои нужды, превращаясь попеременно из плотника в портного, а из портного в сапожника. Только в более или менее крупных центрах на Чатаме и юге Альбемарля имеются настоящие ремесленники. Быть может, это объясняется тем, что у населения очень мало денег. Ценой тяжкого труда оно добывает лишь самое необходимое. Жители побережья занимаются рыбной ловлей. Одни раз в год они отправляют на материк сушеную рыбу, и торговля ею приносит доход, которого хватает на целый год. Те, кто хочет заниматься земледелием, вынуждены селиться на влажных возвышенностях, где климат очень нездоровый. Здесь приволье для болезнетворных микробов, а вещи, лишенные хоть на день притока свежего воздуха,

покрываются плесенью. Зато отлично произрастают кофе, бананы, папайя, авокадо, апельсины, ананасы, картофель и многие сорта овощей, но что толку? За исключением кофе большинство этих продуктов не находит сбыта. Торговля с жителями побережья дает немного. Фермеры держат крупный рогатый скот и свиней. Кроме того, все желающие могут стрелять одичавших коз и свиней. На Индефатигебле и Альбемарле специальные охотники промышляют одичавшим крупным рогатым скотом и делят мясо поровну между жителями деревни. Острова подчинены военной администрации. Власти небольших портов, оборудованных рациями, следят за порядком во всем районе островов. В каждом крупном поселении Эквадор построил школу и церковь.

Медицина представлена на Галапагосах врачом и дантистом, которые живут на Чатаме. Раз в три или пять недель приходит правительственная лодка. Она доставляет продукты и почту и забирает почту на материк. В небольших лавчонках, имеющихся в каждом селении, можно купить бобовые, сахар, муку и другие основные продукты питания. В целом на Галапагосах живется трудно и бедно, и большинство европейских поселенцев страдает - признаваясь в том или нет - от скуки и отсутствия культурных развлечений.

И все же поселенцы продолжают прибывать. Несколько месяцев назад промелькнуло сообщение о том, что американское судно доставило на Галапагосы партию колонистов, а сейчас европейцы, желающие выехать на острова, забрасывают заявлениями консульства Эквадора во многих странах. На этот раз стимулом послужила статья одного французского корреспондента. Захлебываясь от восторга, он описывает прелести морских купаний и апельсиновых рощ, умалчивая о том, с какими тяготами связана робинзонада на территории, зажатой между застывшими потоками лавы и кактусами. Корреспондент не задумывался над тем, что его увлекательный рассказ может ввести в заблуждение многих людей и принести им горе.

К несчастью, Галапагосские острова имеют также большое стратегическое значение в системе защиты Панамского канала. Соединенные Штаты, в свое время потерявшие Галапагосские острова, не раз, конечно, пытались снова завладеть ими. Во время похода против английских китобоев в 1812 году капитан Портер поднял на Чатаме американский флаг и тем формально установил на архипелаге власть Соединенных Штатов. Однако в Вашингтоне этот акт самоуправства был встречен неблагосклонно. В 1854 году США чуть было не купили острова, предполагая, что они богаты гуано. Когда, однако, выяснилось, что это не так, договор, уже подписанный Эквадором, не был подписан Америкой. Во время Войны за независимость предложения о приобретении Галапагосов не встречали поддержки, а когда в США снова возник интерес к островам, правительство Эквадора запросило непомерно высокую цену. Впрочем, к этому времени оно уже не собиралось расставаться с архипелагом и только под давлением событий во время второй мировой войны разрешило основать военные базы в южной части Сэймура и на Худе. В 1942 году на Сэймуре были устроены склад горючего и авиабаза.

Военная оккупация не пошла на пользу природным богатствам островов.

Опустошение

Мне хорошо запомнились два случая, омрачающие светлые воспоминания о Галапагосах. Ни одна страна не произвела на меня такого чарующего впечатления, как этот полный чудес своеобразный мир, который позволил мне заглянуть в извечную тайну творения. Но стоит мне подумать, что я посетил последнюю райскую обитель природы, потерпевшей столь сильный урон от рук человека, как передо мной встают мрачные тени. Да, п на берегах этих счастливых островов появились первые провозвестники безжалостного уничтожения.

В январе 1954 года я, полный самых радужных надежд, приехал на небольшой островок Южный Сэймур. Он расположен к северу от Индефатигебля и отделен от него только узким проливом. Побывавший здесь в 1923 году Уильям Биб писал об острове как о

девственном клочке суши, где во множестве водятся наземные игуаны, тогда как в других местах они уже в те времена встречались редко. Игуан можно было видеть под каждым кактусом:

"Пройдя лишь несколько метров по саванне Сэймура, я понял, что здесь сосредоточились конолофы со всего острова. Под каждым кактусом, под каждым даже маленьким кустом кордии, акации или бурсеры лежала ящерица. Это были крупные пресмыкающиеся. Во всей колонии - а я прошел ее с начала до конца - не было ни одного экземпляра меньше 60 сантиметров, а большинство превышало 90 сантиметров. Я насчитал 14 особей, с виду древних как мир. Все они расположились в густой тени. Под кактусами они вытягивались вдоль тени, отбрасываемой его стволом, а под кустами свертывались в комочек, чтобы уместиться на небольшом затененном клочке земли".

Итак, я высадился на севере Сэймура, надеясь увидеть ту же картину. Издали остров и в самом деле обещал многое. Высокая желтая трава покрывала красную пепельную почву, усеянную глыбами, кое-где поднимались низкие кусты и опунции выше человеческого роста. Но вот я вскарабкался на крутой берег, и передо мной открылся совершенно иной вид. Я неожиданно оказался на асфальтированном шоссе! Его черная полоска, во многих местах уже прожженная солнцем, привела меня в поселок. По обеим сторонам улицы выстроились низкие военные бараки. На стенах заплатами темнели забитые окна. Голоса людей или животных не оживляли заброшенное селение. Только ветер играл проржавевшими ставнями. Ничто не навевает такой грусти, как разваливающиеся дома. Печально пошел я дальше и натолкнулся на хорошо замаскированные склады боеприпасов, теперь пустые, патрульные будки и цистерны для горючего, тянувшиеся вплоть до южного берега острова. Много часов бродил я по острову, избегая дорог, исходил его вдоль и поперек, но обнаружил только один-единственный экземпляр друзоголова, которых здесь раньше было такое множество. Под навесом скалы лежал высохший на солнце труп животного. По отверстиям, оставленным пулей, я установил, что его застрелили. Остров наземных игуан подвергся опустошению. Во время второй мировой войны он служил военной базой, и находившиеся на ней тысячи людей томились бездействием! Им нельзя даже поставить в вину то, что развлечения ради они охотились на любых живых существ. Место истребленных галапагосских животных заняли новые обитатели: домовые мыши! Они так размножились, что их норы тянутся на многие километры. Голодные зверьки с корнем вырыли почти всю траву и теперь средь бела дня рыскали в поисках пищи. Даже маленькие тропидурусы попадались лишь изредка. Очевидно, мыши уничтожали их яйца. Пройдет немного времени - и юркие ящерицы исчезнут бесследно. Если на мышей не нападет мор, эти последние обитатели Южного Сэймура сожрут остатки растительности на острове, после чего между ними начнется братоубийственная война. В конце концов остров останется пустым и голым, каким когда-то восстал из морской пучины, и будет являть собой угрюмый памятник того, как за несколько лет была уничтожена жизнь, существовавшая десятки тысяч веков.

С другим примером бессмысленного уничтожения я столкнулся на Ла-Плазе. Эти два островка к востоку от Индефатигебля имеют всего несколько сот метров в длину и около 300 метров в ширину, но дают приют многочисленным животным. На южном острове, необычайно живописном, живут конолопы - наземные игуаны, лавовые ящерицы - килехвосты и морские львы, которых особенно много. Здесь гнездится ласточкохвостая чайка. Земля поросла красноватой травой, а с небольшого холма поверх древовидных кактусов открывается вид на море и желтые туфовые утесы соседнего Индефатигебля. Но вот среди этой идиллии я увидел следы самого постыдного варварства. Около берега я наткнулся на полузасыпанные трупы шести морских львов. У всех были размозжены черепа. Животные, по-видимому, были убиты без всякой надобности, просто из желания убивать. Убийцы даже не потрудились снять с трупов шкуры! Неподалеку я нашел пеликана. Ему в голову бросили камнем, и он раздробил верхнюю часть клюва.

Эти находки потрясли меня больше, чем выбеленные солнцем панцири слоновых черепах на других островах. Там людей толкал голод, здесь же ничто не оправдывало

злодеяния. В первое мое путешествие на Галапагосы я повсюду встречал следы опустошения. В селениях нам предлагали по дешевке детенышей черепахи, птенцов пингвинов, шкуры котиков и морских львов, хотя все эти животные находятся под охраной великодушных законов. Правительство Эквадора поставило под защиту закона черепах, наземных и морских игуан, пингвинов, бакланов, голубей, фламинго, уток, морских львов и котиков. Кроме того, оно объявило заповедными областями Худ, Джемс, Индефатигебль, Абингдон, Биндлоу, Тауэр, Уэнман и Кулпеп- пер, а также северную часть острова Альбемарль до перешейка Перри. Таким образом, большим популяциям черепах, наземных игуан, альбатросов и многих других морских птиц теоретически больше не угрожала опасность, но, к сожалению, только теоретически: что пользы в законах, если никто не следит за их исполнением.

В каком же состоянии находится ныне фауна Галапагосских островов? Прежде всего отметим, что из местных видов больше всех пострадали черепахи. На Баррингтоне и Чарлзе они истреблены полностью, а на Чатаме, Худе и Джервисе их осталось так мало, что вряд ли можно надеяться, что они здесь выживут. Очень серьезная угроза нависла над горсткой сохранившихся черепах на Дункане и Абингдоне. В восточной части Джемса, редко посещаемой людьми, они находятся вне опасности. В большом количестве черепахи обитают, однако, только на Альбемарле и Индефатигебле, где они продолжают размножаться, но где человек вкупе с домашними животными преследует выводки и похищает яйца. На Нарборо черепах, по видимому, было мало и до появления человека на Галапагосах. К счастью, их небольшой популяции не грозит опустошение.

Наземные игуаны широко распространены на Баррингтоне, Нарборо и на южном из островов Ла-Плаза. Скудные популяции имеются в северной части Индефатигебля и на Альбемарле. На Южном Сэймуре они за последние 20 лет истреблены почти полностью. Наземных игуан теперь нет и на Джемсе.

Зато морские игуаны встречаются по-прежнему часто. Только в непосредственной близости от селений их стало меньше. Но есть особые обстоятельства, вызывающие тревогу: они скучиваются на небольшом пространстве и к тому же не боятся людей. Если человек не причиняет им вреда, они ведут себя словно ручные.

Одни из самых приятных минут на Галапагосах я провел на террасе дома, принадлежащего Карлу Ангермайеру. Море лежало совсем рядом, и к дому со всех сторон сползались любопытные морские игуаны. Они останавливались у моих ног и подобно щенкам таксы выпрашивали подачку. Ангермайер кормил их с руки рыбой. Но они не брезговали хлебом и охотно выбирали рис из кошачьей миски, что особенно интересно, поскольку до сих пор никому не удавалось приучить этих животных есть в неволе несвойственную им пищу. В большинстве случаев они вообще отказываются от еды. Здесь же животные непременно являлись к каждому завтраку господина Ангермайера. Если он выставлял пудинг, чтобы тот остыл, и при этом отворачивался, нередко случалось, что молодая игуана с удовольствием погружалась в теплое тесто и отдавала ему должное. Морские игуаны, и молодые, и старые, посещают и дом Ангермайера. Каждый вечер они взбираются по стене под самую крышу здания, и, сидя там, свешивают вниз сплюснутые с боков хвосты. Ежедневно в шесть часов вечера в комнате появляется игуана, причем всегда одинаковым образом: перевалив через дверной порог, она останавливается, внимательно оглядывается сначала налево, затем направо, идет напрямик к камину и исчезает в нем.

Когда Ангермайер выходит на террасу, к нему со всех сторон устремляются игуаны. Они прислушиваются к его свисту. Если он свистит в комнате, животные поднимают головы и подползают ближе. С кошкой и собакой они ладят превосходно, дерутся же только между собой. Ангермайер наблюдал, как в период спаривания взрослые самцы ревностно оберегают свои территории от посягательств молодых. Да, человеку нетрудно ужиться с морскими игуанами, но, к сожалению, далеко не у всех поселенцев есть такое желание. Карл Ангермайер исключение. Остальные чаще всего видят в беззащитных ящерицах лишь предмет забавы, с которыми они могут жестоко обращаться.

По мере расширения связи между островами возникает угроза смешения видов и рас. В этом повинны и неосмотрительные ученые, от которых иногда убегают животные, доставленные на другие острова (см. примечание на стр. 122).

Что касается пернатых, то более всех страдают от человека виды крупных птиц, особенно привлекающие к себе внимание и прежде всего на местах гнездовий, где они собираются тысячами. Там добыча яиц и перьев не представляет для охотника никакого труда. В числе прочих преследуется человеком галапагосский альбатрос. Голубей, уток и даже фламинго поселенцы употребляют в пищу. Остается радоваться, что нелетающие бакланы и пингвины гнездятся в очень отдаленных местах, иначе они разделили бы печальную судьбу многих иных видов. Мы предложили включить в перечень птиц, защищаемых законом, фрегатов, оба эндемичных вида чаек, три вида цапель, сов и канюков.

Таблица на стр. 164 дает представление о популяциях крупных пресмыкающих на Галапагосских островах.

Морских львов мы встречали повсеместно. Только на Чатаме и Чарлзе они попадались нам редко. Но тунцовые суда без разбора стреляют в морских львов, которые мешают ловить рыбу для приманки. Котики обитают сейчас в основном на северных островах, и на них по-прежнему ведется истребительная охота из-за ценного меха. Большая опасность подстерегает галапагосских животных со стороны завезенных сюда домашних животных, особенно крыс, мышей, коз, свиней, собак и кошек. Одичавшие ослы и крупный рогатый скот, видимо, не наносят большого урона местной фауне, но это всего лишь предположение, которое надо тщательно проверить. Поэтому следует строжайшим образом запретить выпускать на волю домашних животных и перевозить их на еще незаселенные острова. Сейчас одичавшие собаки и кошки бродят по Альбемарлю, Индефатигеблю и Чарлзу. Козы опустошают Чатам, Худ, Чарлз, Баррингтон, Индефатигебль, Альбемарль и Джемс. Свиньи и домашние крысы усиленно размножаются на Индефатигебле, Джемсе, Чарлзе, Чатаме и Альбемарле, а домашние крысы и на Дункане.

Наименование острова	Гигантские черепахи	Наземные игуаны	Морские игуаны
Чатам	Почти вымерли	Отсутствуют[1]	Встречаются редко
Худ	Почти вымерли	Отсутствуют	Встречаются в большом количестве, но небольшими группами
Чарлз	Вымерли	Отсутствуют	Встречаются в большом количестве, большими группами
Альбемарль	Встречаются часто, но им угрожает истребление	Встречаются часто	Встречаются часто
Нарборо	Встречаются редко, но им не угрожает истребление	Встречаются в большом количестве	Встречаются в большом количестве, большими группами
Баррингтон	Вымерли	Встречаются в большом количестве	Встречаются в большом количестве
Индефатигебль	Встречаются в большом количестве, но им угрожает истребление	Встречаются редко	Встречаются в большом количестве
Ла-Плаза, южный остров	Отсутствуют	Встречаются часто	Встречаются редко
Дункан	Встречаются очень редко	Отсутствуют	Встречаются редко
Джервис	Почти истреблены	Отсутствуют	Встречаются редко
Джемс	Встречаются редко	Истреблены	Встречаются в большом количестве
Абингдон	Встречаются очень редко	Отсутствуют	Встречаются в большом количестве
Биндлоу	Отсутствуют	Отсутствуют	Встречаются в большом количестве
Тауэр	Отсутствуют	Отсутствуют	Встречаются в большом количестве.

Популяция крупных пресмыкающихся на Галапагосских островах

1 *Слово "отсутствуют" означает здесь, что соответствующие животные, очевидно, никогда и не обитали в этом районе*

Сохранение своеобразной фауны Галапагосов требует незамедлительного объявления островов истинным заповедным районом планеты. Хотя Индефатнгебль находится под защитой закона об охране природных богатств, он уже частично колонизован, и это необратимый процесс. Но мы предложили оставить заповедником западную часть острова.

Кроме того, порекомендовали объявить заповедником Нарборо. Это единственный крупный остров среди других с нетронутой фауной и флорой. Ни поселенцы, ни домашние животные не причинили ему еще губительного вреда. На его скалистых берегах гнездятся пингвины и нелетающие бакланы, нуждающиеся в действенной защите. Нарборо следует оградить не только от поселенцев, но и от рыбаков и туристов: достаточно одной единственной сукочьей крысы, чтобы нанести острову непоправимый ущерб.

В отчете ЮНЕСКО, о котором уже говорилось выше, перечислены многие необходимые меры, призванные спасти от окончательного разорения мир "зачарованных островов".

Однако главная роль в деле охраны природы на Галапагосах должна принадлежать биологической станции, и в нашу задачу входило не только внести свои рекомендации, но и подыскать подходящее место для ее основания. Мы выбрали расположенный в центре Галапагосов остров Индефатнгебль, откуда легче всего добираться до других частей архипелага. Сначала предполагалось заложить станцию в двух милях к западу от Академической бухты, но позже мы остановили свои выбор на восточной части бухты: непосредственная близость селения облегчает снабжение и в случае необходимости можно рассчитывать на помощь поселенцев и военной станции.

Недавно Институт имени Чарлза Дарвина, основанный за это время в Брюсселе, торжественно открыл станцию на Индефатигебле. В честь Чарлза Дарвина она носит его имя.

Постепенно мы заковываем нашу планету в асфальт и бетон. На наших глазах за какие-нибудь несколько десятилетий уничтожены навсегда ценности Земли, создававшиеся природой на протяжении миллионов лет. Быть может, этого нельзя избежать в плодородных сельскохозяйственных районах. Тем больше хочется надеяться, что для человечества будут сохранены по крайней мере Галапагосы, не представляющие огромного интереса в экономическом отношении, но щедро наделенные неповторимыми чудесами природы.

Охрана природы - роскошь или долг?

Я убедился в том, что нарушение человеком и сопутствующими ему домашними животными биологического равновесия на Галапагосских островах угрожает дальнейшему существованию многих замечательных творений природы. То, что происходит в маленьком мире Галапагосов, всего лишь отблеск ожесточенной схватки между надвигающейся лавиной человечества и окружающей природой. Восемь тысяч лет назад на нашей планете проживало около 10 миллионов человек. Потребовалось три тысячи лет, чтобы численность населения удвоилась. Но с ростом населения увеличивался и его ежегодный прирост. В 1950 году на Земле жило уже 2500 миллионов человек, в 2000 году их станет 5 миллиардов. За 50 лет население земного шара возрастет в два раза.

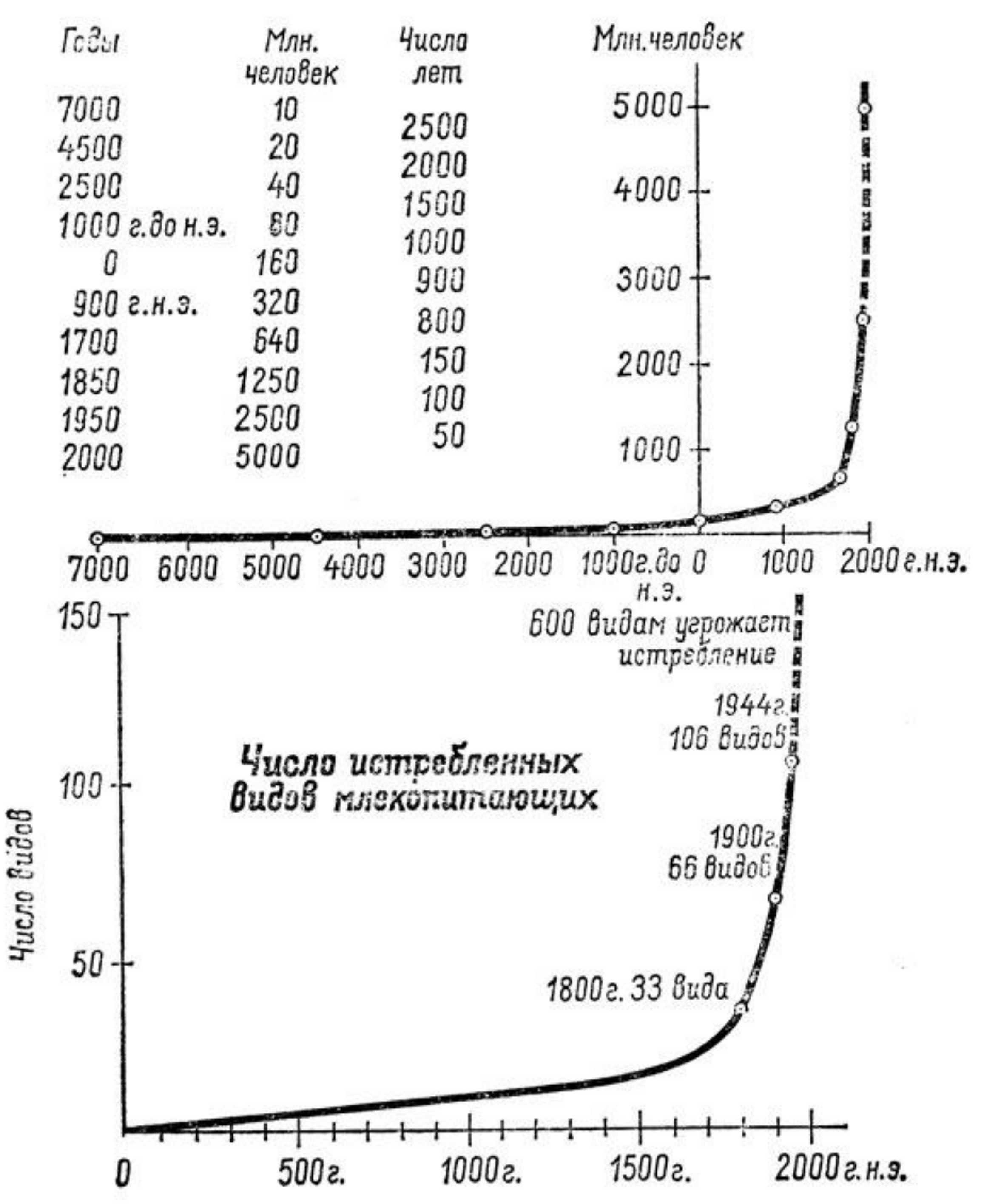
Всем этим людям нужны кров и пища для них самих и для домашних животных. Диким животным по мере распространения человека пришлось основательно потесниться. Кроме того, они служили пищей человеку.

Больше всего пострадали крупные животные, но вред был причинен и мелким существам: распахав землю, вырубив леса, осушив болота, человек уничтожил условия, необходимые им для жизни. За последние 400 лет в Европе исчезли в числе прочих первобытный бык, тарпан и зубр, а множество других видов были оттеснены в пределы очень незначительных по площади районов. Учитывая огромные пространства земли, это равносильно тому, как если бы эти животные вымерли. Такая судьба постигла, в частности, в Швейцарии белого аиста, в Германии медведя, рысь, бобра, выдру, дикую кошку, альпийского каменного козла, лося, филина, журавля, черного аиста, беркута, ворона, бородача, баклана, серую цаплю, скопу, орлана белохвоста и многих других. Опустошение коснулось и Северной Америки, фауна которой сходна с евроазиатской. Достаточно вспомнить о вымирании бизонов, о массовом истреблении странствующих голубей, об

отстреле американского белого журавля. В Африке уничтожение животных началось еще в римскую эпоху. Североафриканские слоны кончали свою жизнь на арене и на поле брани. Не менее печальной была и судьба дикого осла с гор Атласа. Но подлинное избиение животных и их массовая гибель начались после вторжения на континент европейцев, вооруженных огнестрельным оружием. В 1783 году была истреблена саблерогая антилопа. В 1873 году застрелили последнюю кваггу - вид зебры, с полосками только спереди, громадными стадами населявшую ранее Трансвааль и Капскую провинцию. Их били тысячами - мешки из их шкуры стоили дешевле джутовых! Последняя бурчеллева зебра погибла в 1906 году в Лондонском зоопарке. От горных зебр осталось около 60 особей. Погибли южноафриканская антилопа-конгони, свинья-бородавочник, берберский и капский лев. К ним, очевидно, следует добавить красную газель и антилопу бубал. Белохвостый гну и белый носорог Африки сохранились только в заповедниках. В Азии картина не менее безотрадна. Индийский, яванский, суматринский носороги, як, бантенг, малайский и цейлонский слон, орангутан, ряд крупных кошек и многие другие виды животных попадают во все более жестокое окружение. Четыре года назад от азиатских львов осталось около 80 экземпляров - они обитали на полуострове Катхиавар в Индии. Яванский носорог представлен 30-40 особями. Австралия еще в 1924 году экспортировала два миллиона шкур маленького "медведя" коала, ставшего прообразом нашего игрушечного медвежонка. Три года спустя австралийцы с удивлением констатировали, что коала почти целиком истреблены. Предпринимаются попытки сохранить небольшую их популяцию в районе Сиднея.

Грустный список нетрудно пополнить названиями многих других новозеландских и австралийских животных, но вряд ли в том есть необходимость: общеизвестно, что мир животных сильно пострадал от рук человека. Чтобы убедиться в правдивости этих слов, достаточно пройтись но нашим обедневшим лесам.

Население Земли

С ростом населения земного шара увеличивается число истребленных животных

Куда важнее напомнить, что фауна далеко еще не избавлена от нависшей над ней угрозой уничтожения. Совсем недавно двое охотников на крупную дичь при поддержке известного зоолога пытались в книге "Не волнуйтесь за животных", вышедшей в 1959 г. в Мюнхене, убедить читателей в том, что сегодня все обстоит не так плохо, ибо на пяти континентах животные вновь обрели родину. Время, мол, массового истребления и вытеснения животных миновало, сообщения о вымирании зверей на нашей планете всего лишь "сочетание измышлений и лжи". Авторы даже утверждают, что охота на крупных животных, которую порицают многие поборники защиты природы, чуть ли не благо для дела охраны естественных ресурсов, так как является источником необходимых для его

осуществления денежных средств.

События послевоенного периода, однако, показывают, что фауна подвергается не меньшей опасности, чем в прошлые времена. Нашей земле по-прежнему грозит опустошение. В некоторых районах Африки, например, через заградительные цепи перестреляли всех животных в заповедниках, чтобы освободить территорию для посадок земляного ореха. Был вырублен цепкий кустарник, укреплявший землю, и на его месте посажен земляной орех, не защищающий почву от эрозии. Тем не менее, кое-где на континенте продолжают ежегодно "культивировать" тысячи гектаров земли, превращая их в пустыню!

В Тропической Африке муха цеце является переносчиком эпизотии наганы. Это заболевание не опасно для диких животных, но смертельно для домашнего скота. Кое-где начали применять варварский метод борьбы против мухи цеце: убивают каждую газель, каждого жирафа, каждого носорога, одним словом, каждое животное, которое может служить мухе питательной средой. В одной только долине реки Замбези с 1948 но 1951 год было уничтожено свыше 100 тысяч голов животных, причем мухе цеце это не принесло ни малейшего вреда. Тем не менее истребление животных продолжается. Немалую роль играют в нем и туристы-охотники. По словам французского специалиста Люсьена Бланку, их число в государствах экваториальной Африки увеличивается непрестанно. Они разоряют наиболее доступные области, часто совершенно пренебрегая элементарными требованиями спортивной охоты. Белые охотники стреляют сотни животных на глазах у туземных жителей, тогда как последних сажают за решетку даже за убийство одного четвероногого.

Мне, конечно, могут возразить, что человек - венец творения, что все подчинено ему, что он, короче говоря, вправе изгонять и убивать любое живое существо. Что можно на это ответить?

Обратимся к экономическому и тесно связанному с ним научному аргументам. Оба они. несомненно, имеют наибольший вес, ибо все понимают, что неразумно пилить сук, на котором сидишь. Если мы, не задумываясь, сведем леса, возникнут пустыни и засушливые степи. Этому нас учит история средиземноморских стран. Вот почему вырубать леса не целесообразно, и закон, как правило, не допускает излишних порубок. По этой же причине кое-где взялись за охрану животных. Когда ценные с экономической точки зрения котики с островов Прибылова находились уже на грани полного истребления, были приняты меры для их защиты. Популяцию обладателей дорогого меха удалось снова довести до миллионов особей, благодаря чему стал возможен разумный отстрел животных в хозяйственных целях. Сегодня охотники бьют в первую очередь самцов, живущих отдельно от стад, не угрожая таким образом продолжению рода. В худшем положении пребывают киты. Правда, уже стало ясно, что бесконтрольное уничтожение животных в конце концов подорвет самые основы китобойной промышленности. Создана международная комиссия для регулирования промысла, но, к сожалению, не все занимающиеся китоловством страны присоединились к выработанной комиссией конвенции.

Таким образом, к экономически важным мерам по защите природы относится прежде всего сохранение тех видов животных, которые имеют серьезное хозяйственное значение, но кто может сегодня предвидеть, какое значение приобретут те или иные виды животных в будущем? Совершенно неприметный вид может неожиданно для нас оказаться завтра необычайно благоприятным объектом для биологического исследования. А поскольку миллионы людей, населяющих и, к сожалению, опустошающих нашу планету, в конечном счете своим существованием обязаны успехам естественных наук - без достижений биологи, медицины, физики, химии и отпочковавшейся от этих наук техники на Земле не было бы двух с половиной миллиардов людей,- им следует прислушаться к советам естествоиспытателей, когда речь идет о сохранении видов животных, тем более что мы, ученые, действуем в интересах тех, кто по своей близорукости не видит, какой ущерб наносят им самим их ограниченность и корыстолюбие.

Нам хотелось бы также прибегнуть к этическим и эстетическим аргументам. Мы

отнюдь не возражаем против того, чтобы человек использовал в своих интересах животный и растительный мир, но пусть он помнит, что природа - ценный дар, а истребление любого вида животных - убийство. Франкфуртский зоолог Бернхард Гржимек в комментарии к сделанному им фильму "Серенгети не должна умереть" говорит, что последние остатки африканской фауны - это культурное достояние всего человечества, подобно готическим соборам и античным зданиям.

Наконец, каждый человек, не утративший способности видеть, понимает, какую огромную эстетическую ценность представляет собой нетронутая природа. Цветущие альпийские луга, затерявшиеся в глуши озера и болота - края непуганых птиц, степи, по которым бродят стада крупных животных,- все это, помимо своей первозданной красоты, действует умиротворяюще на человека, доставляет ему наслаждение и отдых. Хотя бы только по этой причине представляется неразумным считать создание национальных заповедников излишней роскошью.

Литература

Ваиr G., On the Origin of the Galapagos-Islands, "American Naturalist", vol. 24, 1891.

Beck B. H., In the Home of the Giant Tortoise, Seventh Annual Boport New York Zoological Society, 1903.

Beebe W., Galapagos, Worlds End, New York, 1924.

Beebe W., Arcturus Adventure, New York, 1926.

Bowman B. I., Morphological Differentiation and Adaptation in the Galapagos Finches, "Univ. Calif. Publ. Zool.", 58, Los Angeles, 1961.

Bowman B. I., Darwins Finches, "Pazific Discovery", 18, 1965, p. 10-13.

Burney J., History of the Buccaneers of America, London, 1816, 2 vols.

Chapin E. A., Darwin and the Galapagos Islands, "Bulletin of the Pan-American Union", vol. 69, № 9.

Colnett James, A Voyage to the South Atlantic and Bound Cape Horn into the Pacific Ocean, for the Purpose of Extending the Spermaceti Whale Fisheries, London, 1798.

Cow1ey A., Voyage around the World, London, 1699.

Curio E., Kramer P. Vom Mangrovefinken (Cactospiza heliobates), "Z. Tierpsychol.", 21, 1964, p. 223, 234.

Dall W. H., Ochsrter W. H., Tertiary and Pleistocene Mollusca from the Galapagos Islands, "Proc. Calif. Acad. Sci.", 4, vol. 17.

Dampier W., New Voyage Bound the World, London, 1697.

Darwin Charles, A Naturalist's Voyage Around the World, New York, 1890. [Имеется русский перевод: Ч. Д а р в и н, Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль", Географгиз, М., 1954.]

Darwin Charles, On the Origin of Species by means of Natural Selection, London, 1959.

Dorst J., Impressions Ornithologiques aux lies Galapagos, "L'Oiseau et la Bevue Frangaise d'Ornithologie", vol. 29, 1959.

Eibl-Eibesfeldt I., Survey on the Galapagos-Islands, "Unesco Mission Reporls", № 8, 1859; Naturschutzprobleme auf den Galapo- gos-Inseln, "Acta Tropica", 1960.

Eibl-Eibesfeldt I., Eine neue Rasse der Meerechse, Amblyrliynchus cristatus venustissimus, "Senckenbergiana Biol.", 37, 1956.

Eibl-Eibesfeldt I., Der Kommentkampf der Meerechse (Ambly- rhynchus cristatus), "Zeitschrift fur Tierpsychologie", 12, 1955.

Eibl-Eibesfeldt!., Ethologische Studien am Galapagos-Seelowen, "Zeitschrift fiir Tierpsychologie", 12, 1955.

Eibl-Eibesfeldt I., Neue Unterarten der Meerechse, Amblyrliynchus cristatus, nebst weiteren Angaben zur Biologie der Art, "Senek. Biol.", 43, 1962, p. 177-199.

Eibl-Eibesfeldt I., Sielmann H. Beobachtungen am Spechtfinken Cactospiza pallida, "J.

Omitbol.", 103, 1962, p. 92-101.
Gerlach R., Bedrohte Tierwelt, Luchterhand-Verlag, Darmstadt, 1959.
Grzimek B. u. M., Serengeti darf nicht sterben, Ullstein-Verlag, Berlin, 1959.
Grzimek B., Kein Platz fiir wilde Tiere, Kindler-Verlag, Miinchen, 1954.
Hagen V. W. von, Ecuador and the Galapagos-Islands, Norman, 1949.
Hass Hans, Wir kommen aus dem Meer, Ullstein-Verlag, Berlin, 1957.
Heim R., Derniers Refuges. Elsevier, Amsterdam, Briissel, Paris, 1956.
Lack D., Darwins Finches, Cambridge, 1947. [Имеется русский перевод: Д. Л эк, Дарвиновы выорки, ИЛ, М., 1949.]
Laггеа C. M., El Archipielago de Colon (Galapagos) Editorial Casa de la Cultura Ecuatoriana, Quito, 1960.
Linsley E. G., Usinger R. L., Insects of the Galapagos Islands, "Proc. Calif. Acad. Sci.", IV, 34, 1966, 113-196.
Lorenz K., King Solomons Ring, London, 1952.
Melville H., The Encantadas, or the Enchanted Isles, Burlingame, Calif., 1940.
Mertens R., Ober die Schlangen der Galapagos, "Senckenbergiana Biologica", Bd 41, 1960.
Moore R. T., The Protection and Conservation of Zoological Life of the Galapagos Archipelago, "Science", N. Y., 1935.
More 11 B., A Narrative of Four Voyages to the South Sea and South Pacific Ocean, New York, 1832.
Murphy R. C., Oceanic Birds of South America, New York, 1936, 2 vols.
Niethammer J., Contribution a la connaissance des Mammiferes terrestres de L'lle Indefatigable (Santa Cruz), Galapagos, "Mammalia", 28, 4, 1964, p. 593-606.
Parker H. W., Lowe P. R., On the Need for the Preservation of the Galapagos Fauna, Proceedings of the Linnaean Society of London, 1934.
Poll M., Leleup N., Un poisson aveugle nouveau de la famille des Brotulidae provenant des iles Galapagos, Ac. royale de Belgique, Bull, des Sciences, 5e Serie, 51, 1965, p. 464-474.
Porter D., Journal of a Cruise Made to the Pacific Ocean by Captain David Porter in the U.S. Frigate "Essex" in the Years 1812, 1813, and 1814, New York, 1822.
Bogers, Captain Woodes, A Cruising Voyage Around the World, London, 1718.
Scheer G., Die Vernichtung der Tierwelt durch den Menschen, Schriftenreihe der Naturschutzstelle Darmstadt, 1958.
Sivertsen E., A new Species of Sea Lion, Zalophus wollebaeki from the Galapagos-Islands, "Dot Kongelige Norske Videnskabers Selskabs Forhandlinger", vol. 26, 1953.
Slevin J., An Account of Beptiles Inhabiting the Galapagos-Islands. "Zoological Society Bulletin", vol. 38, 1935.
Slevin J. B., The Galapagos Islands, A History of their Exploration, "Occ. Papers Calif. Acad. Sci.", 25, San Francisco, 1959.
Snow D., The giant Tortoises of the Galapagos-Islands, "Oryx", 1964, p. 275-290.
Stewart A., Botanical Survey of the Galapagos-Islands, "Proc. Calif. Acad. Sci.", vol. 1, 1911.
Swarth H. S., The Avifauna of the Galapagos-Islands, "Occ. Papers Calif. Acad. Sci.", 18, 1931.
Townsend Ch. H., The Galapagos Tortoises in their Belation to the Whaling Industry, New Bedford, Mass., 1936.
Van Denburgh J., The Giantic Land Tortoises of the Galapagos Archipelago, Proc. Calif. 1912.
Van Denburgh J., The Snakes of the Galapagos Archipelago, "Proc. Calif. Acad. Sci.", 1, 1912.
Van Denburgh J., The Gigantic Land Tortoises of the Galapagos, "Proc. Calif. Acad. Sci.", 2, 1914.
Van Denburgh J., Slevin J. B., The Galapagos Lizards of the Genus Tropidurus; with notes on the Iguanas of The Genera Cono- lophus and Amblyrhynchus, "Proc. Calif. Acad. Sci.", 2, 1913.

Vinton K. W., Origin of Life on the Galapagos-Islands, "Am. J. Sc.", 242, 1951, p. 356-376.
Witt m e r M., Postlagernd Floreana, Frankfurt/Main, 1959.
Wolf Th., Die Galapagos-Inseln, "Ges., f. Erdkunde.", Berlin, 22, 1895, p. 246-265.
Зачарованные острова Галапагосы

В Тихом океане, отделенные от ближайшего материка тысячей километров морских просторов, лежат удивительные вулканические острова. Своеобразна и экзотична природа Галапагосов. На черных лавовых скалах греются ящерицы игуаны, сохранившиеся здесь со времен «века рептилий», медлительно движутся гигантские черепахи. На островах тесно уживаются животные и растения тропиков и Заполярья: лианы и мхи, тропические птицы и чайки Антарктики, пингвины, морские львы и бакланы. Живо и увлекательно, на основе личных впечатлений рассказывает об уникальном животном мире «зачарованных островов» молодой зоолог Иренеус Эйбль-Эйбесфельдт. Книгу с интересом прочтут самые широкие круги читателей.

О книге
Об авторе
Предисловие
Эдем в Тихом океане
Мои друзья - морские львы
В царстве гигантских черепах
Турнир драконов
Галантные бакланы
Восхождение на вулкан
Среди фрегатов и олушей
Мы ныряем к акулам
Дарвиновы вьюрки
О чем рассказывают килехвосты
Поездка на Кокос
Джемс - остров пиратов и котиков
Брачный танец альбатросов
Вторжение в рай
Опустошение
Охрана природы - роскошь или долг?
Литература

Источник:
Эйбл-Эйбесфельдт И. 'Зачарованные острова Галапагосы' - Москва: Прогресс, 1971 - с.172